

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Воронежский государственный университет»

На правах рукописи

Православский Стефан Сергеевич

**ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОСТИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В
ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

диссертация

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Бубнов Ю.А.

Воронеж 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3–13
ГЛАВА I. Теоретико-методологическая экспликация феномена социальности.....	14–104
§1. Феномен социального в историко-философской ретроспективе.....	14–45
§2. Проблемное поле социальности и его методологические основания	46–74
§3. Социальная коммуникация как системообразующая операция социальности	75–105
ГЛАВА II. Анализ основных структурных компонентов социальности в информационном обществе.....	105–165
§1. Сущность процесса трансформации социальности с точки зрения социальной дифференциации	105–121
§2. Социальная синхронизация как магистральная динамика информационного общества.....	122–144
§3. Иерархическая структура социальности в информационном обществе.....	145–165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	166-170
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	171–187

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования.

Актуальность данного исследования обусловлена спецификой тенденций становления современного информационного общества. Эта специфика проявляется, в частности, в некритическом внедрении в социальную реальность технических решений, способствующих масштабным изменениям социальных процессов. Без решения принципиальных вопросов о сути социального и особенностях его трансформации, проводниками которой являются информационные технологии, дальнейшее движение общества во времени может иметь непредсказуемые социальные и культурные последствия. В этой ситуации возникает необходимость социально–философского анализа возникающей проблематики.

Кроме того, актуальность заявленной темы обусловлена нарастающими требованиями концептуализации социальных процессов информационного общества, с развитием которого возникает ряд принципиально новых проблем. Из всего их спектра представляются наиболее актуальными следующие:

а) Осмысление процесса социализации в условиях увеличения количества и плотности информационных потоков, с необходимостью интерпретации и фильтрации которых сталкивается индивид.

б) Переход значимых социальных процессов в сферу технологически опосредованной коммуникации, влекущий за собой количественные и качественные изменения социальной реальности.

в) Трансформация процессов межкультурного диалога и общественной интеграции, сопряженная с развитием новых форм коммуникации, возникающих в информационном обществе.

г) Проблема выявления позитивного и негативного потенциала внедрения тех или иных технических решений в социальную реальность, сопряженная с необходимостью адекватного социального прогнозирования.

д) Необходимость разработки новых методологических подходов в области социальной философии и теоретической социологии, обусловленная высокими темпами трансформации социальной реальности информационного общества.

Учитывая вышеизложенное, представляется необходимым проведение социально–философского исследования, способного внести вклад в решение указанных выше проблем.

Степень разработанности проблемы.

Феномен социального стал предметом философской рефлексии еще в эпоху античности. Первые попытки определить статус и сущностные особенности социальной реальности связаны с именами Гераклита и Парменида. Проблема генезиса социального, неотделимая от вопроса о его сущности, получает теоретическое выражение в рамках философских воззрений софистов, Платона и Аристотеля.

В эпоху средневековья проблема генезиса социального рассматривалась с теоцентрических и провиденциалистских позиций. Сформулированные в рамках патристики онтологические и антропологические концепции, привели к трансформации философских подходов к социальному. Наиболее существенный вклад в становление средневековой парадигмы рассмотрения социальной реальности внесли св. Августин и св. Фома Аквинский.

Исследование сущности и генезиса социального в эпоху Нового времени связано, прежде всего, с именами Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, О. Конта. На первом этапе (XVII–XVIII вв.) господствует теория общественного договора, основные версии

которой выявляют различные аспекты генезиса социального. На втором этапе (XIX в.) на смену теории общественного договора приходят идеалистические и материалистические концепции социальности, пытающиеся выявить закономерности ее генезиса и развития. Феномен социального рассматривается с позиций детерминизма, имеющего идеальную, эволюционную или экономическую основу.

Следует отметить, что кроме работ перечисленных выше представителей западной философской традиции, данное диссертационное исследование опирается на широкий круг монографий. Сюда можно отнести работы таких исследователей как Дж. Барнс, А. Маковельский В.В. Сомов А. Доватур П. Лобье, проясняющие некоторые стороны античного понимания социальности. Средневековый аспект изучения проблем, связанных с осмыслением социального помогают понять работы Ф. Бака, М. Дэвиса, Т.В. Епифановой Ю. Боргоша, С. Свежавски. Специфика теорий общественного договора освещается в работах Д. Буше и Ф. Келли, Д.С. Крауса, К. Бертрама. Также следует назвать имена отечественных исследователей, таких как А.В. Филипов, Б.В. Мееровский, В.В. Соколов, Г.А. Заиченко, М.А. Киссель, Б.С. Маньковский. Работы этих ученых акцентируют внимание на важных особенностях теоретических подходов философии Нового времени к анализу социального.

Исследованию проблемы генезиса социального в первой половине XX века были посвящены работы таких классиков социальной мысли как Э.Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, воззрения которых анализируются в данном исследовании, поскольку имеют ключевое значение для становления системного подхода в социальной философии.

Наряду с этим, использовались работы таких представителей современной социальной философии как С.К. Сандерсон¹, А.У. Голднер²,

¹ Sanderson S.K. The Evolution Of Human Sociality. - Boston, 2001. - 393 p.

² Голднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. - Санкт-Петербург, 2003. - 574 с.

Е.Н. Стариков¹, В.Е. Кемеров². Они освещают проблемное поле социальной философии XX века с различных сторон и дают представление об основных направлениях и перспективах исследований генезиса социальности.

Вместе с тем, следует отметить, что проблема трансформации социальности в условиях информационного общества является относительно новой для социально-философской рефлексии. Несмотря на огромное количество исследований, нельзя сказать, что данная проблема разработана достаточно полно. Отсутствуют устоявшиеся подходы и концепции, обладающие парадигмальным статусом. В таких условиях необходимо ориентироваться на исследования, предоставляющие широкие теоретико-методологические перспективы, а также затрагивающие специфику актуальных для информационного общества процессов. Данным обстоятельством и был обусловлен круг исследований, используемых в данной работе. Также следует сказать о том, что в задачи исследования принципа социальности (феномена макроуровня) не входит анализ таких социально-философских подходов как методологический индивидуализм, символический интеракционизм, этнометодология, постструктурализм, ориентированных на микроуровень социальной реальности.

Крайне важными для данного исследования являются концептуальные разработки Н. Лумана и В. Фрике, касающиеся осмысления социального в контексте коммуникационных процессов и технологических факторов.

Ключевыми для анализа процессов трансформации социальности информационного общества также являются работы А. Моррисон–Штамфа³, Д. Барни⁴, М. Кастельса⁵, С. Фугса⁶, К. Кумара⁷, М. Ганди⁸. Также стоит отметить работы отечественных исследователей, таких как Кемеров В.Е.

¹ Стариков Е.Н. Общество–казарма от фараонов до наших дней. - Новосибирск, 1996. - 420 с.

² Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. - 1999. - №7. - С. 3–13

³ Morrison Stumpff A. The Law is a Fractal : The Attempt to Anticipate Everything, 2012. - pp.649–681

⁴ Barney D. The Network society. - Cambridge, 2004. - 198p.

⁵ Castells M. End of Millenium. - Oxford, 2004. - 448 p.

⁶ Fuchs S. Against Essentialism: A Theory Of Culture And Society. - London , 2001. - 380 p.

⁷ Kumar K. From Post–industrial to Post–modern Society. - Oxford, 2005. - 289 p.

⁸ Gandy M. Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research, 2005.– Volume 29.1. - pp.26–49

Керимов Т.Х., Смирнов А.Е., Козырьков В.П., Кравец А.С., Зайченко М.А., Рыбаков Н.С., Гиренок Ф.И., Мелюхин И.С., Резник Ю.М.

Объект исследования - социальная реальность.

Предмет исследования - трансформация принципа социальности в условиях активного внедрения информационных технологий в жизнь общества.

Цели и задачи

Цель диссертационного исследования – философская концептуализация принципа социальности и выявление ключевых положений трансформации феномена социального в информационном обществе.

Задачи, решение которых необходимо для достижения данной цели:

- 1) Провести историко-философский анализ феномена социального в западной философской традиции.
- 2) Осуществить экспликацию внутренней структуры принципа социальности и его теоретико–методологического статуса в современной социальной науке.
- 3) Выявить специфику социальной коммуникации как системообразующей операции в рамках информационного общества.
- 4) Охарактеризовать общие методологические основания и перспективы исследования информационного общества с точки зрения системного и сетевого подходов.

5) Обосновать теоретико-методологический потенциал разрабатываемой модели социальности путем анализа основных аспектов социальности в информационном обществе.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Проведение данного исследования потребовало применения комплексной методологии. С одной стороны, теоретическому анализу подлежит историко-философское наследие, в котором отражаются предшествующие этапы становления социальной мысли. С другой стороны, необходимо теоретико-методологическое решение вопроса о путях исследования социальности в рамках информационного общества. Таким образом, в качестве основного метода исследования используются конкретно-исторический метод, позволяющий выявить основания феномена социального, а также установить основные вехи в становлении современной интерпретации социальности. Для установления специфики современных теоретических подходов к анализу социальности используется метод компаративистского анализа социально-философских концепций и направлений.

В целях экспликации принципа социальности применяется метод структурного анализа основных характеристик социальной коммуникации в ее связи с феноменом социальности. Также используется метод теоретического моделирования, позволяющий применить результаты социально-философского анализа социальности к исследованию трансформации социальности в информационном обществе.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретико–методологического подхода к анализу социальности, ориентированного на исследование процессов экспансии современных информационных технологий в социальную реальность.

1. В работе дан социально–философский анализ принципа социальности, основанный на системном подходе к исследованию социальной реальности, и учитывающий особенности развития сетевых технологий в рамках глобального коммуникационного пространства.

2. Установлена и проанализирована связь между социальностью и коммуникацией, имеющая системный и диалектический характер, что выражается в процессах порождения самоподдерживающейся коммуникации, а также в феномене отчуждения социальности от коммуникации.

3. Исследован феномен инструментализации социальности, демонстрируется его магистральный характер в процессах формирования глобального коммуникационного пространства. Выявляется специфика и анализируются основные формы инструментализации социальности в условиях экспансии информационных технологий.

4. Разработан теоретико-методологический подход к анализу коммуникации как феномена, обладающего свойствами самоподобия (фрактальности), проявляющимися в структуре коммуникации и в специфике коммуникативных актов. Описаны основы метода трехаспектного анализа социальности на основе системно-теоретической модели коммуникации.

Устанавливаются возможные перспективы междисциплинарных исследований на основе разработанного подхода.

5. Выявлены и проанализированы ключевые аспекты трансформации социальности в информационном обществе: социальная синхронизация, социальная дифференциация, иерархические механизмы социальности. Продемонстрирован диалектический характер влияния экспансии информационных технологий на социальную реальность, заключающийся как в одновременном повышении эффективности социальной коммуникации, так и в процессах отчуждения коммуникации от социальности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социальность является системным свойством коммуникации, возникающим в условиях достаточной актуализации трех параметров коммуникации: синхронизации, дифференциации, иерархии. Коммуникация, являясь фундаментом социальности, представляет собой феномен, обладающий свойствами самоподобия (фрактальности).

2. Синхронизация, дифференциация, иерархия составляют ключевые аспекты социальности, рассматриваемой как самоподдерживающаяся коммуникация. Данные аспекты возникают в ходе развития процессов коммуникации, составляющей системообразующую операцию социальности, и являются проекцией структуры коммуникации на социальную реальность.

3. С развитием информационного общества феномен социального приобретает инструментальный, ситуативный и стратегический характер. Опираясь на достижения современных информационных технологий, социальность может возникать на минимальной основе, за короткое (по сравнению с предшествующими эпохами) время достигать высокого уровня

своей актуализации и внезапно исчезать после выполнения ситуативной функции в рамках информационного общества.

4. Основной динамикой трансформации социальности в информационном обществе является актуализация противоречия между социальностью и технически опосредованной коммуникацией. Суть этого противоречия заключается в том, что ходом социальных процессов начинает управлять не аутентичная коммуникация участников, а логика технического решения, предоставляющего возможности для осуществления данной коммуникации.

5. Главным содержанием и назначением принципа социальности в информационном обществе является отстаивание независимости и приоритета социальности по отношению к технически опосредованной коммуникации. Практическое значение принципа социальности состоит в установке, согласно которой социальность, реализующаяся в аутентичной и свободной коммуникации членов общества, обладает безусловным приоритетом по отношению к интересам технологии и стоящих за ней сил. Принцип социальности также подразумевает необходимость выработки теоретических и практических подходов к проблеме использования коммуникационных технологий информационного общества в целях «колонизации» или «эксплуатации» социальной реальности через инициирование неаутентичной коммуникации.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Результаты исследования вносят теоретико–методологический вклад в становление новых подходов к философскому анализу феномена социального. В исследовании установлены основные характеристики, присущие феномену социального в его историко–философской перспективе и в условиях информационного общества. Проведена концептуализация принципа социальности с использованием достижений современной

социально–философской мысли. Разработан теоретико–методологический подход к анализу социальности, согласованный с особенностями коммуникационных процессов информационного общества. Также проведен анализ основных аспектов трансформации социальности в условиях информационного общества. Выработанная теоретическая модель социальности может быть применена для исследования процессов межкультурного и внутрикультурного взаимодействия, так как позволяет анализировать процессы становления социальных связей и структур. Данная модель социальности также способна служить теоретико–методологическим основанием исследований процесса социализации в информационном обществе, так как учитывает инструментальный и сетевой характер информационных потоков, направленных на индивида. Теоретическая модель формулирует методологическое основание для анализа специфических процессов глобализации, носящих инклюзивно–эксклюзивный характер, напрямую обусловленный развитием современных информационных технологий. Результаты исследования создают потенциал для выстраивания междисциплинарных связей социальной философии и социологии, а также исследований в теории комплексности. Материалы исследования предоставляют возможность для разработки конкретных социологических исследований информационного общества. Основные положения исследования могут быть использованы для разработки учебных курсов по истории и философии социальных наук, социальной философии, социологии.

Апробация исследования.

Основные положения диссертационного исследования обсуждались на следующих международных и региональных научных конференциях:

Международный молодежный научный форум «Ломоносов 2012» (Москва, МГУ, апрель 2012), «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». X Региональная научная конференция молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук (Новосибирск, НГУ, ноябрь 2012). «Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы». Международная молодежная конференция (Воронеж, ВИВТ, август 2012). «Культура восточнославянского приграничья: история и современность» Международная молодежная конференция. (Воронеж, ВИВТ, июнь 2012). Международный молодежный научный форум «Ломоносов 2014» (Москва, МГУ, апрель 2014), Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы российской философии» (Воронеж, ВГУ, сентябрь 2014)

Структура и объем работы

Диссертационное исследование включает в себя введение, две главы, состоящие из 6 параграфов, заключение. Общий объем работы составляет 187 страниц. В конце работы приведен библиографический список, состоящий из 210 источников.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОСТИ

§1. Феномен социального в историко-философской ретроспективе

Одной из проблем заявленной темы в ее историко-философском измерении является необходимость ответа на вопрос о том, как именно представители западной философской традиции видели сущность социогенеза и принципиальные характеристики социального состояния. Важны и те предельные концепты, к которым они сводили социальное.

Чтобы вновь вернуться к истокам социальной науки и попытаться обнаружить связующие нити ее методологии, необходимо обратиться к базовому в парадигме социальных наук концепту социальной реальности, социальности как феномена культуры. При этом необходимо учитывать проблемный характер исследуемого объекта и неопределенность его границ. В соответствии с задачами исследования в данной главе будут в историко-философской ретроспективе рассмотрены те социально-философские воззрения, которые в наибольшей степени повлияли на становление современных подходов к исследованию общества.

Социальность как феномен и объект социально–философского осмысления начинает проявляться на теоретическом горизонте уже в философии досократиков. Конечно, было бы поспешным говорить о наличии в ранней греческой философии развитых концепций социальности и ее принципиальных характеристик, но, тем не менее, можно констатировать наличие на этом этапе развития философской мысли совершенно определенных социально-философских интуиций, которые в последующие эпохи были развиты западной философской традицией.

Общая характеристика античной парадигмы осмысления социальности включает в себя два принципиальных момента. Во-первых, социальное как

такое мыслилось уже в рамках ранней античной философии с двух принципиально различных точек зрения. Социальное представляли либо как феномен, естественным образом проистекающий из природного, либо как нечто, обладающее искусственным происхождением. С точки зрения первого подхода общество есть феномен, обязанный своим бытием и развитием космическим процессам, и представляющий собой природную форму в ряду других природных форм. Противоположный подход рассматривает общество как артефакт, обязанный своим существованием развитию форм человеческой культуры.

Во-вторых, в рамках античной философии социальность не мыслится в отрыве от государства, или, более точно, в отрыве от полиса и политического. Такой подход к социальной реальности обусловлен античной установкой на осмысление полиса как проекции космоса в сферу конкретного бытия античной общины граждан. Связанные отношениями макрокосма и микрокосма, космос и полис составляют единую и непрерывную линию преемственности, не оставляющую теоретического пространства для выделения социальности в отдельную от политического область. Осмысление античной социально-философской парадигмы с учетом этих двух принципиальных аспектов делает возможным анализ основных теоретических интуиций представителей античной мысли, касающихся феномена социальности, начиная с тех моментов, которые могут быть выделены уже в философии досократиков.

Первым значимым в контексте данной проблематики представителем античной философии является Гераклит, который осмысливал все феномены как проявление диалектического движения противоположностей под управлением огня-логоса. Этот философ, по сравнению с другими досократиками, заслуживает особого внимания в силу глубины выраженных им теоретических интуиций.

В рамках философии Гераклита социальность предстает как продукт войны, которая является «отцом всего». Установление шаткого баланса в

диалектике противоположных начал и интересов приводит к оформлению социального как формы природного порядка, возникающего при достижении определенной диспозиции космических сил в рамках всеобщего космического цикла. Гераклит отводит ведущую роль в генезисе социального именно разделению и противоборству. Для существования социума, согласно мыслителю, необходима дифференциация его участников: «С социально-политической точки зрения Гераклит прославляет войну и всеобщее состязание. Войне обязано человеческое общество и государство своим возникновением и процветанием. Только война создает между людьми правильные отношения, так как она разделяет людей по рангам и ценности»¹. Мнение А. Маковельского о Гераклите, выраженное им еще в начале XX века, до сих пор не потеряло своей актуальности. Разделение людей «по рангам и ценности», выступающее основополагающим моментом социогенеза по Гераклиту, является прообразом всех дальнейших социально-философских концептов, затрагивающих общественную дифференциацию и стратификацию.

Греческий философ говорит о том, что человеческие законы восходят к единому центральному принципу: «Желающие говорить разумно должны опираться на всеобщее, так же как город на закон, и даже еще крепче; ведь все человеческие законы *τρέφονται* (обусловлены – С.П.) единым божественным законом, который простирает свою власть насколько желает, всем довлеет и над всем одерживает верх»². Таким образом, можно констатировать наличие определенного взгляда на социальное, включающего в себя два принципиальных аспекта: Природный (космический) исток социальности в Логосе и Войне, и культурную реальность полиса. Эти аспекты относятся друг к другу как сущность и явление.

¹ Маковельский А. Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Ч1. До элеатовский период. – Казань, 1914. – С. 132

² Кессиди. Ф. Гераклит. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 171

В философии Гераклита, как в лейбницевской монаде содержится в малом масштабе весь горизонт последующих дискуссий, касающихся базовых социально-философских концептов. Например, как продемонстрировал Ф. Кессиди, мы можем отыскать у мыслителя намек на критику теории общественного договора: «По-видимому, мысль эфесца относительно человеческих законов сводится к тому, что истинные правовые нормы – это те, которые выражают всеобщий интерес и сообразуются (подчиняются, опираются, подкрепляются, поддерживаются) и их объективной основой (единым, «божественным» законом), но не те, которые устанавливаются «произвольным мнением» ἰδίαν φρονεσῖν отдельных лиц или даже «большинства» граждан»¹. Философия Гераклита в ее социальном измерении является настолько содержательным идейным комплексом, выражающим античную социально-философскую парадигму, что и другие представители ранней греческой философии могут быть рассмотрены через призму учения Гераклита.

Существовал и другой полюс античной социально-философской интуиции, видящей в обществе феномен естественной природы. Так, в философии Парменида социальность или социальный процесс относится к тому же порядку иллюзорных феноменов, что и движение. Не признающая актуальности каких-либо изменений в рамках монистической онтологии вечного бытия, концепция Парменида находится в русле общей античной установки на восприятие политической, социальной и культурной реальности как эпифеномена эстетически совершенного космоса. Формы организации людей в социум в рамках этой установки могут интересовать философа лишь косвенно, потому что они являются отражением истины (aletheia) в сфере мнения (doxa).

Важная динамика в античной социально-философской парадигме начинает проявляться в переходном периоде от ранней греческой философии

¹ Кессиди. Ф. Гераклит. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 172

к ее классическому этапу. Сократ и софисты вносят совершенно новое содержание в проблему происхождения социального. В их воззрениях мы сталкиваемся с позицией, согласно которой социальность является феноменом искусственного происхождения и обязана своим существованием культурной активности человека. Очень ярко эта установка выражена в поэтической речи софиста Крития:

«Было время, когда жизнь людей была неорганизованной,
И жестокой, и служила силе;
Когда не было ни вознаграждения для добрых,
Ни наказания для злых.
И тогда, я думаю, человек учредил законы,
Как наказание, для того чтобы правосудие могло стать правителем
Всех в равной степени, и держать жестокость в подчиненном
Состоянии»¹. (прим. здесь и далее перевод мой - С.П.)

В этом отрывке угадываются положения теории общественного договора, а также дано отчетливое представление о социальности как о продукте первичного законотворчества, как о результате стремления к справедливому положению дел в обществе. Как и у Т. Гоббса, акцент делается на силе, которая служит для осуществления контроля и для поддержания гражданского благополучия. Как у Дж. Локка, особо выделявшего вопросы собственности и благосостояния граждан, подчеркивается необходимость справедливого вознаграждения за добрые дела. Как у Ж.Ж. Руссо, упоминается взаимный и равноправный характер проекта учреждения всеобщего законодательства.

В парадигматическом ключе, послужившем прообразом для последующих социально-философских теорий социальности, решается в софистике вопрос о роли божественного закона в социогенезе. Поскольку предшествующая парадигма рассмотрения общества как прямого

¹ Barnes J. The presocratic philosophers. – New York, 2000. – pp. 451-452

проявления космического Логоса в сфере имманентного была довольно сильна, софисты просто не могли не дать какого-либо теоретического ответа в отношении критикуемой ими традиции. Ответ софистики может быть сведен к следующему тезису Крития, который приводит в своей работе Дж. Барнс: «Один умный человек, встревоженный неспособностью человеческих законов обуздать зло, изобрел богов: через убеждение в существовании божественного закона и божественных судей, ему удалось, в некоторой степени, сделать социальную жизнь менее отвратительной и менее жестокой»¹.

Здесь можно констатировать важный в теоретическом отношении момент античной социально-философской парадигмы. В античной философии в лице софистики смешиваются два принципиальных вопроса, имеющих отношение к природе социального: реальность божественного и основание социогенеза. Социум в представлении древних мыслителей формируется «божественным законом» двояко. Это либо необходимая ступень в развитии Логоса (Гераклит), где реальность божественного закона безусловна, либо имманентное становление группы людей обществом через получение «божественных» предписаний.

Естественность или искусственность происхождения общества как проблема и как поле теоретического конфликта во многом сводится к различию в осмыслении божественного. Божественное понимается либо как всепроникающий первопринцип, проявлением которого является социальное, либо как внешняя инстанция власти, персонифицированная (в практических целях) в образах богов. Каждый вариант интерпретации божественного, таким образом, служит якорем, закрепляющим воззрения того или иного мыслителя в пределах одного из двух теоретических подходов к осмыслению природы общества.

Следующей вехой в разработке вопросов о феномене социального был классический этап античной философии, связанный с именами Платона и

¹ Barnes J. The presocratic philosophers. – New York, 2000. – P. 453

Аристотеля. По сути, их философские позиции были выражением тех фундаментальных теоретических интуиций, которые были описаны ранее.

Но благодаря глубине концептуальной разработки социально-философских вопросов, которую удастся обнаружить в трудах этих мыслителей, представляющих кульминацию античной философии, можно говорить об их основополагающем вкладе в историю формирования представлений о социальном.

Важность позиции Платона заключается в том, что являясь последователем точки зрения, согласно которой социальное есть продукт рационального взаимодействия законодателя и населения какой-либо местности, он вносит в эту трактовку важные теоретические уточнения.

Во-первых, Платон (несмотря на общепринятую точку зрения) уже частично разделяет понятия общества и государства, что говорит о выходе социально-философской мысли античности, по крайней мере, имплицитно, на новый уровень рефлексии. Платон вполне разделяет и две стадии в развитии социальности: «Определение государства Платоном сводится к тому, что в начале своего существования государство полностью совпадает с обществом; в дальнейшем разложение последнего приводит к возникновению особой противоестественной формы существования, что внешне проявляется в возникновении и поляризации справедливости и несправедливости. В результате своеобразного отрицания эта противоположность устраняется, и общество возвращается к исходному состоянию»¹.

Анализ «естественного состояния», предшествующего появлению развитого государства, и, соответственно, социальности, дается Платоном еще с мифологических позиций. Естественное состояние по Платону чем-то напоминает воззрения Дж. Локка:

¹ Сомов В. В. Социологическое знание в социальной утопии Платона // Социологические исследования — 1993. — № 9. — С. 120-125.

«Афинянин. Не правда ли, те люди не нуждались в законодателях? Да этого обычно и не бывает в такие времена, ведь в тот отрезок круговращения у них еще не было письменности, но жили они, следуя обычаям и так называемым дедовским законам.

Клиний. Вполне естественно.

Афинянин. Однако и это есть уже некий вид государственного устройства»¹. Это государственное устройство, предшествующее установлению законов Платон называет «династией» и приводит в качестве примера государство Циклопов, описанное Гомером. Что характерно, здесь появляется «социальность» до всякой социальности в ее античном «государственническом» понимании. Ведь если в первичном коллективе существует «дедовский закон» (хотя и отсутствует письменность), то такая форма существования общества тоже должна быть признана социальной. Но Платон, как и все античные мыслители, не видел здесь теоретической проблемы.

Решающим моментом, к которому, согласно Платону, сводится развитая социальность, является установление всеобщих законов (совершаемое именно людьми, хотя и на основе вечных идей, правильность воплощения которых зависит от разума законодателей), кладущее начало подлинной культурной форме существования общества:

«Вслед за этим сошедшиеся неизбежно должны были сообща избрать некоторых лиц из своей среды, чтобы те рассмотрели все узаконения, выбрали из них те, которые им больше понравятся, и, ясно их изложив, представили бы на общий совет предводителей и вожаков, игравших роль царей народов. Сами они должны были получить наименование законодателей, назначить должностных лиц, а государственный строй изменить, введя вместо династий аристократический образ правления или какой-либо род царской власти»². Социальность, таким образом, впервые

¹ Платон. Законы // Диалоги. – Москва, 1998. – III. 680 а.

² Там же. – III. 681 с-d.

приобретает отчетливо дифференцированный характер, выступая одновременно как средство и как цель деятельности законодателя.

Кульминацией античной социально-философской парадигмы, надолго определившей дальнейшее развитие представлений о феномене социального, было учение Аристотеля. В своих воззрениях Аристотель в отличие от Платона придерживается концепции социальности как естественного феномена, постепенно развивающегося из исходных экономических предпосылок. Повсюду Аристотелем подчеркивается целевой характер государства (полиса) и его направленность на достижение оптимальных условий совместной жизни: «Объединение людей в полисе есть, по Аристотелю, высшая форма объединения, смысл которой в достижении наибольшего блага. Полис, следовательно, является вполне самодовлеющим; возникает он в силу потребностей жизни, но существует ради хорошей жизни»¹.

Социогенез по Аристотелю является сугубо естественным процессом, подобным росту дерева, с тем отличием, что у человека есть разум, который является его естественной, сущностной особенностью. Основания социальности при этом видятся по преимуществу экономическими (в широком смысле): «Не сводя политическую жизнь, ...к конечному результату экономических факторов, Аристотель отводит этим последним решающее место в зарождении общества: Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни; и тут же он вносит существенное уточнение: Государство – это естественный факт, что отбрасывает как волюнтаристски, так и детерминистские теории, объясняющие общество»². Здесь проявляется специфическая особенность философии Аристотеля в ее объяснении феномена социального. Понимая

¹ Доватур А. Политика и политики Аристотеля. – Москва, 1965. – С. 16

² Лобье П. Социологическая альтернатива: Аристотель – Маркс. – Москва, 2000. – С. 64

государство как цель естественного развития человека, Аристотель наделяет социальность (государственность) не только качеством естественности, но и пред-заданным характером, в определенном смысле направляющим человека в его деятельности как целевая причина. Эта установка выражена в одном из самых знаменитых фрагментов «Политики»: «Всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общины: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта, возьмем например, природу человека, коня, семьи, – то его состояние, какое получается при завершении его развития... Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое»¹.

Таким образом, Аристотель может рассматриваться как мыслитель, выдвинувший наиболее развитое толкование феномена социальности в пределах античной философской традиции. Сконцентрировав в себе все основные онтологические и антропологические интуиции классического полисного сознания древней Греции, Аристотель заложил основы, как будущих социологических концепций, так и социальной философии в целом.

Таким образом, основной теоретической проблемой, выявленной при исследовании античных воззрений на социальность и ее природу, является отсутствие четкого разделения между общественным и государственным у античных мыслителей. Они не видели здесь проблемы, с одной стороны признавая за первичными обществами статус социальных, а с другой – отождествляя социальность и полисное государственное устройство. Таким образом, четкой концепции относительно сущности общественных феноменов в античности выработано не было.

Тем не менее, в рамках античной философии выделилось две четких и противоположных друг другу установки относительно происхождения общества. Социогенез понимался либо как естественный этап проявления

¹ Аристотель. Политика // Соч. в 4 т. Москва, 1983. – С.378

космических первопринципов, либо как процесс установления законов определенными группами людей (например, наследственной аристократией или философами-правителями). Как было показано выше, эта дифференциация связана с фундаментальными расхождениями в восприятии божественного разными философскими традициями, что повлекло за собой расхождение в онтологии и в социально-философских интуициях.

Далее следует проанализировать понимание социальности в средневековой христианской философии, переосмыслившей античное философское наследие.

Средневековая социально-философская парадигма, обладая теоцентрическим характером, накладывала соответствующий отпечаток на все концепции своих представителей. Представление о мире как о *ens creatum*, о вещи сотворенной *ex nihilo*, фундаментально расходилось с представлением об античных космических первопринципах, манифестирующих себя, в том числе и в формах социальной реальности.

Социальное в средневековой философии рассматривается, в своем нормативном измерении, как установленный свыше порядок. Соответственно, главным принципом объяснения социальности является ее сведение к личному (в противоположность абстрактному античному Логосу) божественному установлению. С другой стороны, социальное бытие, являясь частью чувственного мира, входит в сферу Князя мира сего. Но вместо того, чтобы стать теоретическим противоречием, эта дихотомия служит той осью, вокруг которой разворачивается средневековое понимание сущности социального и его целей.

На первый план здесь выходит роль Церкви как института, который ведет непрерывную борьбу за души членов общества. Как отмечает Ф.Бак: «Церковь является представителем отсутствующего лично Христа, а также провиденциально искупленного сообщества людей»¹. Такое понимание роли

¹ Buc P. *The Dangers of Ritual*. – Princeton, 2001. – P. 231

Церкви ведет к неизбежной концентрации вокруг нее всех связующих нитей социальности. Претендуя на роль своеобразного центрального пункта, через который должны проходить все социальные взаимодействия в сфере политики, и даже экономики, Церковь становится инстанцией легитимации того или иного политического, экономического или культурного процесса, включения его в ткань нормативной социальности или отчуждения на периферию.

Интегрируясь в каждое отдельно взятое сознание члена религиозного средневекового сообщества, Церковь приобретает системный характер, будучи представлена повсеместно в лице каждого, разделяющего ее догматы и соответствующие культурные модели поведения. По сути, происходит процесс слияния и отождествления Церкви, государства и социума: «...изоморфизм и фундаментальная идентичность религиозного сообщества и политического сообщества означает, что ...культ и политическая власть по своей сути эквивалентны. В католическом гражданском обществе, созданном через соединение германской монархии и христианства ...вездесущий богочеловек Христос и монарх играют структурно идентичные роли. Оба являются центром социального круга, соединяющего людей друг с другом»¹. Таким образом, роль Церкви и мыслителей, связанных с Церковью становится ключевой для изучения средневековых представлений о феномене социального. В рамках данного исследования необходимо рассмотреть воззрения двух наиболее выдающихся представителей средневековой философии – Аврелия Августина и Фомы Аквинского, так как именно они являются самыми последовательными выразителями средневекового осмысления социальности.

Философская позиция Аврелия Августина относительно общества отличается радикальным неприятием актуального состояния мира и человеческой цивилизации. Уже в самой формулировке Августином

¹ Buc P. *The Dangers of Ritual*. – Princeton, 2001 – pp. 209-210

положения о существовании двух Градов можно увидеть этико-теологический центр, задающий парадигму рассмотрения социальной реальности: «...Итак, два града созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, дошедшею до презрения к Богу; небесный – любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе. Первый полагает славу свою в самом себе, второй – в Господе. Ибо тот ищет славы от людей, а для этого величайшая слава – Бог, свидетель совести. Тот в славе своей возносит главу, а этот говорит Богу своему: «Ты, Господи... слава моя, и Ты возносишь голову мою» (Пс.3:4). Тем правит похоть господствования, в этом служат друг другу по любви»¹.

Августин усматривал цель и смысл существования общества в том, чтобы образовать единое вселенское христианское государство: «Августин блаженный подвергал критике в обществе все, что связано с земным царством. История имеет начало и развивается по пути своего совершенствования. Смысл, предназначение истории – победа христианства во всемирном масштабе»².

Разделяя *civitas* как социальное объединение, коммуны и *imperium*, как институциональную власть, Августин отстаивает восходящий к божественному завету характер первого и порочный по своей сути характер второй: «Государственное объединение, согласно учению теолога, является продуктом захватнических войн, ведущихся вследствие греховности человеческой природы. Оно нестабильно, раздирается несправедливыми (союзническими, гражданскими) войнами. Согласно точке зрения автора, государства необходимы, в соответствии с божественным предопределением, для обеспечения условий земного существования *ecclesia*»³. В философии Августина образуется двухуровневая концепция социальности, которую

¹ Августин Блаженный. О граде Божиим. – Москва, 1994. – С. 63

² Гуревич П.С. Основы философии: учеб. пособие. – Москва, 2000. – С. 107

³ Там же.

можно было бы назвать эkkлeзиоцентрической. На первом уровне существования социальности находятся служебные институты государства и земного права, призванные служить инструментом осуществления идеального проекта социальности второго уровня, агентом которого выступает *ecclesia*. Социальный реализм Августина здесь несет не столько теоретический и объяснительный потенциал, который может быть интегрирован в социально-философскую концепцию, сколько потенциал прагматический, стимулирующий и формирующий социальную реальность в том направлении, которое задается аксиологическими и деонтологическими установками христианской эсхатологии.

Можно констатировать, что у Августина, как и у Платона сущность общества оказывается вне общества. Если у Платона она была в разуме законодателя, руководствующегося вечными идеями, то у Августина сущность и цель социальности находится в разуме Бога, на земле представленного через институт Церкви. Социальный реализм Августина носит, таким образом, лишь потенциальный характер, видя смысл в идеальном проекте. Рассматривая политическое или общественное явление с точки зрения его соответствия христианской парадигме, Августин делает актуальное общество средой для проецирования истинного, потенциального социального замысла: «Отличительными особенностями понимания государства у Августина является отсутствие у него формального интереса к виду государственного устройства и власти и оценка им *civitatem, regnum, imperium, res publicam* в соответствии с критерием справедливости (*justitia*). Тем не менее, *justitia*, согласно авторской концепции, наличествует не в каком-либо земном государстве, а единственно в *ecclesia*, являющейся для него лучшим типом общества»¹. Однако будучи реализованным, такой идеал всеобщего государства-церкви, построенного в строгом соответствии с

¹ Епифанова Т.В. Человек, общество и государство в историко-религиозном учении Августина блаженного. - Автореф. Канд дисс.- Н.Новгород, 2002. – С. 16-17

канонами христианства, вряд ли был бы жизнеспособным в условиях объективных социальных процессов, относительно которых Августин испытывал глубокий пессимизм. Таким образом, единственной формой существования подобного социального проекта является его идеальная форма, а социально-философское учение Августина может быть охарактеризовано как социальный реализм в отношении потенциального утопического проекта.

Вторым представителем средневековой мысли, чьи воззрения на социальное внесли важный вклад в становление современного осмысления данной проблематики, является св. Фома Аквинский. Он, в отличие от Августина, ориентировавшегося на платоническую философию, представляет аристотелевскую линию в развитии средневековой мысли. В его трудах происходит возрождение аристотелевских социально-философских интуиций, на новой, христианизированной основе.

Прежде всего, необходимо отметить его учения о человеке и государстве, указывающие на характер базовых концептов, относящихся к феномену социального: «Фома, а за ним и все католические философы переняли от Стагирита прежде всего концепцию человека – политического животного (*zoon politikon*) – и учение о государстве, как бытии, логически более раннем, чем его граждане»¹.

В лице Фомы Аквинского средневековая социальная мысль получила настолько преданного последователя античных воззрений на общество, что христианская доктрина о равенстве всех людей перед Богом в некоторых моментах уступает убеждению Фомы (а также Платона и Аристотеля) в необходимости социальной иерархии (исходящей из онтологии) в целях общественной пользы: «Из мира природы и духовного мира Фома переносит иерархичность бытия на общественный порядок, обосновывая существование классов и социальное неравенство. По мнению Фомы,

¹ Боргош Юзеф. Фома Аквинский . – Москва, 1975. – С. 120

необходимо, чтобы одни занимались сельским хозяйством, другие были пастухами, а третьи – строителями»¹.

Социальность в понимании Фомы Аквинского, по сути, ничем не отличается от социальности в понимании Аристотеля, за исключением того, что место аристотелевского неподвижного перводвигателя занимает Бог христианского откровения. Также можно заметить переориентацию аристотелевского учения о движении как стремлении объекта занять свое естественное место в космосе. Общество как целое, имеет целью своего движения исполнение божественного замысла и управляется, соответственно, божественным провидением: «Так же и корабль, гонимый разными ветрами, плыл бы в самых различных направлениях и никогда не пришел бы в нужный порт, если бы не направлялся единой волей рулевого»².

И хотя в целом, необходимо сделать вывод о том, что позиция Фомы Аквинского является реинтерпретацией древних социально-философских интуиций на новый лад, его заслуга в развитии представлений о социальности несомненна. Концепция Фомы синтезировала античные представления о социальной реальности и христианский религиозно-философский комплекс, который являлся фундаментом для философии Нового времени. Сделав возможным соединение христианского сознания с античными учениями о социальном, Фома Аквинский открыл дорогу всем последующим социально-философским теориям Запада.

Средневековая философия внесла в осмысление феномена социальности новые концептуальные компоненты. Прежде всего, это отчетливо выраженный эсхатологизм, ориентация смыслового измерения общества в русле концепции христианского откровения. Линейное время, сменившее циклическое время античности, сделало социальное сущностно темпоральным феноменом – социальное пространство и социальное время

¹ Боргош Юзеф. Фома Аквинский . – Москва, 1975. = С. 127

² Aquinas Thomas. De regimine principum - I. 1 [Электронный ресурс] // Una Voce Russia [Официальный сайт] URL: http://www.unavoce.ru/library/aquinas_ruling.html (дата обращения: 17.10.12)

получают четкую однонаправленную линию развития, предписанную христианской парадигмой. Все эти изменения подготовили теоретические основания для перехода к социальной философии Нового времени.

Наиболее представительными социально-философскими концепциями социальности в эпоху Нового времени на начальном этапе были теории общественного договора. Пройдя этап античного космоцентризма и средневекового теоцентризма в понимании общества, парадигма рассмотрения социальной реальности стала концентрироваться вокруг человека, его природы, его разумности и свободной воли. Теории общественного договора стали выражением нового подхода к феномену социальности, а их разработка раскрыла всю сложность и многоаспектность изучаемой проблемы. Наиболее важным здесь является тот факт, что начиная в одной точке, в точке естественного состояния, теоретики общественного договора расходились в разных теоретических направлениях.

Широкий диапазон теоретических установок, выводимых из одного начального пункта, связан с тем, что рассматривая социальное, мыслители Нового времени неизбежно обращались к фундаментальным вопросам, поднятым еще в античной философии, и уже в начальной точке естественного, «пред-социального» состояния становились последователями той или иной теоретической интуиции.

С другой стороны, мыслители Нового времени находились под влиянием христианской культуры и соответствующих «нарративов», касающихся как антропологии человека как образа Божьего с обязательной проблематикой свободы воли и экзистенциального достоинства личности. Это способствовало внесению данной проблематики в концепции социальности. Теоретический синтез различных философских предпосылок и стал источником того разнообразия в концепциях общественного договора, которые являются характерной особенностью социальной философии рассматриваемого периода.

Представление о договоре, который группа людей заключает с целью образовать то, что в соответствующей традиции называется «политическим сообществом» включает в себя два принципиальных момента: «Традиционно, два вопроса социальной кооперации и политических обязательств выделялись через представление о двух видах контракта. *Pactum societatis* между индивидами или семьями живущими отдельно в естественном состоянии, подразумевал формирование гражданского общества как такового. *Pactum subjectionis*, заключавшийся между людьми и правителем, понимался как ключевой момент в котором учреждалась политическая власть»¹. С этой точки зрения, социально-философская доктрина Т. Гоббса, впервые (после начального осмысления договора у Гуго Гроция) с большой концептуальной глубиной сформулировавшего теорию общественного договора, соединяет эти два этапа в один.

Гоббс мыслит социальное как феномен, возникающий при переходе из *status naturalis* в *status civilis*, при абсолютном приоритете *pactum subjectionis*, то есть для него факт появления артикулированной власти – и есть критерий начала социальности. Появление общества и начало его функционирования по Гоббсу связано с появлением у центральной инстанции (суверена) возможности обеспечивать соблюдение всеми участниками социального взаимодействия взятых на себя обязательств. До того как силовая поддержка правового поля не обеспечена, нет социального и нет общества как самостоятельной реальности. При этом Гоббс признает, что само событие заключения общественного договора могло и не иметь места в социальной истории, являясь, тем не менее, ее начальной логической точкой: «Общественный договор – это абсолютное учредительное событие: до него не было ничего, что относилось бы к гражданской истории. Это учредительное событие само по себе не наблюдаемо, оно входит в логическую конструкцию социальности как идея абсолютного начала, а в

¹ Boucher D. Kelly P. The Social contract from Hobbes to Rawls. – New York, 2005. – P. 98

логическую конструкцию абсолютного учредительного события входит абсолютное иное социальности»¹.

С точки зрения методологии, такое введение начальной точки, иницирующей социальность, и обладающей при этом логической (по сути – гипотетической) природой, не может не создавать очевидных теоретических трудностей. Объяснение социального взаимодействия, исходящее из качественного скачка от естественного состояния войны всех против всех к политическому сообществу, через наделение суверена безграничной (в случае Гоббса) властью не раскрывает, специфику самой социальности, отвечая лишь на вопрос о возможном начале общества. Социальность возникает от одного только учреждения верховной власти, которая получает возможность устанавливать законы и обеспечивать их исполнение, полагаясь на силовые методы. Социальное объясняется абстрактно-юридически.

Теоретическое видение социальности также сопряжено у Гоббса с оригинальными антропологическими интуициями. Поскольку ткань социальной реальности составляют индивиды, то они, следовательно, являются носителями первичных взаимодействий, в развитом и массовом виде образующих социум. Однако по Гоббсу люди по природе являются скорее злыми и эгоистичными существами и носителями разрушительных тенденций, из-за чего социальность предстает как процесс, постоянно балансирующий на грани двух крайностей: «Государство, по Гоббсу, есть лишь гражданская война, постоянно сдерживаемая сильной властью. Дело, следовательно, обстоит таким образом, что одно чудовище – Левиафан, «государство» – постоянно подавляет другое – Бегемота, «революцию». По словам прекрасного знатока Гоббса С.Э. Возма, Левиафан есть «единственная корректива» для Бегемота. Поэтому государственный

¹ Филипов А.В. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 25-26

абсолютизм оказывается в состоянии подавить тот хаос, который в его зачатке, то есть в индивидуумах, подавить невозможно»¹.

Рассмотрение индивидов как потенциальных агентов хаоса в философии Гоббса связано с фундаментальной теоретической переменной в сознании эпохи, а также с самим духом Нового времени, смело отходившим от традиционных философских интуиций. Гоббс фактически нивелирует ценность гражданского общества, рассматривая его как потенциальный источник волнений. Такое видение социальной реальности стало влиятельным и актуальным уже в современную Гоббсу эпоху, и воззрения этого мыслителя, таким образом, служат важной отправной точкой для всех последующих дискуссий в философии Нового времени, касающихся происхождения и сути социальности.

Вторым значимым теоретиком общественного договора является Джон Локк. В его социальной философии первичной, до-государственной социальности отводится более значительное место. Это связано, прежде всего, с тем, что у Локка, социальное состояние понимается в двух измерениях, а не в одном. Локк, кроме *status subjectionis*, уделяет внимание и *status societatis*. Социальное, таким образом, имеет два источника: «У Локка мы встречаем два естественных состояния... Первое – гоббсовское состояние природы, до-конвенциональное, управляемое только законом природы. Второе – результат работы разума в первом. Оно включает частную собственность на вещи и на землю. Это второе, артикулированное состояние природы – «гражданское общество» в смысле близком современному».² Двумя источниками социальности предстают, с этой точки зрения, естественный закон и рациональная конструкция правового поля. При этом важную роль играет локковская антропология, кардинально расходящаяся с Гоббсом в вопросе о специфике человеческой природы. Индивиды Локка это

¹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 131

² Davis M. Actual Social Contract and Political Obligation. A Philosopher's History Through Locke. – New York, 2002. – P. 252

уже не агенты хаоса, а рационально просчитывающие свои решения и склонные к кооперации жители общества, основанного на частной собственности. Фактически, Локк выстраивает всю свою социальную философию на фундаменте рационально-ориентированного нравственного поведения самостоятельных, не нуждающихся во внешней инстанции принуждения индивидов. Социальность перестает быть осью конфликта. Конфликт здесь отсутствует как в средневековом понимании (оппозиция двух градов, где Небесный град подчиняет Земной град), так и в новоевропейском понимании Т. Гоббса, где конфликт происходит между силами Левиафана и силами естественного состояния.

Эта социально-философская альтернатива учению Гоббса, подкрепленная учением о разделении властей (пользу которого Гоббс категорически отрицал), во многом определила дальнейшее рассмотрение социального в западной философии, предложив новые пути осмысления социальности.

Еще одним представителем теории общественного договора, позиция которого требует рассмотрения, является Ж.Ж. Руссо. Его вариант теории общественного договора важен сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, у Руссо социальное подразумевает процесс передачи суверенитета населению. Руссо наделяет членов общества гораздо большей онтологической значимостью, чем прежние представители теории общественного договора. Мыслитель утверждает, что каждый участник общественного договора встроен в саму структуру суверенитета: «Что отличает Руссо от его предшественников, так это то, что для них, в отличие от него, действительный суверенитет был только во временном владении людей, как нечто, подлежащее передаче подходящей власти как можно скорее, и только в редких случаях (в некоторых случаях вообще никогда) возвращаемое)¹. С точки зрения методологии это значит, что социальное

¹ Bertram C. Rousseau and The Social Contract. – New York, 2004. – P. 119

начинает обретать черты системности. Фигура коллективного суверена, инициирующая вступление общественного договора в силу, выражает возникновение системного свойства, несводимого к совокупности свойств составляющих общество индивидов. Это можно считать действительно ценной методологической интуицией Руссо, не реализованной и не развернутой в рамках его социальной философии. Тем не менее, такие возможности интерпретации теории общественного договора свидетельствуют о ее теоретико-методологическом потенциале.

Важным для объяснения социальности, представляется и то, что Руссо переворачивает иерархию социального договора, делая его центральным аспектом *pactum societatis*, и отрицая *pactum subjectionis*: «Для Руссо существовал только договор ассоциации, но не договор подчинения. «Каждый индивид», пишет он, «восстанавливает все, что он теряет». Но нечто «примечательное» имеет место при заключении договора. Индивид, по словам Руссо «дважды связан договором»: сначала по отношению к другим членам общества, а затем как гражданин государства по отношению к суверену»¹.

В понимании Руссо, социальность и ее развитие определяются не провиденциальным планом, а разумом и нравственностью (понимаемыми в совершенно определенном ключе), которые должны занять доминирующее положение в обществе будущего. У Руссо сам акт общественного договора несет на себе просветительскую миссию: «Тогда как Гоббс и Локк оправдывают договор с точки зрения предшествующих интересов участников – Гоббс, показывая как стяжательные и ограниченные индивиды ведомы стремлением к самосохранению к тому, чтобы подчиниться абсолютному суверену, который меняет систему поощрений, при своем появлении, и Локк – рассказывая историю о том, как люди учреждают гражданское правительство для сохранения своих «жизней, свобод и

¹ Boucher D. Kelly P. The Social contract from Hobbes to Rawls. – New York, 2005. – P. 119

владений» – индивиды Руссо трансформируются самим процессом ассоциации»¹. Так, социальное становится в своем главном (деонтологическом) аспекте задачей, а не наличным положением дел.

Идеи общественного договора в их руссоистской интерпретации нашли свое продолжение в социально-философском творчестве И. Канта, творчестве оказавшем фундаментальное влияние на становление нормативистских социальных теорий. Кант предельно акцентирует деонтологический аспект социального, опираясь на свою философскую антропологию, рассматривающую человека как существо духовно свободное, вследствие наличия разума. Неразрывная связь между рациональностью и свободой, обоснованная Кантом, побуждает его к провозглашению свободы в качестве основного фактора гражданского общества: «Как разумное, следовательно, принадлежащее к интеллигибельному миру существо, человек никогда не может мыслить причинность своей собственной воли иначе, как обращаясь к идее свободы; ибо независимость от определяющих причин чувственного мира (каковую разум необходимо должен всегда приписывать самому себе) есть свобода. С идеей же свободы неразрывно связано понятие автономии, а с последним — всеобщий принцип нравственности, который в идее точно также лежит в основе всех действий разумных существ, как закон природы в основе всех явлений»². На этом этико-социальном фундаменте Кант развивает идеи «Всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» и «Вечного мира», ставшие яркими примерами политической мысли Просвещения и послужившие основой для разработки правовых концепций.

Подводя итог рассмотрению теорий общественного договора, следует признать большой теоретико-методологический вклад представителей данной теории в дальнейшее развитие наук об обществе. Наиболее ценными

¹ Bertram C. Rousseau and The Social Contract. – New York, 2004. – P. 81

² Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 3. – Москва, 1994. – С.241

оказываются те интуиции, которые имплицитно содержатся в различных версиях теории общественного договора в неразвернутом виде.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что направление, которое получает теория общественного договора у разных ее представителей, зависит от их базовых антропологических интуиций. Взгляд на человека является определяющим для понимания природы общества.

Во-вторых, теория общественного договора является первой попыткой глубинного анализа социогенеза, и поднимает целый ряд попутных вопросов, возникающих при разграничении *status naturalis* и *status civilis*. Социальное, разошедшись на два этих полюса, первый из которых считается то содержащим то не содержащим социальность, продолжает двоиться и расходиться по другим теоретическим направлениям. Наконец, в-третьих, теория общественного договора окончательно порывает с космоцентрической и теоцентрической парадигмами социальности, открывая новый этап в понимании общества, связанный с парадигмой модерна, концентрирующейся на рациональности и нравственности отдельного индивида и человечества в целом.

Еще одной важной теоретико-методологической точкой в рамках социально-философской парадигмы Нового времени является для нас позиция Г.В.Ф. Гегеля. Понимание Гегелем социальности обусловлено его концепцией развития Мирового духа, проявляющегося в тех или иных исторических событиях, подчиненных диалектической логике. Социальное является одним из высших этапов манифестации Абсолютной идеи, перешедшей сначала из сферы идеального бытия в сферу природного, а затем в сферу социокультурного проявления. С этой точки зрения, суть социального составляют диалектические витки самопознания Мирового духа, тезисы, антитезисы и синтезы которого проявляются как те или иные социальные процессы.

Становление общества понимается Гегелем в терминах диалектики особенного и всеобщего: «Так как особенность связана с условием всеобщности, то целое есть почва опосредования, на которой дают себе свободу все единичности, все способности, все случайности рождения и счастья, из которой проистекают волны всех страстей, управляемые только проникающим в них сиянием разума. Особенность, ограниченная всеобщностью, есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу»¹.

Гегель также вносит в понимание социальности два важных и хорошо развитых аспекта: темпоральный и пространственный: «История, по гегелевскому определению, есть деятельность духа, а субстанцией духа, опять-таки по определению, является свобода. Подобно природе, мир истории не сводится к одной только субстанции, а разворачивается и в чувственно-эмпирической стихии, но только в природе – это пространство, а в истории к нему добавляется еще и время (чтобы показать специфику исторического мира, Гегель подчеркивает значение времени, но это не значит, что история совершается вне пространства; более того, Гегель, по существу, подходит и к понятию социального пространства»².

В отличие от волюнтаристских теорий общественного договора, объявляющих социальное продуктом свободной воли рациональных индивидов, социальная философия Гегеля является детерминистской. Социальность в ее развитом виде не может не возникнуть, поскольку она сводится к необходимой форме исторической манифестации Абсолютной идеи, наличествующей еще до ее актуального воплощения в конкретных исторических формах.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Москва, 1990. — С. 228

² Киссель М.А. Гегель и современный мир. – Санкт-Петербург, 1982.— С. 132

Объясняя социальные феномены движениями Мирового духа, лежащими в их основе, философия Гегеля, по большому счету, является прообразом структурного функционализма. Однако жесткий детерминизм диалектической логики, лежащий в основе социального и ведущий социальное к неизбежному осуществлению целей Абсолютной идеи, делает гегелевскую теорию общества практически бесполезной в анализе отношений между микро и макро уровнями. Если все социальное пространство и все социальные события жестко заданы некой парадигматической высшей реальностью, то социальность становится однонаправленным феноменом, явлением сущности. Все процессы, конституирующие социальное «снизу», отрицаются как онтологически незначимые.

Социальность в философии Гегеля раздваивается. Один вид социального – иллюзорный, предстающий перед индивидами как результат их действий. Другой – актуальная парадигматическая социальность, в обход желаний и намерений индивидов реализующая Абсолютный дух. При этом такая раздваивающаяся схема реализации социального Абсолютным духом рассматривается Гегелем как залог социального баланса между особенным и всеобщим: «В этом своем раздвоении идея сообщает моментам их собственное наличное бытие, особенности = право развиваться и распространяться во все стороны, а все общности = право выступать как основание и необходимая форма особенности, равно как и власть над ней и ее последняя цель»¹.

Будучи вписанным в детерминистскую схему вместо волюнтаристской схемы общественного договора, социальное в гегелевской философии становится в большей степени онтологически укорененным и самостоятельным через участие в метафизическом абсолюте. Оно также становится менее соотносимым с фактической социальной реальностью.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Москва, 1990. — С. 229

На том же методологическом фундаменте основано и социально-философское учение К. Маркса. Взяв за основу гегелевскую диалектику, Маркс в отношении социального предлагает другой вариант детерминизма, связанный с отказом от идеалистической парадигмальной реальности Абсолютного духа. Социальная философия Маркса ставит на ее место парадигмальную реальность диалектики производительных сил и производственных отношений, выражающуюся в смене общественно-экономических формаций.

Теоретическое прозрение Маркса о том, что антропологическое основание социальности (которое, как было показано выше, является фундаментальным для понимания социального) может различаться в зависимости от исторических условий, является ценным для понимания будущего социологического конструктивизма.

Здесь необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, такое определение человеческой природы схватывает необходимость понимания антропологических оснований теорий социальности. Во-вторых, сама социальность как особое состояние перестает быть константным феноменом, определенным неким набором характеристик. В зависимости от исторической эпохи социальное может включать в себя различные компоненты, как в отношении определения своих субъектов, так и в отношении специфики их взаимодействий и структуры социального пространства. При этом здесь имеется важное теоретическое отличие от предшествующей традиции. У Гегеля сущность социальности в разные эпохи также может меняться. Однако это изменение происходит в строгом соответствии с планом Мирового духа (тогда как у Маркса практика, структурирующая социальность, не имеет такого идеального фундамента). Также, Гегель видит в государственном состоянии высший этап и осуществление развитой социальности, тогда как у Маркса осуществление высшей формы социальности предполагает упразднение государства в рамках коммунизма.

Таким образом, ключевым фактором трансформации социальности и человеческой природы, лежащей в ее основе, по Марксу является трудовая деятельность, трансформирующая все составляющие социального пространства: «Для этого социалистического человека вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека, следовательно, у него есть наглядное, неопровержимое доказательство своего порождения самим собою, процесса своего возникновения»¹. Исторический характер социальности, таким образом, принимает в марксизме вид экономического детерминизма.

Важное следствие марксистской теории социальности заключается в том, что исток трансформации социального лежит в развитии производительных сил, которое подталкивает к смене производственных отношений. Для социальности это означает то, что она снова, как в античности, становится эпи феноменом естественных процессов, предстающих теперь в форме объективной общественной практики, подчиненной законам исторической необходимости.

Таким образом, марксистская социальная философия содержит ценные теоретико-методологические интуиции относительно понимания феномена социальности наряду с некоторым теоретическим ограничением осмысления трансформации социального, закладываемым экономическим детерминизмом с его опорой на ведущую роль материального производства в становлении и развитии социальности.

Последним представителем социальной философии, уже фактически соединяющим своим теоретическим наследием две эпохи, позиция которого будет рассмотрена в рамках историко-философской ретроспективы философских представлений о социальном, является О. Конт.

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений Москва, 1956. — С. 598

Социальность в учении Конта предстает как реализация в общественных формах исторического движения от теологической стадии к позитивной. Здесь, как и у Гегеля, имеется представление об осуществляющемся в историческом процессе увеличении самосознания. Это увеличение и является фактором, конституирующим социальное. Однако субъектом этого процесса является теперь не Абсолютная идея, а взятое абстрактно человечество. Позитивистский акцент Конта на поиске «естественных» законов, определяющих социальные процессы, ставит социальность в ряд всех остальных природных феноменов (социология как социальная физика) и отказывает ей в идеальном происхождении, возводимом к трансцендентному или трансцендентальному основанию. Тем не менее, Конт заявляет, что социальные процессы должны следовать в своем движении именно той схеме, которая была им открыта по отношению к интеллектуальным процессам: «Все материальное развитие неизбежно должно принять направление не только аналогичное, но даже вполне соответствующее тому, которое мы доказали только что лишь по отношению к интеллектуальному развитию, каковому, ...должны были по природе своей быть совершенно подчинены все системы социального прогресса»¹. Такой методологический прием, распространение действия закона трех стадий на весь исторический процесс, делает полюса природы и культуры намного ближе, фактически вводя некую форму изоморфизма в структуру психического и природного.

При этом сам проект социологии в понимании Конта, наряду с изучением законов социальной статики и социальной динамики, предполагал серьезную модификацию общественного сознания, которое должно придти к всеобщности позитивного духа: «Новая философия во всей ее совокупности будет стремиться обнаруживать как в действительной, так и в умоглядной жизни связь каждого со всеми, проявляющуюся в массе

¹ Зомбарт В. Социология – Москва, 2003. – С. 29

различных видов, — дабы сделать невольно обычным чувство тесной социальной солидарности, надлежащим образом распространенной на все времена и на все места. Не только деятельное искание общественного блага будет беспрестанно представлять способ, наиболее пригодный и обычный для обеспечения частного благополучия, но благодаря влиянию — одновременно более непосредственному и более чистому, а впоследствии более сильному, — возможно, более полное проявление великодушных склонностей станет главным источником личного счастья, даже когда награда будет исключительно заключаться в неизбежном внутреннем удовлетворении»¹.

Само движение от теологической стадии к позитивной показательно в отношении характеристики социальности у Конта. С одной стороны, социальное, будучи естественным феноменом, должно развиваться по естественным законам, независящим от человеческого разума. Это конституирует детерминистский аспект социальной философии Конта. С другой стороны, создавая утопические проекты новой религии, идеального общества, совершенного (позитивного) мировоззрения и научного метода, Конт фактически возлагает миссию по конструкции развитой социальности на рациональное начало. То есть, общество уже видится как продукт целенаправленной деятельности человечества. Это составляет волюнтаристский аспект контовского понимания социальности. Эта теоретическая нечеткость, в итоге, приводит к тому, что социальность вновь раздваивается. На этот раз мы видим не «иллюзорную» и «актуальную» социальность Гегеля, а «естественную», задаваемую природными законами, и «позитивную», выходящую на историческую сцену с ростом самосознания человечества. Это разделение, при всей его схожести с аналогичной оппозицией в теориях общественного договора, следует отделять от разделения на *status naturalis* и *status civilis*. Здесь основанием различения

¹ Конт О. Дух позитивной философии – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 186

служит не качество человеческого общежития, меняющееся с естественного на политическое и правовое, а исходные процессы (законы природы и рации), лежащие в основе всего исторического развития социальности в целом.

В методологическом отношении это приводит к тому, что понимание и объяснение социального становится, во-первых, задачей целого комплекса научных дисциплин, а во-вторых, начинает включать различные виды детерминации: природную, культурную, историческую и т.д. Философия О.Конта, таким образом, играет роль иницилирующего импульса для современного развития общественных наук, несмотря на устаревшую в методологическом отношении позитивистскую программу и утопические проекты будущего общества, рассматривавшиеся Контом как цель и смысл его учения.

Итак, проведенный анализ осмысления оснований социального на разных этапах развития западной философской традиции, позволяет сделать следующие выводы.

1. Социальность как феномен, начиная с античной философии и до начала XX века, рассматривалась преимущественно косвенно, через учение о государстве, философскую антропологию или теологию.

2. Представление о характере божественного определяло рассмотрение социогенеза в рамках античной парадигмы, разделяясь на гипотезы о естественном или искусственном происхождении общества.

3. Имплицитно содержащиеся в работах мыслителей западной философской традиции интуиции относительно природы социального были фундаментальным образом связаны с представлениями о природе человека.

4. В рамках теории общественного договора были заложены основания для осмысления социальности современной теоретической социологией, а также высказаны многие ценные методологические интуиции, развитые современной общественной мыслью.

5. Основными теоретическими оппозициями при рассмотрении природы социального в рамках истории западной философской традиции

были: естественность происхождения – искусственность происхождения, божественное законоустановление – земное основание общественной жизни, волюнтаризм – детерминизм в возникновении социальности.

6. Феномен социальности имел тенденцию к удвоению и теоретическому расхождению по разным онтологическим и гносеологическим полюсам, подразумевающим различные основания, факторы и специфические характеристики социальности.

Общим выводом можно считать то, что смена историко-философских парадигм каждый раз обогащала осмысление социального новыми теоретико-методологическими интуициями, одновременно поднимая новые вопросы относительно оснований общественной жизни. Общим мотивом является желание мыслителей рассматривать социальность, прежде всего, в деонтологическом аспекте, с точки зрения должного состояния спроецированного в будущее или в прошлое, имеющего, зачастую, утопический характер. Часто это желание подчиняло себе рассмотрение актуального состояния социальности, и стимулировало мыслителей описывать социальное в терминах желаемого, а не действительного. Тем не менее, в рамках рассмотренного исторического промежутка были заложены те теоретико-методологические основания многих социально-философских подходов, которые составили ядро современной теоретической социологии и социальной философии.

§2. Проблемное поле социальности и его методологические основания

В современных условиях продолжающейся методологической неопределенности в сфере социальной философии, порождаемой так до конца и не проясненным вопросом о теоретическом статусе наук об обществе или шире, *geisteswissenschaften* методологических споров XX века, происходит медленный, но неуклонный рост скептицизма относительно базовых, парадигмальных понятий. Под сомнение поставлены все теоретически и методологически значимые концепты социальных наук, начиная с самого понятия социального. Установка Э. Дюркгейма, согласно которой: «Чтобы понять, каким образом общество представляет себе самого себя и окружающий его мир, необходимо рассматривать сущность не отдельных индивидов, а общества»¹ в современной теоретической ситуации обладает неоднозначным теоретическим статусом, в силу дискуссионного характера содержания понятий «общество» и «сущность общества». «Социологизм» Дюркгейма, прочно утверждавший, в свое время, необходимость объяснять социальное, исходя из социальных фактов (что и мыслилось в рамках «принципа социальности»), не редуцируя социальную реальность к другим ее формам, был погребен под антипозитивистской критикой метода, и под феноменологической критикой онтологических и антропологических интуиций в осмыслении человека и его места в обществе. Более того, как показал С. Московичи, сама установка Дюркгейма на первичность коллективного сознания по отношению к индивидуальному, получившая название социологизма, также является противоречивой. Рассуждая о переходе от недифференцированных обществ с механической солидарностью, для которых характерно сильное коллективное сознание, к дифференцированным обществам с органической солидарностью, где коллективное сознание ослаблено, Московичи отмечает: «...что же это за среда, если не коллективное сознание? Между тем от него требуются две

¹ Дюркгейм Э. Социология, ее предмет, метод, предназначение. – Москва, 1995. – С. 14

противоположные вещи. С одной стороны, для того, чтобы позволить свободно развиваться специализации независимых друг от друга задач и ролей, нужно, чтобы оно ослабилось. А, с другой, для того, чтобы сохранить определенную долю гармонии и консенсуса, его давление должно продолжаться. Но каким образом оно может достичь столь противоположных целей?»¹ Но даже если оставить в стороне трудности с концепцией коллективного сознания, теория Дюркгейма, заложив основы социологических подходов, отошла в прошлое. Понятие социальности с тех пор все больше размывалось и теряло теоретическую отчетливость. В этой связи А.В. Кошелев отмечает: «Основание Э. Дюркгейма, что «исходное начало всякого более или менее важного социального процесса следует искать в устройстве внутренней социальной среды», сформировало традицию социологического анализа. Из него следует фундаментальная основа метода классической социологии – «социальное нужно объяснять социальным»»². Такое основание метода действительно являлось актуальным по отношению к ситуации в социальных науках начала XX века. Но сегодняшняя социальная философия бросает этой установке новые теоретические вызовы, требующие пересмотра базовых теоретико-методологических интуиций. Для того чтобы понять специфику этих вызовов, необходимо проанализировать теоретический фундамент, лежащий в основе современных исследований социального. Такой социально-философский анализ предполагает теоретическую установку на то, чтобы вновь вернуться к истокам современной социальной науки и попытаться обнаружить действительные связующие нити ее методологии. Для этого необходимо обратиться к базовому в парадигме социальных наук концепту социальной реальности, социальности как феномена.

¹ Московичи С. Машина, творящая богов. Москва, 1998. – С.156

² Кошелев А. В. Эволюция представлений о социальном – важное условие уточнения предмета социологии // Социологические исследования. – № 8. – Москва, 2009. – С. 135

Учитывая проблемный характер исследуемого объекта, неопределенность его границ и наличие альтернативных интерпретаций, следует перейти к рассмотрению принципа социальности с новых теоретико-методологических позиций. Если у Дюркгейма социальная реальность была несомненным, объективным полем социальных фактов, то для современного исследователя, столкнувшегося с теоретическими трудностями этого концепта, прямое обращение к нему невозможно. Соответственно, принцип социальности как методологическая установка лишается своего фундамента, т.е. теоретически обоснованного понятия социальности. Исходя из этих соображений, следует выяснить вопрос о теоретических истоках и методологической обоснованности самого понятия социального, прежде чем выносить какое бы то ни было суждение о характере социальной реальности («реалистическом» или «номиналистическом»), и методологическом потенциале интеграции принципа социальности в исследования информационного общества.

Прежде всего, необходимо решить терминологический вопрос о смысле понятия «социальность». Согласно определению из словаря Даля: «Социальность – ж. франц. общественность, общежительность, гражданственность, взаимные отношения и обязанности гражданского быта, жизни»¹. Здесь делается акцент на взаимности и совместности как основных характеристиках данного феномена. А.В. Кошелев в определении социальности подчеркивает ее естественно-эволюционный характер (что также являлось предметом дискуссий на всем протяжении развития общественной мысли): «Социальность можно определить, как феномен, характеризующий общественное устройство в целом, не в смысле проявления через различные стороны социального, а в смысле своего генетического, естественно-природного существования как особого уникального явления, выработанного человечеством в ходе развития»².

¹ Социальность. [Электронный ресурс] // Словарь Даля онлайн URL: <http://v-dal.ru> (дата обращения 12.10.12)

² Кошелев А. В. Эволюция представлений о социальном – важное условие уточнения предмета социологии

Похожую трактовку, подчеркивающую психологические стороны феномена, дает А. Круглов: «Социальность, говоря в самом общем виде, – это предрасположенность и способность индивидов к совместному существованию, обусловленная невозможностью выживать во внешнем мире поодиночке»¹. Выделяя «зоологическую», общую для человека и животных социальность (стадность или стадность), а также «рациональную», специфически человеческую социальность, А. Круглов вносит важное уточнение в содержание исследуемого понятия. Разграничив два модуса социальности, он затрагивает здесь вопрос о принципиальных основах общественной жизни, который уже в античной философии разделил социально-философские интуиции на два теоретических полюса в понимании социальной реальности.

Наконец, четвертое из приводимых здесь определений социальности, подчеркивает специфику общественной реальности как целого несводимого к индивидам, что также является важным смысловым моментом на очерчиваемом теоретическом горизонте: «Социальность – совокупность приобретенных человеком качеств, обеспечивающих его способность существовать в обществе и выполнять разнообразные социальные функции в составе различных групп, выступая при этом не в роли суверенной личности, а выразителем интересов данной общности»². Таким образом, представляется возможным выделить три принципиальных момента в понимании социальности в рамках современного социально-философского контекста.

// Социологические исследования. – № 8. – Москва, 2009. – С. 135

¹Круглов А. Что такое социальность, или социальность рациональная и зоологическая. [Электронный ресурс] // Психологос: Энциклопедия практической психологии. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/chto_takoe_socialnost_ili_socialnost_racionalnaya_i_zoologicheskaya (дата обращения 12.10.12)

² Социальность. [Электронный ресурс] // OnlineDics.ru URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/s/sotsialnost.html> (дата обращения 12.10.12)

Во-первых, взаимность, или шире – взаимодействие индивидов между собой. Во-вторых, наличие модусов, уровней, качеств этого взаимодействия, которые проявляются в отношении к рациональности или другим факторам. И, в-третьих, наличие общей структуры, в рамках которой происходит взаимодействие, то есть наличие социального целого.

Как раз относительно третьего момента и ведутся наиболее напряженные дискуссии, так как он касается дихотомии «номинализм-реализм» и «макро»-«микро» в теоретической социологии. Тем не менее, несмотря на дискуссионный характер теоретического статуса социального целого, необходимо включить этот момент в число основополагающих характеристик социальности. Само понятие социального в той или иной мере имплицитно подразумевает целостность, и если следует отказаться от этой целостности, то, тем самым, следует отказаться и от понятия социальности, что и предлагается в некоторых теоретических подходах, бросающих, как уже упоминалось выше, теоретические вызовы социальным наукам.

Так, Ф.И. Гиренок отмечает: «Социальные науки умерли потому, что перестало существовать социальное. Суть социального состоит не в массах, которые вышли на сцену мировой истории, а в иллюзиях. Социальное появляется как результат встречи массы с большими иллюзиями, носителями которых она становится. Большие иллюзии тотализируют социум, а это значит, нам нужно выбрать либо хаос и жизнь без иллюзий, либо порядок и тоталитарный утопизм как скрепу социального. Между тем социология и все производные от нее дисциплины возможны лишь благодаря допущению социального. Сохранив это допущение, социальные науки возвращаются к началу XX века и в терминах этого века пытаются мыслить современность. Устранив допущение, социальные науки превращаются в историю этих наук, в историю неудавшихся попыток социальных наук стать науками»¹.

¹ Гиренок Ф.И. Хвост ускользающей субъективности. [Электронный ресурс] // Независимая газета URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2008-07-31/4_science.html (дата обращения 12.10.12)

Несмотря на то, что дискуссионность подобного положения очевидна, оно, тем не менее, представляет важную и актуальную позицию на современном философском горизонте.

Действительно, в силу того, что социальность как феномен являлась для теоретической социологии, по сути, всего лишь «допущением», и не получила полной теоретико-методологической разработки, ее основания с приходом постструктуралистских методологий оказались легко размываемыми. Такое положение дел открывает путь для полной деструкции концепта социальности, и понятия общества. Концепции конца социального и иллюзорного характера социальной реальности являются примерами данных социально-философских тенденций.

С другой стороны, если попытаться отыскать причины такой теоретической уязвимости концепта социальности, можно обратиться к мнению А.В. Кошелева: «В каждом социологическом подходе предмет социологического анализа был локализован и определяем с индивидуальных исследовательских позиций, но неразрывно связан с проявлениями социального в конкретных условиях. Это есть индикатор того, что исследованию подлежали различные стороны общественной жизни, не раскрывающие саму суть ее генетической возможности. Феномен социальности остался в стороне от изучения, как и череда идущих на смену прежним новым социальным событиям и новым возможным способов их изучения»¹. Таким образом, перед современной общественной мыслью возникает необходимость выбора. Следует либо заново обратиться к собственным теоретическим основаниям, и пересмотреть содержание концепта социальности, либо исчезнуть за отсутствием собственного предмета, как это и предлагается Ф.И. Гиренком.

Центральной осью, вокруг которой разворачивается эта дискуссия, является принцип социальности, как выражение теоретической

¹ Кошелев А. В. Эволюция представлений о социальном – важное условие уточнения предмета социологии // Социологические исследования. – № 8. – Москва, 2009. – С. 136

самостоятельности социальных наук вообще. С этой точки зрения, необходимо внимательно проанализировать положение о том, что: «Дюркгейм устарел потому, что он переоценил значение принципа социальности. Если бы социальное определялось социальным, то общество было бы абсолютно автономным по отношению к человеку. Его нельзя было бы гуманизировать, а человека – социализировать»¹.

Анализ этой методологической критики и требует пересмотра самого концепта социальности. Особенно актуальным такой анализ становится в свете происходящих в современной социальной реальности процессов, относимых рядом исследователей к становлению т.н. информационного общества. Эти процессы вносят в социальное прежде не встречавшиеся характеристики и особенности, и трансформируют социальную реальность во всех ее значимых проявлениях. Как отмечает А.В. Кошелев: «Проблема изменения социального кроется в самой социальной реальности, которая за последние двести лет развивается интенсивным, прогрессивно-технологическим путем. Ситуация сложилась двоякая. С одной стороны, мы получаем блага цивилизации, позволяющие нам лучше и качественнее жить, с другой, данная тенденция деструктивным образом разрушает социальные устои, неосознанно трансформирует социальное, в корне меняя социальную реальность»². В этих условиях становится необходимой новая концептуализация принципа социальности, способная вывести с социальную мысль на путь адекватного современным условиям анализа трансформирующейся социальной реальности.

Начальным пунктом в этом теоретическом движении должен стать анализ содержания концепта социальности. И здесь можно выделить два основных пути исследования. Первый из них связан с установлением того,

¹ Гиренок Ф.И. Хвост ускользающей субъективности. [Электронный ресурс] // Независимая газета URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2008-07-31/4_science.html (дата обращения 12.10.12)

² Кошелев А. В. Эволюция представлений о социальном – важное условие уточнения предмета социологии // Социологические исследования. – № 8. – Москва, 2009. – С. 137

какая динамика является принципиальной для социогенеза как такового. Второй предполагает ответ на вопрос о том, какие характеристики являются сущностными для социального состояния.

Трудность заключается в определении социального состояния и в установлении его отличия от несоциального. Если исходить из положения о том, что человек по своей природе является социальным существом, то необходимо констатировать, что несоциального состояния не было вообще, и говорить можно только о различных формах социальности, наблюдаемых в истории человечества. Если же исходить из положения о том, что социальной может быть названа только группа людей, обладающая определенными характеристиками, а сама социальность есть системное свойство, возникающее при определенных условиях, то на первый план выходит задача установления этих условий. При этом социально-философская классика XX века, предлагала весьма разнообразные пути решения задачи по определению социальности. Для того чтобы сделать возможной новую концептуализацию принципа социальности, необходимо провести теоретико-методологическую ориентацию в этом проблемном поле, сформированном классической социальной мыслью.

Первой важной теоретической точкой в этом проблемном поле являются, как уже упоминалось, социально-философские воззрения Э.Дюркгейма, наследующего традиции контовской позитивной социологии. Линия, представленная Дюркгеймом в понимании общества как самодовлеющей реальности, первичной по отношению к индивидам, продолжает аристотелевскую традицию рассмотрения социальности. Эта линия предоставляет базовую теоретико-методологическую оптику социального реализма, еще не затронутого последующей критической рефлексией. Как отмечает в этой связи С. Сандерсон: «Дюркгейм настаивал на том, что общества – это не просто наборы рациональных индивидов. Общество это целостная реальность социальных фактов, идеалов, ценностей и социальных норм. Поведение индивида мотивировано не рациональными

эгоистическими интересами, но преданностью индивида нормам и ценностям группы или общества, в котором индивид прошел социализацию. И для Дюркгейма эти нормы и ценности имеют нерациональную основу»¹. Такая теоретическая установка имеет свои несомненные преимущества, поскольку, во-первых, старается зафиксировать социальные факты как объективную реальность, а во-вторых, вводит в теоретическое поле представление о социальной целостности, несводимой к сумме действующих индивидов. Такой методологический шаг предоставляет возможность анализа сущностных свойств той или иной общественной целостности, одновременно избавляя от необходимости поиска сложных причинно-следственных связей, управляющих действиями отдельных индивидов. Социальное, таким образом, обретает в рамках концепции Э.Дюркгейма теоретически выраженную самостоятельность.

Однако здесь проявляется важная особенность современной социальной реальности, имеющая прямое отношение к предмету данного исследования. Основание дюркгеймовского принципа социальности, применяемого к обществу (*gesellschaft*), на начальном этапе апеллировало к разделению труда, взявшему на себя роль «...которую некогда исполняло общее сознание; оно главным образом удерживает вместе социальные агрегаты высших типов»². Таким образом, центром и осью социальности оказалась общественная дифференциация, в том аспекте, который можно, с долей условности, назвать производственными отношениями. Для анализа современной социальной реальности, такое теоретическое видение принципа социальности не подходит по ряду причин.

Во-первых, не ясен механизм, посредством которого те или иные особенности разделения труда приводят к удержанию вместе тех или иных

¹ Sanderson. S. K. The Evolution Of Human Sociality. – Boston, 2001. – P. 99

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. [Электронный ресурс] // Центр корпоративного предпринимательства URL: http://www.ckp.ru/biblio/d/dur_labour.htm (дата обращения 02.02.13)

«социальных агрегатов высшего типа». Современное общество со времен Дюркгейма стало намного более дифференцированным и разветвленным. Структура современного производства также значительно изменилась и дифференцировалась, на первый план в ней выходят технологии обработки и передачи информации. Технологии производства трансформируются с большой скоростью. Это приводит к тому, что из статичного участника производства, локализованного в своей нише разделения труда, индивид становится, скорее, постоянно обучающимся, повышающим и меняющим свои квалификации агентом формирующихся производство информационных потоков, мигрирующим из одной ниши разделения труда в другую. Такая трансформация разделения труда ставит вопрос о своем адекватном социально-философском отражении, о том, какой принцип социальности она вызывает к жизни. В рамках Дюркгеймовских представлений такое отражение невозможно.

Во-вторых, дюркгеймовское понимание принципа социальности игнорирует структурную и функциональную роль коммуникации. Естественно, что в процессе производства, находясь в различных нишах разделения труда, индивиды вступают в коммуникации, направленные на достижение определенных эффектов. Но коммуникация в этой концепции сама является функцией от разделения труда, вписываясь в те формы, которые уже имеет сложившееся производство. В современном обществе уже само производство может являться функцией от коммуникации, реализуясь в соответствии с теми коммуникационными паттернами, которые становятся возможными в рамках развития информационных технологий. Необходимость анализа технически опосредованной коммуникации, становящейся все более важной составляющей современной социальной реальности, также ведет к новому взгляду на характеристики исходной дюркгеймовской модели. Неудовлетворительной в методологическом отношении представляется и упоминавшаяся выше концепция коллективного сознания.

В контексте анализа данной проблематики, стоит сказать и об альтернативной дюркгеймовскому холизму концепции социального действия М. Вебера, занимающей важное место в истории социально-философской мысли XX в.

Учитывая то, что концепция идеальных типов, положенная М. Вебером в основу проекта понимающей социологии, до сих пор обладает значимостью, необходимо также сказать, что сама теория социального действия в ее традиционном виде, на наш взгляд, представляется неподходящей для анализа социальной реальности информационного общества. Характерные для данной концепции трудности с определением границ социального действия, при переходе к анализу полиморфных аспектов социальности общества с развитой технически опосредованной коммуникацией, только усугубляются. В современной социальной реальности, предполагающей активное вовлечение в коммуникацию сетевых интерфейсов и машин как таковых, границы социального действия оказываются окончательно размытыми в силу специфики самой субъектности участников коммуникации. Не только понимание смысла действия других (в условиях крайнего разнообразия и вариативности практик глобального коммуникационного пространства) становится проблематичным, но и сама классификация действия, одним из участников которого является машина или инстанция технологического опосредования, в качестве социального. Субъект социального действия демонстрирует тенденцию к диссолюции вместе с границами самого социального действия.

Вместе с тем, в методологическом плане понятие действия также не может служить надежным фундаментом построения теоретического подхода к изучению современного общества. Как отмечает Р. Стихве: «Действия очень индивидуализированы. Каждое отдельное действие создает дисконтинуальность в социальном процессе. Что-либо или заканчивается, или что-то новое начинается. Действие некоторым образом изолировано от своих предшествующих условий и последствий; поэтому очень сложно

представить рекурсивную закрытость и воспроизводство чего-либо из собственных продуктов с точки зрения системы действия. С коммуникацией дело обстоит совершенно иным образом, потому что гораздо легче можно себе представить непрерывный поток коммуникаций, рекурсивно возвращающийся к собственной модифицированной начальной точке и закольцованный сам на себя»¹.

С точки зрения исследования современной социальной реальности, необходим более общий подход, который будет включать в себя и действующее и воспринимающее измерения общества, которые выражаются в понятиях действия и опыта (восприятия): «Вне зависимости от того, что рассматривается как конституирующий элемент социальных систем, этот элемент должен быть обозначен более общим именем, нежели «действие» или «опыт». Это обстоятельство дисквалифицирует концепцию действия как конституирующий элемент, так как действие не может функционировать как общее понятие для различения между действием и опытом. Коммуникация является более подходящим кандидатом по двум причинам. Во-первых, концепция коммуникации более специфична, чем концепция селекции, которая не различает социальные и биологические системы. Во-вторых, концепция коммуникации в качестве более общего понятия включает в себя и действие и опыт»².

Таким образом, коммуникация становится методологически более перспективным фундаментом для исследования социальности информационного общества. С нашей точки зрения, адекватный современной социальной реальности подход к проблематике действия дается в системной теории общества Н. Лумана, где оно рассматривается как необходимый инструмент поддержания системы коммуникации: «Коммуникация и

¹ Stichweh R. Systems Theory as an Alternative to Action Theory? The Rise of Communication as a Theoretical Option // Acta Sociologica. = 2000. = №5 Vol. 43. = P. 11

² Ibid. pp. 9-10

действие не могут быть разделены (хотя их можно отличить) и они создают отношение, которое может быть понято как редукция своей собственной сложности. Элементарный процесс, конституирующий сферу социального как специфическую реальность это процесс коммуникации. Однако для того, чтобы управлять самим собой этот процесс должен быть сведен к действию, разбит на действия. Соответственно, социальные системы не являются выстроенными из действий. <...> вместо этого социальные системы разделены на действия и этим разделением достигается основа взаимосвязей, которые служат для поддержания коммуникации»¹.

С учетом вышеизложенных соображений, можно говорить о том, что теоретический потенциал теории социального действия может быть использован для изучения социальной реальности информационного общества, но базовые методологические принципы применения концепции действия в конкретных исследованиях должны быть пересмотрены с учетом проблематики коммуникации.

Попытка пересмотреть теорию социального действия и согласовать ее с достижениями функционализма середины XX века была предпринята в концепции Т. Парсонса. Теоретический синтез, проведенный Парсонсом и определивший дальнейшее развитие системной теории общества, до сих пор еще не потерял своей актуальности. Однако в том виде, в котором социальность предстает у этого социального теоретика, она является, скорее, шагом назад, в область коллективного сознания и разделения труда, введенных в качестве основания социальности Э.Дюркгеймом.

Здесь являются принципиальными два момента. Во-первых, безусловный акцент, который Парсонс делает на морально-нормативном компоненте социальной системы: «Социальный мир в глазах Толкотта Парсонса — это, прежде всего, мир морали, и социальная реальность — это

¹ Luhmann N. Social Systems. – Stanford: 1995. – pp. 138–39

моральная реальность. Самое главное для него – не то, что люди действительно делают; это всего лишь отклонения, второстепенные помехи, своего рода случайные отступления. Скорее, перспективу для рассмотрения их поведения создает тот факт, что они делают именно то, что предписывают им групповые ценности»¹. Такая расстановка теоретических приоритетов в анализе оснований социальности делает модель Парсонса редуccionистской, не позволяющей теоретически осмыслить системный, эмерджентный характер социальности как процесса, возникающего в нормативной среде, но не сводящегося к ней.

Во-вторых, модель Парсонса игнорирует рефлексивность участников социальной реальности, будь-то индивиды, коллективы или институты. Самонаблюдение социальных агентов Парсонсом не учитывается. Субъект не является в полной мере субъектом, а выполняет заложенные в него социализацией или ре-социализацией программы. Социальное изменение трактуется именно как перепрограммирование социального агента, а не как результат его собственной рефлексии. Динамическая сторона социального сводится в этой концепции к перепрограммированию исходных алгоритмов на основе адаптивности: «Такого рода адаптивность организма, какая постулируется в модели Парсонса и для которой характерно, что организм поддается почти любой форме социализации в любой социальной системе, является именно тем, что позволяет организму пройти повторную социализацию в рамках уже другой системы»². Социальность, таким образом, приобретает ярко выраженные черты схематизма и механицизма, несмотря на несомненную заслугу Парсонса в разработке комплексных теоретических подходов к анализу социальной системы и социального действия. Следует отметить и то, что концепция социальности у Парсонса служит возникновению своеобразного функционалистского оптимизма,

¹ Голднер А. У. Наступающий кризис западной социологии. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 287

² Там же. – С. 257

который ведет к теоретическим трудностям в объяснении трансформации социальных феноменов: «Парсонс осмысливает проблему через утверждение о том, что адаптация это процесс, который совершенствуется в ходе социальной эволюции, то есть общества становятся более адаптивными и, таким образом, повышают эффективность своего функционирования. Это очень сомнительно и на социальном, и на индивидуальном уровнях. Как убедительно показал Джозеф Тэйнтон (1988), на протяжении большей части человеческой истории, достигающие большой сложности общества демонстрировали тенденцию к большей дисфункциональности и к коллапсу»¹. Таким образом, очевидные трудности, наблюдающиеся в структурном функционализме в связи с анализом комплексности и социальной дифференциации, также препятствуют адекватному отражению социальности современного общества, где комплексность и дифференциация поднимаются на новый уровень.

Дальнейшие теоретические трудности, с которыми сталкивается холистская концепция Парсонса, открывают перспективу постструктурализма и методологического индивидуализма, теоретические положения которых не рассматриваются в рамках данного исследования, сосредоточенного на принципе социальности, по определению выражающем холистскую установку.

Существует и другая альтернатива в осмыслении социальности, претендующая на теоретическое выражение социальной целостности. Имеется в виду феноменологическое направление социальной теории, выдвинувшее в качестве основы социальности структуры жизненного мира (*lebenswelt*) - важнейшей концепции феноменологии Э. Гуссерля.

¹ Sanderson. S. K. The Evolution Of Human Sociality. – Boston, 2001. – P. 21

Важность концепции жизненного мира заключается в том, что с помощью обращения аналитического внимания на данную, ранее неисследованную область социальной реальности, можно выявить скрытые смысловые основы как индивидуального, так и социального опыта. Основоположник феноменологической социологии А. Шюц отмечает: «Феноменологический анализ, однако, показывает, что существует допредикативный слой опыта, в пределах которого интенциональные объекты и их свойства вовсе не являются четко очерченными; что мы располагаем не изначальным опытом изолированных объектов и их свойств, но скорее, полем нашего опыта, в пределах которого отдельные элементы отбираются как выделяющиеся на фоне их пространственного и временного окружения. Посредством постоянно возобновляющихся взаимосвязей нашего потока сознания все эти элементы сохраняют свою ауру, окаймление, горизонты. Анализ механизма предикативного суждения гарантирован лишь обращением к мыслительным процессам, в которых и посредством которых конституирован допредикативный опыт»¹. Данная теоретическая установка обладала несомненными социально-философскими перспективами, но требовала дальнейшей методологической разработки для того, чтобы ее можно было применить в конкретных исследованиях общества.

Эту задачу стремились выполнить П.Бергер и Т.Лукман. Разрабатывая феноменологическую социологию, основы которой были заложены А.Шюцем, они выдвинули свой подход к анализу социального опыта. Одним из центральных моментов в рамках данного подхода является понятие о типизации: «Реальность повседневной жизни содержит типизации, на языке которых возможно понимание других, и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу»². В соответствии с таким взглядом на социальную реальность, выстраивается и представление о самой общественной структуре как о

¹ Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. – Москва, 2004. – С. 173–174

² Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – Москва, 1995. – С. 55

совокупности типизаций: «Итак, социальную реальность повседневной жизни можно понять в континууме типизаций, анонимность которых возрастает по мере удаления от «здесь и сейчас» ситуации лицом-к-лицу. На одном полюсе континуума находятся те другие, с которыми я часто и интенсивно взаимодействую в ситуациях лицом-к-лицу. Это, так сказать, «мой круг». На другом полюсе - крайне анонимные абстракции, которые по самой своей природе никогда не станут доступными взаимодействию лицом-к-лицу. Социальная структура - это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия»¹. Такой взгляд на социальную реальность представляет существенный теоретический интерес, однако сталкивается с некоторыми трудностями, касающимися основ самого феноменологического метода.

Первое обстоятельство связано с тем, что для анализа структуры и сущности социальной реальности, понимаемой как совокупность типизаций, должен применяться феноменологический метод, интеграция которого в состав теоретической социологии несколько затруднительна в связи с неочевидностью и проблематичностью методологических этапов. Проблематична сама основа этого метода. Как отмечает А.С. Кравец: «Феноменологическая редукция Гуссерля (а именно она лежит в основе новой теории сознания) зиждется на весьма шатких метафизических основаниях. Сначала мы, согласно классика феноменологии, должны освободиться от опытного содержания сознания, полученного в естественной установке, т.е. надо каким-то чудесным образом элиминировать содержание нашего сознания от всего известного нам повседневного и научного опыта. Затем в остатке мы должны получить собственное (имманентное) «чистое сознание» его (заметим, что большинство психологов считает: вне социального опыта у человека вообще не формируется сознание). И наконец, предпринимается попытка проанализировать (с помощью ненадежного

¹ Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – Москва, 1995. – С. 59

метода интроспекции) остаточные трансцендентальные (всеобщие и априорные) структуры чистого сознания, которые предопределяют наше понимание внешнего мира»¹.

Второе обстоятельство связано с тем, что вопросы смысла, являющиеся основополагающими для исследований информационного общества, не находят адекватного теоретического отражения в рамках феноменологического метода. Феноменологическая социология не находит адекватных теоретических подходов к анализу социальности как смысловой целостности, выходящей за рамки индивидуального сознания. Как отмечает в этой связи А.С. Кравец: «Природу смыслообразования нельзя вывести только лишь из клетки индивидуальных переживаний. Смысл есть не только продукт отдельной головы (индивида), но в не меньшей мере и социальный продукт, т.е. результат процесса социализации личности. Вне социума у человека не могут формироваться смыслы, сколько бы он не переживал. Но социальное измерение всегда было чуждо феноменологической философии, чем собственно говоря, и отрезается путь к пониманию загадочного феномена смысла»².

При всей потенциальной перспективности данного направления, на его основании очень сложно выстроить представление о социальности как о теоретически едином целом. Скорее, можно говорить о «горизонте социальности», тематизации и типизации классов опыта с возможной апелляцией к трансцендентальным нормативам. Главным же фактором, препятствующим адекватному отражению социальности в рамках этой концепции, является отсутствие четкой методологической перспективы рассмотрения процессов конструкции социальности как эмерджентного процесса.

¹ Кравец А. С. Социальная феноменология в поисках смысла // Вестник ВГУ. Серия: Философия 2011.- №1. – С. 61

² Кравец А.С. Понимание смысла социальной деятельности: монография. – Воронеж, 2008. – С.82

Однако здесь можно высказать некоторые соображения относительно перспективности феноменологического подхода, которая представляется несомненной, при условии теоретического синтеза социальной феноменологии и системной теории общества. Обозначим предпосылки такого синтеза.

Одним из главных пунктов возможно теоретического синтеза является представление о центральном характере коммуникации, которое проводил основоположник феноменологии Э. Гуссерль: «Шюц хотел укоренить коммуникацию в жизненном мире как общем пространстве коммуникации. Он критиковал Гуссерля за объяснение этого пространства как результата коммуникации. Однако Гуссерль рассматривал внешний референт коммуникации как горизонт потенциальной вариативности смыслов. Интерсубъективность Гуссерля остается интенциональной, тогда как Шюц выступал за экзистенциальное основание интерсубъективности в «мы»¹. Фундаментальность коммуникации для возникновения социального пространства, также утверждается и в системной теории общества Н. Лумана. С этой точки зрения, важность языкового измерения социального опыта, подчеркиваемая П.Бергером и Т.Лукманом, также говорит о возможности конвергенции двух подходов: «Благодаря лингвистической объективации, даже когда я говорю «с самим собой» в уединенном размышлении, в любой момент весь мир может предстать передо мной. Что касается социальных отношений, язык «делает наличными» для меня не только отсутствующих в данный момент людей, но и тех, кто относится к

¹ Leydesdorff L. Luhmann's Communication-Theoretical Specification of the 'Genomena' of Husserl's

Phenomenology // [Электронный ресурс] сайт leydesdorff.net URL:

<http://www.leydesdorff.net/coimbra/index.htm> (дата обращения 19.04.2014)

моим воспоминаниях и реконструируемому прошлому, а также людей будущего, представляемых мной в воображении»¹.

Процессы социальной институционализации, седиментации, легитимации, интернализации, которые рассматриваются П.Бергером и Т.Лукманом в качестве основ социального конструирования реальности, могут быть описаны и с помощью инструментария системной теории общества, причем с большей теоретико-методологической ясностью, достижение которой возможно через альтернативную концептуализацию жизненного мира, отвечающую задачам изучения современной социальной реальности.

Понятие жизненного мира конкретизируется и эксплицируется с точки зрения системной теории общества как результат итераций коммуникации, совершающей рекурсивное движение, лежащее в основе возникновения социальности. Н. Луман формулирует это положение следующим образом: «Через связь между селекциями и последующими селекциями в процессе коммуникации, осаждается область того, становится принятым и ожидаемым, и границы этой области проходят по миру смыслов. Поэтому психические системы становятся личностями, а именно, наборами ожиданий, функционирующими как референтные точки [ожидания] для дальнейших селекций в системе [коммуникации]»². Таким образом, возникает альтернативная версия концепции жизненного мира, исходящая из фундаментального концепта коммуникации и способная стать интегрирующим началом для феноменологической социологии и системной теории общества.

¹ Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – Москва, 1995. – С. 69

² Luhmann N. Social Systems. / N.Luhmann – Stanford: 1995. – P. 127

Второе обстоятельство, свидетельствующее о возможности конвергенции двух подходов, заключается в близости концепций смысла, являющегося одним из центральных теоретических компонентов, как в феноменологической социологии, так и в системной теории общества.

Смысл, с точки зрения Н. Лумана, представляет собой редукцию комплексности, которую система предпринимает для того, чтобы выстоять в условиях среды, по определению и всегда обладающей превосходящей комплексностью. Смысл это то, что возникает в коммуникации и ведет к тем или иным системным селекциям. Селекция же, представляет собой выбор системой одного варианта поведения из множества доступных. В системе, стремящейся к самосохранению, селекции направлены на то, чтобы редуцировать внешнюю или внутреннюю комплексность, тем самым сохранив необходимую меру внутреннего порядка, достаточную для того, чтобы не произошло нарушения границы системы и смешения ее со средой. Смысл является посредником между системами, и в случае социальных систем он предстает как совокупность общезначимых смыслов, выраженных в языке и направленных на то, чтобы системы совершали те или иные селекции, редуцирующие внешнюю и внутреннюю комплексность, поддерживая, тем самым, индивидуальную и коллективную стабильность социальной реальности. При этом мы можем видеть очевидную параллель этой концепции в феноменологической социологии. Как отмечает Дж. Бернарц: «Человек, по словам Шюца, действует в социальном мире среди других и обнаруживает, что предзаданный социальный мир предлагает ему в каждый момент времени несколько альтернатив, между которыми он должен выбирать. <...> Поступая так, он преобразует социальное окружение «открытых возможностей» в единое поле «проблематических возможностей», в котором выбор и решение - особенно, так называемые «рациональные» выбор и решение, становятся возможными»¹.

¹ Bednarz J. Functional method and phenomenology: The View Of Niklas Luhmann // Human Studies. – 1984. – №7. – P. 355

О сущности формирования смысла с точки зрения феноменологии говорит и А.С. Кравец: «Единый, нерасчлененный континуум «потока сознания» наполнен предфеноменальными переживаниями, т.е. смутными, неопределенными, неосмысленными. Формирование смысла предполагает актуализацию внимания на некоторых из них под определенным углом зрения, их отличие от других переживаний и удержание в модусе внимания»¹.

Таким образом, феноменологическая теория смысла и системная теория смысла оказываются совместимыми. При этом системная теория, дающая четкие формулировки своих концепций и настаивающая на фундаментальном характере коммуникации в процессе генезиса социальных систем, способна предоставить социальной феноменологии перспективные подходы в области исследований социальной реальности информационного общества. Конвергенция этих двух подходов может привести к существенным теоретико-методологическим и научно-практическим результатам.

Учитывая вышеизложенные соображения, можно констатировать наличие целого поля теоретических перспектив, потенциально применимых к анализу социальности информационного общества. Описанные нами выше подходы к изучению принципа социальности, не являются готовым решением поставленной задачи. Исходные социально-философские интуиции требуют дальнейшей концептуализации. Такая концептуализация могла бы привести к выработке адекватного условиям изменившейся социальной реальности исследовательского подхода.

На этом фоне в общественных науках начала XXI века возникает осознание кризисной ситуации, требующей новых методов изучения общества. В современной отечественной социально-философской мысли

¹ Кравец А. С. Социальная феноменология в поисках смысла // Вестник ВГУ. Серия: Философия 2011. – №1. – С. 58

также можно выделить соответствующие тенденции. Так В.Е. Кемеров отмечает: «...вполне оправданным представляется допущение о том, что различные констатации кризиса социальности являются выражением изменений ее содержания и характера. Оказывается возможным своеобразное оборачивание тезиса: необобщаемые заявления о деструкции социальности являются фрагментарными свидетельствами процессов ее трансформации. Фрагментарность подобных суждений тогда есть указание на несоразмерность представлений о социальном и процессов человеческих взаимосвязей, на неадекватность методологических средств режиму воспроизведения социальности, на неотрефлексированность философской и социально-гуманитарной позиции, с которой выносятся приговор социальности»¹. Первоочередная социально-философская задача, таким образом, может быть осмыслена как поиск адекватных новому режиму воспроизведения социальности методологических средств. Первым шагом на пути к решению данной задачи должен стать ответ на вопрос о том, в чем же именно заключается новый режим воспроизведения социальности, характерный для современного общества и какие характеристики социальной реальности выходят в нем на первый план.

Также, в другой своей работе В.Е. Кемеров отмечает и возможные перспективы дальнейшего осмысления социальности: «...различные констатации кризиса социальности являются выражением изменения ее содержания и характера. Возможно своеобразное оборачивание тезиса: необобщаемые заявления о деструкции социальности являются фрагментарными свидетельствами процессов ее трансформации»².

Данная установка на изучение трансформации социальности вместо анализа ее гипотетической диссолюции, представляется актуальной.

¹ Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности. – Вопросы философии. – 1999. – №7. – С. 5

² Кемеров В.Е. Проблема социального и динамика методологии //Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции / науч. ред. А.Б. Лебедев. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – С. 42

Другие исследователи, такие как Н.С. Рыбаков, сосредотачивают свое внимание на центральном характере информации в информационном обществе, а также пытаются выявить специфику отношения реальности информации к реальности общества, в их взаимосвязи: «Информационное общество по типу социальности оказывается продолжением вещной зависимости со всеми вытекающими отсюда последствиями, но с одним важным отличием: посредником в отношениях между субъектами здесь становится не вещь, а информация. Для этого общества характерны отношения информационной зависимости. Сохраняя формальную структуру отношений вещной зависимости, они оказываются принципиально отличными от них, чувственно-сверхчувственная вещь впрямую замещается идеально-семантическим феноменом, который принципиально недоступен чувственному восприятию. Субстанция этих отношений радикально иная по своей природе»¹.

Тема зависимости, сопутствующая экспансии информационных технологий в современную социальную реальность с еще большей отчетливостью подчеркивается у отечественных авторов, придерживающихся классовой точки зрения на общественно-исторические процессы. Так, В.П. Козырьков, рассматривая феномен онтологизации социальности, отмечает: «Концепция онтологизации отношений вообще, в том числе, общественных отношений, при каждой острой кризисной ситуации в обществе неизбежно ведет к выводу о «конце социального» или его «фрагментации». Иначе и быть не может, так как любое качественное изменение воспринимается как разрушение социального. Между тем в

¹ Рыбаков Н.С. Трансформация социального //Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции / науч. ред. А.Б. Лебедев. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – С. 524-525

действительности изменяются лишь формы отношений людей, которые в период этих существенных социальных изменений осознают свою субъектность в наибольшей степени. Таким образом, онтологизация общественных отношений, лишение их субъектности и концепция конца социального скрывают в себе идеологический слой, в котором мы обнаруживаем субъекта, но уже не желающего показывать свою единственную и доминирующую субъектность»¹. Данный аспект проблемы трансформации социальности информационного общества также важен, поскольку заставляет обратить внимание не только на его объективную сторону, состоящую в логике научно-технического прогресса, но и на субъективную сторону трансформации социального, предполагающую возможность наличия субъектов, заинтересованных в том или ином изменении социальной реальности.

Можно также отметить отечественные исследования современной социальной реальности, опирающиеся на экзистенциально-феноменологическую парадигму. Здесь можно видеть стремление авторов к аналитике субъекта и субъектности, как базовых измерений социального опыта. Так, А.Е. Смиронов стремится проследить роль субъективации в генезисе социального: «...Понятие совместности может послужить методологическим императивом для исследования процессов субъективации в той мере, в какой в данные процессы включена глобальность всего социального порядка. Быть совместно в этой связи означает быть в

¹ Козырьков В.П. Онтологизация социального в современном российском обществе //Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции / науч. ред. А.Б. Лебедев. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – С.147

становлении постоянно де- и субъ-ективироваться. В со-вместности нет субъекта, но как раз именно потому, что он всегда творится заново (как субъективность без субъекта, становление многими)»¹.

Также обращает на себя внимание стремление отечественных исследователей к осмыслению социальной реальности информационного общества не со статических, а с процессуальных позиций. Базовым теоретическим подходом здесь может выступать анализ социальности в терминах постоянных различий, предпринимаемый Т.Х. Керимовым: «Концепция дифференциальной социальности требует другой онтологии бытия, гетерологии, для которой принципиально важной оказывается идея различия. Различие - это первичная область конституирования социальности как таковой. Более того, всякая система различия вообще конституируется как «текстура» социальных различий. Различие не относится к различению уже конституированных единиц социальности. «Единицы» социальности не предшествуют отношению или связи, а конституируются посредством различия»². Системная теория общества, методологический инструментарий которой представляется наиболее адекватным для изучения трансформации социальности в информационном обществе, также настаивает на важнейшей роли различия в процессах конструирования социальности. Базовая системная операция наблюдения представляет собой, с точки зрения системной теории, единство различия и индикации, позволяющее системе продолжать присоединять свои последующие операции к предыдущим.

¹ Смирнов А.Е. Социальное: субъективация, совместность //Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции / науч. ред. А.Б. Лебедев. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – С. 109

² Керимов Т.Х. Гетерология и концепция дифференциальной социальности // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции / науч. ред. А.Б. Лебедев. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – С. 51

Нельзя не отметить и перспективные исследования в области интеграции гуманитарного и естественнонаучного знания, основанием для которой выступают исследования общества, стремящиеся к выработке целостного взгляда на социальные процессы, с привлечением достижений естественнонаучной мысли. Так, в работе М.А. Зайченко «Принцип рекурсивности в процессе освоения мира человеком» делается попытка осмыслить принципы фрактальности в их связи с перспективами развития исследований общества: «В конце XX века в связи с созданием французским математиком Б. Мандельбротом общей концепции фракталов появилась возможность положить их в основу новых представлений как естественных, так и гуманитарных наук. <...> К примеру, медиа на сегодняшний день выступает не только как средство передачи информации или взаимодействия, но и обладает собственной смыслообразующей, мирообразующей тенденцией, порождающей специфические культурные практики, для осмысления которых философам надо искать новые языки и методы. Этот мир, создающий совершенно новые возможности для функционирования культуры, требует не только введения новых терминов и метафор, но и обращения философов к общенаучным понятиям, применимым как в естественных, так и в гуманитарных дисциплинах»¹.

Таким образом, можно констатировать наличие широкого круга исследовательских подходов к изучению социальной реальности информационного общества, в отечественной социально-философской мысли. Проблемное поле социальности обладает большим объемом и большой глубиной. При этом для продолжения исследований социальности информационного общества должен быть выработан целостный подход, исходящий из представленного выше анализа спектра теоретико-

¹ Зайченко М.А. Принцип рекурсивности в процессе освоения мира человеком //Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции / науч. ред. А.Б. Лебедев. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – С. 281

методологических вариантов. Для выработки такого подхода необходимо обратиться к феномену социальной коммуникации.

В качестве основных итогов второго параграфа диссертационного исследования можно выделить следующие положения:

1. Феномен социального в рамках современной социально-философской рефлексии осмысливается с различных теоретико-методологических позиций, отдающих приоритет тем или иным аспектам социальности. Отсутствие единой парадигмы осмысления социальности порождает теоретико-методологическую неопределенность и затрудняет создание социально-философского подхода, способного адекватно отражать режим воспроизведения социальности характерный для информационного общества.

2. Теоретические достижения классической социологии, выраженные в концепциях Э.Дюркгейма и Т.Парсонса, не могут быть в неизменном виде использованы для анализа трансформации социальности в рамках информационного общества. При всей теоретической значимости первых концептуализаций принципа социальности, осуществленных в рамках данных социально-философских направлений, интеграция их теоретических предпосылок в современные исследования информационного общества невозможна в силу несоответствия теоретического аппарата классической социологии новым характеристикам социальной реальности.

3. Теоретико-методологические установки феноменологической социологии также не могут быть в неизменном виде использованы для анализа принципа социальности, так как феноменологическая традиция сталкивается с очевидными теоретическими трудностями в концептуализации своих основных теоретических интуиций. Однако перспектива конвергенции социальной феноменологии и системной теории общества на основе теории смысла как редукции комплексности, представляется актуальной и способной привести к серьезным теоретико-методологическим и научно-практическим результатам.

4. Первоочередной задачей исследований трансформации социальности в информационном обществе должно стать определение основных характеристик режима воспроизведения социальности, опирающегося на активное внедрение в жизнь общества информационных технологий вообще, и технически опосредованной коммуникации в частности.

§3. Социальная коммуникация в контексте исследования информационного общества

Социальность определяется в рамках данного исследования как системное свойство коммуникации. Для того чтобы прояснить это определение, необходимо обратить внимание на несколько принципиальных теоретических пунктов, объединенных между собой в рамках проблемы социальной коммуникации. В рамках данного исследования будут проанализированы два наиболее актуальных измерения этой проблемы. Первое из них связано с характеристикой коммуникации в контексте анализа ее трансформации, сопряженной с трансформацией всего информационного поля современной социальной реальности. Второе измерение связано с характеристикой коммуникации в качестве методологического основания анализа социальности информационного общества.

Переходя к освещению первого измерения проблемы социальной коммуникации, следует отметить, что одной из фундаментальных динамик современной социальной реальности является активное внедрение технически опосредованной социальной коммуникации, которое, дополняя общее пространство коммуникации новыми возможностями, вводит также и новые факторы, оказывающие влияние на становление упомянутого выше нового режима воспроизведения социальности. Технологическое посредничество в коммуникации, выраженное в достижениях современных информационных технологий, становится чем-то большим, чем просто инструмент повышения эффективности промышленных, коммерческих, политических и повседневных процессов общения. Эта медиация не только по факту своего внедрения, но и в самом концептуальном ядре того или иного информационно-технологического проекта может ставить себе задачу формирования новых паттернов социальности, приемлемых в рамках той или иной технологической модели. Как отмечает в этой связи М.Кастельс: «...примечательность технологически опосредованной коммуникации

состоит в создании и поддержании сообществ большого масштаба, в которых недостаток физического присутствия означает, что рамки сообщества формируются не столько между людьми, которые взаимодействуют рутинно и напрямую, но, скорее, между людьми, которые идентифицируются с общим символическим порядком, элементы которого передаются участникам через технологии массовой коммуникации»¹.

Этот «общий символический порядок», передаваемый через технологическое посредничество массовых коммуникаций, представляет собой, в том или ином варианте, «интерфейс», пользовательскую среду, сопрягающую участников коммуникации через технологические возможности конкретного проекта, будь-то социальные сети, системы автоматизированного обслуживания, информационно-технологическое обеспечение производственной и коммерческой деятельности. В этом процессе трансформации социальной коммуникации одним из ключевых обстоятельств является то, что технология и машина как ее конкретное выражение, становясь посредником в тех социальных процессах, которые раньше предполагали участие людей, встраиваются в цепочки социального. Время общения между машиной и человеком непрерывно возрастает с ходом технологического прогресса. Однако машина не остается простым посредником в социальных взаимодействиях. Можно сделать предположение о том, что формируя структуру и качество этих взаимодействий, весь комплекс технических посредников порождает «машинную социальность», представляющую собой системное свойство группы людей, проявление которого достигается не через органическое структурирование информационных потоков внутри данной группы ее участниками, а через готовые технологические решения, заранее заданные интерфейсы. Структура

¹ Castells M. The power of identity. – Oxford, 1997. – P. 157

социальной коммуникации становится обусловленной той или иной информационной технологией, воплощенной в тех или иных машинах. Социальная коммуникация, структурированная машинами, становится образцом любой социальной коммуникации вообще. «Машинная социальность», воспринимаемая как стандарт во все более широком секторе социальной коммуникации, может стать образцом социальности в целом.

Еще одной характерной особенностью нового режима воспроизведения социальности, характерной для информационного общества, является трансформация процесса социализации, который лежит в основе любой формы социальности. Информационные потоки и социальные коммуникации, отвечающие за формирование таких фундаментальных носителей социальности как индивиды (процесс социализации), так же обретают новое качество. Наиболее очевидным в этой трансформации формирующим мировоззрение, картину мира и убеждения личности информационных потоков является увеличение их числа, а также плотности потока сообщений. Современный человек получает в единицу времени объем сообщений, намного превосходящий в количественном отношении то информационное поле, которое могли генерировать средства коммуникации предшествующих эпох.

Такое информационное изобилие должно было бы служить увеличению личной свободы в процессе социализации, возникающему в результате увеличивающегося набора альтернатив, которые формирующаяся личность могла бы принимать за образцы тех или иных социальных стратегий. Это предположение соответствует и системному взгляду на природу общества, выраженному Ю.М. Резником: «Социальные системы возникают как результат выбора участниками определенных возможностей или стратегий взаимодействия из множества других возможностей и стратегий. Следовательно, коммуникации, пронизывающие собой системы есть

смысловой процесс, в ходе которого идет непрерывный выбор возможностей»¹. Однако здесь возникает ряд вопросов.

Все эти вопросы связаны, преимущественно, с качественным аспектом трансформации информационного поля современной социальной реальности, в котором находится формирующаяся личность. Так, очевидно, что с увеличением количества информации, поступающей через современные коммуникационные средства, возрастает и доля «шума», а также неоднозначного информационного содержания, которое может быть интерпретировано в рамках той или иной социальной системы как вредоносное. Но возрастает ли пропорционально доля полезной информации, обладающей высоким качеством и положительным социализирующим потенциалом? Ответ на этот вопрос неочевиден. Даже если принять как данность положение о том, что в рамках современного информационного поля разработана система эффективной доставки высококачественной социализирующей информации до отдельной личности, слабым звеном в этой цепи остается субъект, которому информация адресована.

Здесь мы имеем дело со структурной уязвимостью в процессе коммуникации. Как отмечает Н. Луман: «Коммуникация может быть осмыслена как синтез информации, высказывания и понимания. То есть, коммуникация происходит, когда информация, которая была высказана, является понятой»². Из этого положения можно сделать следующие выводы: во-первых, не каждая информационная активность является коммуникацией, поскольку для субъекта информация, транслируемая в его сторону, может являться «шумом». Во-вторых, не каждая коммуникация является успешной, то есть ведет к пониманию (в контексте социализации – к усвоению личностью общественно-поощряемых стратегий поведения).

Однако, возможно, в меньших масштабах, эти проблемы социализирующих информационных потоков были характерны и для более

¹ Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: социальная системология. – Москва, 2003. – С.152

² Luhmann N. System as Difference // Organization, 2006, Volume 13. – №1. – P. 47

ранних социальных систем. В чем же заключается специфика социализации как основания социальности в обществе, которое в современном социально-философском пространстве принято называть информационным?

Здесь, в первую очередь, необходимо принять во внимание новый паттерн социальности, основанный на сетевом принципе: «Наиболее важная роль интернета в структурировании социальных отношений это его вклад в новый паттерн социальности, основанный на индивидуализме... Интернет не создает сетевой индивидуализм, но развитие интернета обеспечивает соответствующую материальную поддержку для распространения сетевого индивидуализма в качестве доминирующей формы социальности»¹.

Так называемый «сетевой индивидуализм» заключается в том, что моделью современного общества становится сложно структурированная совокупность сообществ построенных на сетевом принципе и состоящих из (относительно) автономных индивидов. В отличие от предшествующей модели социальности, имевшей централизованную иерархическую структуру, сетевой принцип организации подразумевает не последовательную соподчиненность звеньев социальной иерархии, восходящую к высшей инстанции, а параллельную включенность составляющих сети в процессы, сосредоточенные вокруг определенного сетевого ядра, которое может, в свою очередь, являться узлом сети более крупного масштаба. Этот принцип воплощается во всех сферах функционирования информационного общества – от производственных процессов и до феноменов духовной культуры и повседневного общения. Также, сетевой принцип организации общества является выражением той динамики, которую Э.Тоффлер обозначил как «децентрализацию» общественной жизни. В таких условиях любой проект социализации оказывается под угрозой возможности утонуть в нагромождении сетевых уровней и сопутствующих информационных потоков, так и не добравшись то до своего реципиента – отдельной личности, так как магистральные

¹ Castels M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. – Oxford, 2001 pp. 130-131

информационные каналы, служившие опорой социализации в прошлом, утрачивают свое доминирующее положение в информационном обществе. Традиция, религия, идеология, семья, коллектив – все эти измерения социальной реальности, ранее обеспечивавшие социализацию, в рамках информационного общества активно пересматриваются и переосмысливаются в своем ценностном и онтологическом статусе.

Ситуация социализации осложняется также и тем обстоятельством, что информационное общество, через развитые средства коммуникации наделяет личность возможностью участия в большом количестве коллективов, тем самым увеличивая ролевой плюрализм, являющийся, по мнению Т.Парсонса, одной из главных составляющих любой социальной системы: «Фундаментальной чертой всех человеческих обществ является ролевой плюрализм, участие одних и тех же людей в ряде коллективов. Рассмотрение ролевого плюрализма является важнейшей составляющей процессов дифференциации, ведущих к становлению общества современного типа»¹. Таким образом, в условиях увеличивающегося ролевого плюрализма на первый план в процессе социализации выходит проблема установления качественного коммуникативного взаимодействия с конкретной личностью.

Здесь проявляется фундаментальная динамика, характерная для коммуникативных процессов информационного общества. Количество коммуникаций непрерывно возрастает. Но их структура, если вспомнить модель коммуникации Н.Лумана, приведенную выше, не меняется. При увеличении количества высказываний, поступающих из информационной сферы в адрес личности, снижается объем информации в каждом из них. То есть, даже если в ежедневном информационном потоке, проходящем через личность, есть несколько информативных и качественных коммуникаций, среднее значение информативности этого потока все равно будет снижаться из-за нарастающего объема рекламно-развлекательного шума, который

¹ Цит. по: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: социальная системология. – Москва, 2003. – С.113

постоянно увеличивает свое присутствие в общем информационном поле. Сообщения этой категории ориентируются не на понимание, а на активацию бессознательных процессов личности, которые можно использовать для достижения суггестивного эффекта.

Процесс трансформации массовых коммуникаций имеет и другую важную характеристику. При видимой диверсификации информационных потоков, создающей впечатление огромного разнообразия, происходит упрощение информационного поля, становящегося все более монолитным. Это уплотнение информационного поля за счет увеличения количества шума, оказывает на личность двоякое воздействие. Во-первых, возникает отторжение информации вообще, обусловленное увеличивающейся (интенсивно и экстенсивно) информационной нагрузкой, требующей усиленной работы сознания по ее фильтрации. Во-вторых, сознание личности привыкает к такой структуре информационных потоков, которая не подразумевает глубокого погружения в анализ информации, продолжительного размышления и интеллектуальной работы. Образцом становится т.н. «клиповое сознание», состоящее из набора фрагментов, несущих разнородное информационное содержание, организованное в соответствии с упоминавшимся выше сетевым принципом. Так, структура личности, организованная в соответствии с традиционной иерархической моделью, подвергается требованию измениться в соответствии с новыми стандартами информационного поля. Сфера массовых коммуникаций, воздействуя на сознание формирующейся личности, способствует становлению «дивидуального» сознания (в противоположность индивидуальному), то есть субъект перестает быть началом самосознания (самополагания) и становится сетевой инстанцией, меняющейся под влиянием определенных внешних условий. В этом смысле, социализация, понимаемая как формирование индивидуальной личности, оказывается вынужденной противостоять не только объективным процессам усложнения информационных взаимодействий внутри социальной системы, но и

своеобразной программе «контр-социализации», предполагающей формирование «дивидуальной личности». Для более полного освещения этой динамики, характерной для нового режима воспроизведения социальности, необходимо дать первичный анализ концепции информационного общества.

Если обратиться к самому понятию информационного общества, то можно принять в качестве рабочего следующее определение: «Информационное общество можно рассматривать как эволюционное продолжение индустриального общества, в котором наиболее быстрыми темпами растут секторы, связанные с созданием и потреблением информации»¹. Здесь важно понимать, что производство и потребление информации, ставшие фундаментом информационного общества, являются (в одном из своих важнейших аспектов) экономическими процессами. Поскольку экономика современного общества является рыночной, постольку эти экономические процессы должны подчиняться законам рынка. Рынок предписывает своим участникам стремиться к получению максимальной прибыли при минимальных затратах на производство товара. В этом смысле, основным сектором, на который направляется внимание производителей, является эффективность труда работников. Для повышения эффективности этого труда прилагаются колоссальные усилия, особенно значимыми проявлениями которых являются изменения в философии производства, выразившиеся в установках фордизма и тэйлоризма. Эти установки предписывают максимизацию разделения труда, и стремление к абсолютной эффективности использования времени работника, что выражается в жестких производственных инструкциях, учитывающих каждую производимую работником операцию, направленную на изготовление продукта. Идеалом работника в представлении производителя является машина с программным управлением, и принципы тэйлоризма направлены именно на то, чтобы, по возможности, сделать работника по своей эффективности и по стилю поведения сравнимым с такой машиной.

¹ Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – Москва, 1999. – С. 14

Эти принципы актуальны и для производственной сферы информационного общества, которое является не менее, а более индустриальным по сравнению с индустриальным обществом XX века. Требования к работникам занятым в производстве информационных продуктов и услуг, также подразумевают максимальную «машинизацию» этого работника: «Для многих задействованных в информационной сфере работников применение новых технологий послужило продолжению «разучивания», присущего принципам тэйлоризма, дополненным более жестким техническим контролем, который стал возможен с возникновением сборочной линии фордистского завода. Здесь впервые стало очевидным то, что контроль может быть не только системой управления, образцом бюрократии, но еще и технической данностью, встроенной в саму структуру машины»¹. Так, над информационным обществом, по крайней мере, в тех его областях, которые находятся в зависимости от законов рынка, нависает угроза стать такой машиной, в структуру которой интегрирован всеобщий контроль производства информационных продуктов. Не только сфера производства, но и сфера потребления становится объектом воздействия этого «информационного тэйлоризма». Единые стандарты потребления, распространяемые с помощью массовых коммуникаций, обладают для этой динамики ключевым значением: «Тэйлоризм стал узловым пунктом новой технократической идеологии, которая не остановилась в рамках завода или офиса, но вышла на мировую арену. Завоевав производство, она обратила свой взор на потребление. В пределе, требуется научный менеджмент спроса, желаний, фантазий, а также их реконструкция в товарной форме»².

То есть, рыночной экономике информационного общества требуется формировать своего потребителя. Это и есть проект социализации, предполагающий «дивидуальную личность». Для того чтобы стимулировать постоянное потребление продуктов информационного общества, как

¹ Kumar K. From Post-industrial to Post-modern Society. – Oxford, 2005. – P. 47

² Ibid. – P. 58

материальных, так и духовных, необходимо наличие такой структуры личности, которая удовлетворяла бы сетевому принципу, то есть имела бы некое временное ядро, которое можно было бы легко сменить на последующее, соответствующее рыночной конъюнктуре и направляющее личность к реализации своей покупательной способности в нужном сегменте рынка. Этот механизм сетевой социализации, как упоминалось выше, опирается на фундаментальную характеристику человека – адаптивность, делающую возможной ре-социализацию.

Способность к ре-социализации служит источником новых концепций формирования личности с использованием технологического инструментария информационного общества. В этом отношении, одной из фундаментальных динамик является частичная передача задачи социализации машинам. Под машинами здесь следует понимать те информационные технологии, которые внедряются в жизнь общества. Машина встраивается в те социальные процессы, участниками которых раньше могли быть только люди. Банковские операции, социальные сети, поисковая активность, электронные каталоги библиотек, заказ и оплата услуг, даже консультации в специальных вопросах теперь могут быть полностью или частично осуществлены при исключенном или опосредованном участии человека. Машины, изначально сконструированные в соответствии с сетевым принципом, в большом и все возрастающем числе случаев заменяющие собой личное взаимодействие людей, способствуют формированию «сетевой личности». В некоторых случаях, уже в настоящее время, повседневный опыт человека может включать большее время общения (именно общения, а не управления) с машинами, чем с людьми. При этом данный процесс не остается нейтральным, но затрагивает все базовые области социальной реальности. Одна из центральных проблем, которые здесь возникают, состоит в том, что от человека во множестве случаев также ожидается «машинообразное» поведение. Эта проблема описана А. Голднером: «Утилитаристская культура нашла свое инструментальное

воплощение в современной технологии и свое организационное воплощение в современной бюрократии; теперь она может выполнить свое обещание относиться к индивидам как к объектам. Причем все это происходит наряду с укреплением здоровья, увеличением продолжительности жизни, ростом грамотности и благосостояния людей. Повсюду в индустриальных обществах увеличиваются «признаки благопристойности», и повсеместно личность человека неблагопристойно принижается»¹. Голднер отмечает здесь важную характеристику социальной реальности, в которую интегрируются новые производственные и коммуникационные технологии. Административные инстанции современной социальной реальности способствуют активной интеграции в социум новых технологий, облегчающих задачи учета и контроля. При этом, непредвиденные последствия такой интеграции, трансформирующие основные традиционные измерения социальности (социализация, личность) и саму социальность как феномен, не принимаются в расчет или недооцениваются.

Так можно охарактеризовать новый «режим воспроизведения социальности», характерный для информационного общества, в его первом приближении. Теперь же необходимо подробнее рассмотреть теоретическую перспективу анализа социальной коммуникации как методологической основы анализа социальности информационного общества.

Прежде всего, для анализа социальной коммуникации представляется продуктивной перспектива приведения теоретической оптики социальной философии в соответствие с описанной выше сетевой архитектурой информационных технологий, вносящих сетевой принцип в саму структуру социальности. Для этого необходимо рассмотреть те фундаментальные положения, которые Сеть приносит с собой в качестве формирующих новую социальность факторов.

¹ Голднер А.У. Наступающий кризис западной социологии – Санкт-Петербург, 2003. – С. 321

Фундаментальной структурной особенностью Сети как метафоры общества является ее строение, которое включает в себя узлы и связи. Любому из узлов сети может быть назначена роль сетевого ядра, что может сближать сеть, основанную на параллельных связях узлов с иерархической структурой традиционного типа, в которой структурообразующие связи являются, по большей части, последовательными и вертикальными. Однако ключевой характеристикой Сети является именно отсутствие единого, раз и навсегда заданного ядра, что делает сетевую структуру гораздо более устойчивой и способной к продолжению функционирования даже после утраты большого количества своих элементов, которыми являются связи и узлы. Другие связи и другие узлы берут на себя функции утраченных, и сетевая структура остается в стабильном состоянии. При этом, Сеть как измерение социальной реальности гораздо шире, чем определенным образом организованная совокупность индивидов: «Сети объединяют не только личности. Это только один случай, и «личности» никогда не объединяются (сетевыми связями – С.П.) как полностью индивидуальные существа. Личности и индивиды не являются сущностями, но представляют собой результат отношений и конструкций. Не все сети готовы и способны наблюдать личности или индивидов. Личности наблюдаются наблюдателем, для которого такая «идентичность» существует – в определенной ситуации, при определенных обстоятельствах и до дальнейших указаний»¹. Таким образом, с введением концепции Сети, социальная мысль получает возможность рассмотреть принцип социальности (несводимость социального к несоциальному) как первичное условие, необходимое для того, чтобы связи, образующие определенную систему, стали возможны. Иными словами, социальность как процесс, происходящий в пределах связей и узлов конкретной сети, должна объясняться исходя из логики (кода) той сети, в

¹ Fuchs S. Against Essentialism: A Theory Of Culture And Society. – London, 2001. – P. 16

которой этот процесс имеет место. Принцип социальности, таким образом, состоит в том, что систему коммуникации следует объяснять исходя из сети коммуникаций, в которую входит данная система. При этом важно, что участниками такой сети, ее узлами, могут быть как данности более широкие, чем индивид (группа, институт, идеологическая программа), так и более узкие (анкета, отражающая определенные характеристики индивида, учетная запись в социальной сети). Такая перспектива рассмотрения социальной реальности является холистской, то есть учитывает не индивидуальные действия и их последующие агрегации, а предоставляет доступ к картине целостной социальной реальности. Но холизм здесь проявляется особым образом. Это не старый холизм сущности, ведущий свое происхождение от Аристотелевской концепции государства, предшествующего индивидам. Скорее, это холизм отношений, предполагающий антиэссенциалистскую перспективу, согласно которой личность и общество рассматриваются не как сущности, а как результаты наблюдений и самонаблюдений различных сетей: «Базовая предпосылка антиэссенциализма состоит в том, что «действие» и «поведение», «личности» и «вещи», «природа» и «общество», «наука» и «гуманизм» и другие дихотомии – в действительности не являются противоположными полюсами Бытия, отделенными непреодолимым эссенциалистским зазором. Скорее, они представляют собой социальные инструменты описания и объяснения, которые варьируются вместе с другими социологическими переменными, такими как статус наблюдателей, условия наблюдения, и степень, в которой наблюдаемая система рассматривается как предсказуемая посредством нормальной науки»¹. Понятие социальности, таким образом, не гипостазируется, и не говорит о существовании особой сущности, но выражает процесс и применяется в методологических целях.

Понимаемый с этих позиций принцип социальности, говорит о внутренней механике наблюдения, руководствующегося определенным

¹ Fuchs S. *Against Essentialism: A Theory Of Culture And Society*. – London, 2001. – P. 104

кодом, который отличает то, что входит в систему/сеть от того, что в нее не входит. С этой точки зрения, антиэссенциалистская оптика служит не для устранения личности из социальной науки, но для разрешения противоречия между склонностью к метафизическому гипостазированию сущностей с одной стороны, и разрушительными для личности онтологическими и гносеологическими перспективами Постмодерна с другой: «Так, мы можем избежать двух противоположных, и, все же, эквивалентных эссенциалистских ошибок: предполагать, что личности это естественные виды с внутренними ментальными состояниями, или провозглашать «смерть» личности, что тоже является неудачной перспективой, поскольку «личность» продолжает участвовать во множестве процессов культуры для различных наблюдателей, включая обществоведов, когда они осуществляют научное наблюдение»¹. Встает вопрос: что же именно подлежит наблюдению для того, чтобы наблюдатель мог сделать вывод о наличии или отсутствии социальности?

Наблюдению с целью установления наличия или отсутствия социальности подлежит коммуникация, как процесс, являющийся ключевым для осуществления социальности на всех уровнях изучения. Наиболее перспективной теоретической моделью для дальнейшей разработки подходов к изучению специфики общества, основой которого становится сетевой принцип организации, представляется, как уже было отмечено выше, системная теория Н. Лумана. Это обусловлено целым рядом обсуждавшихся факторов, и не в последнюю очередь, тем обстоятельством, что именно системная теория может служить перспективной основой для интеграции других теоретических подходов. Как отмечает Т. Аксель: «Большинство социальных теорий, которые занимаются вопросами генезиса социального, могут быть разделены на теории норм и теории обмена. Теоретики рационального выбора (например, Джеймс Коулман) не отрицают, конечно,

¹ Fuchs S. *Against Essentialism: A Theory Of Culture And Society*. – London, 2001. – P. 99

существования норм, или того, что они незаменимы для регулирования; Также, нормативисты (Такие как Юрген Хабермас) заявляют о том, что действия, мотивированные личным интересом, занимают доминирующее положение в важном сегменте общества. Однако первые пытаются объяснить нормы с помощью обмена, а другие пытаются объяснить обмен с помощью норм, или же они пытаются изобразить одну категорию как неполноценное проявление другой. Системная теория предлагает альтернативу этим альтернативам. Она пытается начать с настолько фундаментального уровня, что и обмен и нормы появляются как уже развитые формы базовой реальности, которые приспособлены к решению специфических проблем»¹.

Вместе с тем, очевидный фактор информационного общества, а именно усиливающаяся функциональная дифференциация, диктует необходимость перехода к теоретической оптике, способной фиксировать и анализировать процессы быстрой смены форм социальной реальности. В этой связи актуальным представляется следующее положение, которое высказывает Э. Пирес: «Комплексность и неопределенность, возникающая в результате ко-эволюции систем, занимает место представления о стабильной, независимой реальности. Комплексность и неопределенность также возникают в результате возникновения относительной независимости историй селекций, совершенных психическими и социальными системами. Такое описание ситуации отрицает старую традицию, которая утверждала наличие стабильной связи между личностями и Обществом, между психическими и социальными системами, между моралью и политикой, между добродетелью и законодательством. С другой стороны, также ясно, что кризис объективистского описания является результатом эволюции социальной дифференциации современного общества»². Данные соображения, дополняя

¹ Axel T. P. Organizing Husserl: On the Phenomenological Foundations of Luhmann's Systems Theory // Journal of Classical Sociology. – 2001. – №3 P. 384

² Pires E. The Epistemological Meaning of Luhmann's Critique of Classical Ontology // Systems 2013. = №1. = P.

все приведенное выше, предлагают обратить исследовательское внимание на концепцию социальной коммуникации Н. Лумана, учитывающую современную информационно-технологическую и социальную конъюнктуру.

Коммуникация, согласно Н. Луману, является системообразующим процессом для социальных систем: «...(коммуникация – С.П.) является единственной операцией, является одной и той же, и обладает возможностью присоединять следующие операции. Это та операция, которая или прекращается или продолжается как та же самая операция. Я думаю, у нас не очень много операций, из которых можно выбирать. На самом деле, коммуникация это единственный тип операции, который удовлетворяет этим условиям. Социальная система возникает тогда, когда коммуникация развивается из коммуникации»¹. Учитывая эти соображения, можно говорить о социальности как системном свойстве, которое проявляется при достижении коммуникацией определенного качества. Но для того, чтобы эта теоретическая модель отвечала требованиям анализа социальности в информационном обществе, ее необходимо дополнить.

Н. Луман, как упоминалось выше, понимает коммуникацию как «единство информации, сообщения и понимания». Это дает синхронический аспект коммуникации. Однако представляется актуальной перспектива выделения диахронического аспекта социальной коммуникации для социально-философского анализа социальности. Диахронический аспект коммуникации можно свести к тому, что коммуникация, разворачиваясь во времени, структурно представляет собой последовательность генерации сообщения, его интерпретации, и, в итоге, реакции системы/сети/узла сети на сообщение. Такая репрезентация коммуникации дает возможность соотнести три упомянутых выше компонента коммуникации с тремя аспектами системы, делающей коммуникацию возможной – имеются в виду синтаксический, семантический и прагматический аспекты языка.

¹ Luhmann N. System as Difference. // Organization. – 2006. – Volume 13. – № 1. – P. 47

Язык является одновременно и основой всякой коммуникации и тем медиатором, посредством которого макро-уровень социальности, общее, действует на микро-уровне – в сетевых узлах и связях. Как отмечает А.С. Кравец: «Любой личностный смысл, продуцируемый индивидом, собирается (как в детском конструкторе) из отдельных смысловых элементов, блоков, имеющих интерсубъективный, общезначимый характер. Эти интерсубъективные смысловые конструкты включают не только общезначимые лексемы языка, но и определенные смысловые связи (сцепки) концептов: единичное должно входить в общее, целое – состоять из частей, количество должно укладываться в определенные смысловые шкалы (возрастные, темпоральные, пространственные), следствие предполагает наличие причины и т.д. В языке эти смысловые зависимости выражаются через законы семантического согласования и синтаксической управляемости лексем»¹. В свою очередь, коммуникация, как трансляция интерсубъективных смысловых элементов, рассмотренная диахронически, воспроизводит в своей структуре три упомянутых выше аспекта языка. Причем, эта структура может быть выделена на всех уровнях коммуникации, от обмена репликами между двумя индивидами, до политической программы, идеологии или сферы международных договоренностей.

Исходя из этой теоретической конструкции, мы можем выделить три универсальных аспекта/параметра, сопрягающих, с одной стороны, структуру коммуникации (генерация, интерпретация, реакция), а с другой стороны, три аспекта языка как системы, делающей коммуникацию возможной (синтаксический, семантический и прагматический). Три этих параметра, возникающие на пересечении реальности языка и реальности коммуникации можно, воспользовавшись устоявшимися терминами, обозначить как синхронизацию, дифференциацию и иерархию

¹ Кравец А.С. Понимание смысла социальной деятельности: монография. – Воронеж, 2008. – С. 80

(упорядоченность). Следует, однако, точнее определить значения этих терминов.

Под синхронизацией имеется в виду степень соответствия процесса генерации сообщения общим правилам генерации сообщений, принятым в конкретной сети (синтаксис). Этот параметр описывает то, в какой степени та или иная коммуникация может быть признана корректной и подлежащей интерпретации.

Под дифференциацией понимается степень, в которой процесс интерпретации сообщения соответствует качественным и количественным характеристикам структуры конкретной сети (семантика). Этот параметр описывает, насколько та или иная коммуникация соответствует уровню сложности сети.

Иерархия представляет собой степень, в которой реакция на сообщение соответствует целям и приоритетам, внутреннему коду (инстанции, отличающей внешнее окружение от самой системы и оценивающей результаты наблюдения) конкретной сети (прагматика).

Три этих составляющих могут быть выделены на любом уровне коммуникации. В качестве примера можно привести уровень восприятия отдельного текста. Синхронизация (синтаксический аспект) – это грамматически правильно воспринятое сообщение. Дифференциация (семантический аспект) – это интерпретация и выводы, сделанные из этой информации. Иерархия (прагматический аспект) – это практические результаты интерпретации, реакция на текст.

Можно также рассмотреть более высокий уровень, например уровень идеологии. Синтаксис идеологии это ее идейное ядро, транслируемое массам последователей, синхронизирующее их культурное поле. Семантика идеологии это интерпретация основных теоретических положений, приводящая к дифференциации культурного пространства на участки разного смысла и ценности. Прагматика идеологии это реакция социальной силы, разделяющей данную идеологию, на окружающую реальность,

выражающаяся в конструкции оперативных иерархий, нацеленных на решение конкретных задач по приведению среды в соответствие с системой.

Данная теоретическая конструкция согласуется с предшествующей традицией, и, в то же время, выходит за ее пределы. Линия преемственности здесь идет от социально-философской модели Т. Парсонса. Описав систему действия как единство адаптации, целедостижения, интеграции и поддержания образца, Парсонс сделал существенный шаг вперед в понимании процессов социальной реальности, выразив этой схемой структурное единство органического и социально-политического уровней реальности. Затем, в теоретическом пространстве социальной мысли появляется синергетика, утвердившая (в качестве центрального принципа развития открытых систем) сменяющие друг друга стадии увеличения системного разнообразия и редукции внутренней комплексности, то есть наращивания упорядоченности. Адаптация и целедостижение парсоновской модели могут быть осмыслены как действия, направленные на увеличение разнообразия системы. Интеграция и поддержание образца – как действия, направленные на редукцию комплексности, сокращение неупорядоченности.

Предлагаемая модель, включающая три описанных выше аспекта, также может быть осмыслена в этих терминах. Иерархия и дифференциация – это измерения сети, связанные с увеличением ее разнообразия. Синхронизация – измерение, связанное с редукцией комплексности.

Другой важной особенностью данной теоретической модели социальности является положение о фрактальном характере коммуникации. Фрактал представляет собой объект, границы которого обладают бесконечной сложностью. Структура фрактала остается идентичной при масштабировании, то есть для нее характерно самоподобие. Почему возможно говорить о фрактальности коммуникации?

Во-первых, можно показать, что границы коммуникации являются бесконечно сложными. Если осмыслить конкретную коммуникацию как пространство, ограниченное некими изначальными условиями,

содержащимися в определениях терминов, то всегда можно внести в эти границы модификацию, уточнив определения. Как отмечает, анализируя структуру правовых норм, А.М. Штамф: «Как явствует из тысячелетнего опыта, относительно правил принципиально не может быть совершенного решения (резюлюции). Не может быть точной, определенной границы между всеми возможными специфическими действиями микроскопического масштаба по эту сторону того, что законно и между всеми возможными специфическими действиями по другую сторону. Через добавление новых фактов и обстоятельств мы всегда можем найти новые, неразрешенные «серые зоны», которые существуют между областями фактов, узаконенных с помощью правил. Закон это фрактал»¹. Иными словами, любое суждение, утверждающее какое-либо положение дел, может быть трансформировано с помощью бесконечного количества потенциальных модификаций субъекта или предиката. Границы любой коммуникации могут быть расширены до бесконечности и являются, таким образом, бесконечно сложными.

Также, для коммуникации верно и то, что при масштабировании ее структура остается идентичной. Описанные выше этапы генерации, интерпретации и реакции, а также единство информации, сообщения и понимания – все эти структурные компоненты характерны как для микро коммуникаций, касающихся двух собеседников, так и для макро коммуникаций, затрагивающих интересы государств и цивилизаций. Следовательно, социальность, основой которой является коммуникация, также может быть осмыслена как фрактальный феномен. Такое понимание социальности вполне согласуется со спецификой социальной реальности, основанной на сетевом принципе. Как отмечает С. Фугс: «Самоподобие в более или менее размеченной сети различий создает «культуру». Искусство или наука это сети самоподобных различий и наблюдений, хотя степени самоподобия варьируются между противоположными крайностями

¹ Stumpff A.M. The Law is a Fractal: The Attempt to Anticipate Everything // Loyola University Chicago Law Journal. – 2012. – Vol. 44 . – P. 656

фрагментации и единства»¹. Это наблюдение дает возможность открытия важной теоретической перспективы.

Здесь говорится о том, что самоподобие таких крупных областей социальной реальности как наука или какой-либо другой феномен соответствующего порядка, колеблется от «фрагментации до единства». А предшествующий тезис заключался в том, что сама структура коммуникации всегда самоподобна по определению. То есть, можно провести разграничение между фрактальностью первого порядка, относящейся к самой внутренней структуре коммуникации, и фрактальностью второго порядка, относящейся к масштабным, комплексным совокупностям коммуникаций, коммуникационным макро циклам, которые будут описаны далее. Эта «фрактальность второго порядка» представляет собой степень самоподобия масштабных коммуникаций, происходящих в сложных сетях, по отношению друг к другу. Степень такого самоподобия может варьироваться от фрагментации до единства в зависимости от того, в какой мере коммуникация между подсистемами сетей состоялась. То есть, необходимо наличие и опознавание сообщения, извлечение информации и стратегия понимания (межсетевая синхронизация, дифференциация, иерархия). Это открывает теоретическую возможность анализа процессов межсетевой и межкультурной коммуникации с точки зрения соответствия характеристик исходных коммуникаций итоговым характеристикам вмещающих эти коммуникации сетей. «Фрактальность второго порядка» можно соотнести с наблюдением второго порядка, то есть наблюдением наблюдателя за своим наблюдением. Именно такое наблюдение делает возможным научное познание, а также, является фундаментом конструктивизма: «Продолжительная и устойчивая рефлексивность наблюдателя является культурным результатом структурной децентрализации и фрагментации.

¹ Fuchs S. Against Essentialism: A Theory Of Culture And Society. – London, 2001. – P.19

Когда сеть фрагментируется или распадается, ее самонаблюдения теряют единство и внутреннее становится множественным внешним. Собственная фрагментация сети делает возможным для социологии культуры увидеть, что все культуры, включая собственную, сконструированы»¹.

С этой точки зрения, «фрактальность второго порядка» позволяет проводить социально-философские и социологические исследования того, как различные сети осуществляют свои наблюдения. Становится возможным сравнение степени самоподобия в последовательностях коммуникаций, отвечающих за наблюдение данной сети, осуществляемое по отношению к внешнему окружению, и степени самоподобия коммуникаций, отвечающих за самонаблюдение данной сети. Результаты такого сравнения могут наделить социального философа и социолога богатым теоретическим и прикладным материалом.

Конечно, здесь не стоит забывать и о том, что полное самонаблюдение теоретически невозможно: «Наблюдающая система наблюдает свою неспособность наблюдать себя полностью. Всегда есть слепое пятно, и каждое высвечивание предыдущего слепого пятна создает новое. Система признает это и, таким образом, производит парадоксальное впечатление системы, которая наконец-то наблюдает себя полностью, в качестве системы, которая не может наблюдать себя полностью»². Однако это соображение не является препятствием на пути социальной науки. Оно лишь обращает внимание на то, что у любого теоретико-методологического инструментария есть свои ограничения.

Таким образом, теоретическая модель, основные компоненты которой были описаны выше, позволяет определить социальность как системное свойство, обладающее фрактальной природой и актуализирующееся при

¹ Fuchs S. *Against Essentialism: A Theory Of Culture And Society*. – London, 2001. – P. 154

² Ibid. – P. 47

достижении синхронизацией, иерархией и дифференциацией системы/сети таких значений, при которых становится возможной самоподдерживающаяся коммуникация.

С этой точки зрения одни системы могут быть названы менее социальными, а другие более социальными, поскольку выраженность системного свойства социальности зависит от степени выраженности трех, описанных выше аспектов. Это особенно актуально для сетевых структур информационного общества, в которых степень актуализации этих аспектов является показателем производственной и коммерческой эффективности. Несоциальной, с этой точки зрения, может быть названа такая структура, в которой недостаточная выраженность одного из трех аспектов или же их взаимное рассогласование приводит к остановке самоподдерживающейся коммуникации (производства, коммерческой деятельности, творчества).

При этом основной единицей актуализации социальности может быть назван коммуникационный цикл, то есть состоящая из некоторого количества коммуникаций последовательность, призванная решить определенную задачу конкретной сети/ сетевого узла. Решение этой задачи достигается через обращение к ресурсам синхронизации, иерархии и дифференциации сети, которые в ходе коммуникационного цикла задействуются в той или иной степени. Коммуникационный цикл обладает структурой, аналогичной структуре отдельной коммуникации и выраженной в генерации необходимой для решения системной задачи информации, ее интерпретации участниками коммуникаций и последующей реакции, основанной на данной интерпретации.

Начало цикла коммуникаций это индивидуальный акт коммуникации. Конец цикла коммуникаций это акт коммуникации, представляющий реакцию высшей иерархической инстанции (ядра) данной сети. При этом на высших уровнях иерархии низшие уровни присутствуют в виде индивидуальных коммуникаций, обеспечивающих выполнение предписаний высшей инстанции. На низших уровнях присутствует высший уровень

иерархии, в виде культурного поля и контекста (кода сети), которым руководствуются участники коммуникации. Принцип социальности, таким образом, приобретает динамическое измерение, связанное с трансляцией коллективных установок на низшие уровни иерархии. В коммуникационной практике это выражается в том, что связи между узлами сети выстраиваются не хаотично, а с учетом общей логики всей сети.

Такое представление о циркуляции социальности между иерархическими уровнями, находящимися на разных фазах коммуникационных циклов, может внести вклад в решение становящейся в условиях информационного общества все более актуальной проблемы, которую поставил В. Фрике: «С одной стороны, не учитывается ее (социальной действительности – С.П.) процессуальный характер — поэтому анализу подвергаются не процессы рационализации, а их результаты и следствия. С другой стороны, как правило, не учитывается поле генезиса техники (немногие исключения лишь подтверждают правило). Это сужение предметной области тем более значимо, что промышленно организованное производство современной техники «предформирует» социальную действительность в сферах производственного и общественного применения техники, но далее возможности формирования труда и его разделения, связанные с использованием современной техники, испытывают влияние социальных условий, связей и типов поведения, предсформированных в процессе производства техники»¹.

Речь здесь идет о том, что социальная коммуникация относительно важнейших областей социальной реальности, таких как генезис и внедрение техники, не может адекватным образом осуществлять наблюдение данных областей, так как отсутствуют сетевые инстанции, располагающие инструментами для социального наблюдения генезиса техники, влияющего

¹Фрике В. Социология техники: становление гуманистической парадигмы // Социологические исследования . – 1993. – №6. – С.127

на генезис новых форм социальности. Описываемая в данном исследовании теоретическая модель позволяет анализировать развитие современной техники, формирующее социальную реальность, именно с точки зрения генезиса этой техники на разных фазах и на разных уровнях коммуникационных циклов. Становится возможным анализ того, какая именно составляющая актуализации социальности, заложенная в производство, приводит к созданию и внедрению технических решений. Примерная теоретическая плоскость такого анализа, с точки зрения социальной коммуникации, может быть обозначена следующим образом.

Недостаток синхронизации между созданием и использованием техники может вести к внедрению неконкурентоспособных и неудобных технических решений. Избыток же – приводит к ориентации на массового потребителя и снижению уровня развитости технического решения. Недостаток дифференциации в аналогичной ситуации может вести к созданию техники, недостаточно приспособленной для решения специфических задач. Избыток дифференциации может вести к растрате производственных ресурсов на изготовление необоснованно разнообразного модельного ряда. Недостаток иерархии может вести к созданию техники, возможности эффективного управления которой будут ограничены. Избыток иерархии может вести к тому же последствию, обусловленному необходимостью согласования всех избыточных иерархических инстанций.

Таким образом, рассматривая генезис техники с точки зрения актуализации тех или иных аспектов социальности, социальная коммуникация становится способной осуществлять адекватное наблюдение описанных процессов. Это наблюдение следует понимать не только как рефлексию, но и как возможность управления полем генезиса техники. С этой точки зрения, социальная коммуникация может быть осмыслена (с применением кибернетической терминологии) как управляющая полем генезиса техники система.

Управляющей является система, расположенная на верхнем уровне иерархии и обладающая большим разнообразием состояний, чем контролируемая система, расположенная на нижнем уровне иерархии и синхронизированная с высшим по отношению к ней уровнем. Система с большим разнообразием состояний способна оказывать управляющее воздействие путем введения новой информации, модулирующей состояние системы низшего уровня. Модулирующая информация принимается системой низшего уровня как руководство к действию, поскольку она наблюдает систему высшего уровня как источник достоверной информации о действительности, что и есть синхронизация на практике. В теории же синхронизация – это совпадение структуры интерпретации реальности двумя системами. При этом управляющая система имеет большее разнообразие структуры такой интерпретации, чем управляемая система.

Время прохождения информации по иерархическим уровням системы в рамках информационного общества можно осмыслить как стремящееся к нулю, поскольку информационные технологии делают возможной мгновенную передачу информации. Препятствием для этой динамики служит необходимость обработки полученной информации каждым иерархическим уровнем. В системах, основанных на сетевой архитектуре, не имеющих жесткой иерархии и выраженного управляющего центра, эта динамика приобретает новые измерения, в определенных случаях выстраивая функционирование сети по иерархической модели «центральное ядро – внешняя периферия», или же отыскивая альтернативные пути создания иерархий, необходимых для реализации своих задач.

Время, необходимое для фактической реализации проектов также сокращается за счет внедрения новых производственных технологий, обладающих большей точностью, большей производительной мощностью, меньшими затратами энергии.

Поскольку синхронизация социальной коммуникации представляет собой согласование различных коммуникаций на уровне общего смысла, то

следует прояснить понятие смысла в контексте данного исследования. Как уже упоминалось, представляется перспективной разработка концепции смысла, выраженной в работах Н. Лумана. Размышляя о проблеме согласования различных трактовок смысла, он отмечает: «Вопрос в том, не является ли противопоставление управления комплексностью, с одной стороны, и смысловой интерпретации, герменевтики, текстовой ориентации, с другой, таким противопоставлением, которое возможно только при условии, что в обоих случаях имеют дело с одной и той же проблемой, которая только сформулирована по-разному, а именно проблемой принуждения к отбору. Я намеренно говорю «принуждение»: без отбора нельзя воспроизвести актуальности, осуществить что-либо, оперативно дать ход чему-либо. Но для отбора нужны критерии. О критериях можно спорить как в технической сфере, так и в области герменевтики. Поэтому данную дискуссию можно было бы обобщить, сказав следующее: смысл есть очень эффективная техника обращения с комплексностью»¹. С этой точки зрения, синхронизация как набор стратегий редукции комплексности в коммуникации – и есть социальное выражение смысла.

Ключевым здесь, как и в других областях, связанных с коммуникацией является понимание информации (общественно значимых смыслов) как средства управления. Как отмечает Н. Луман: «Системы упорядочены в виде двойной иерархии – сверху вниз и снизу вверх AGIL и LIGA. Культура, как говорит Парсонс, управляет системой «кибернетически», оказывая, при небольших энергетических затратах, влияние на социальные системы, которые, в свою очередь влияют на личностные системы, а те влияют на организм. С каждым уровнем, если двигаться сверху вниз энергетические затраты возрастают, но собственно средством управления является

¹ Луман Н. Введение в системную теорию. – Москва, 2007. – С. 245

информация. В обратной перспективе речь идет об обуславливании, т.е. об обеспечении энергетических возможностей для осуществления действия»¹.

Исходя из этих положений, а также из данных социологических исследований В. Фрике, можно сделать вывод о том, что в современной социальной реальности наблюдается тенденция к инверсии иерархических отношений между социальной коммуникацией и процессами генезиса техники. Вместо того чтобы являться по отношению к генезису техники управляющей системой, социальная коммуникация становится инструментом и объектом воздействия, используемым в интересах тех или иных технических проектов.

Таким образом, открывается новое поле социально-философского и социологического анализа современной реальности, в которой технологический фактор становится преобладающим. Важно и то, что становится возможной локализация того уровня производственной иерархии, на которой генезис техники пошел в неправильном направлении.

Описанная теоретическая модель подходит для анализа тех особенностей социальности, которые характерны для информационного общества, так как дает представление о связи производственных, технологических процессов и трех аспектов социальности, которые кладутся в основу модели.

Таким образом, результатом исследования социальной коммуникации в его теоретико-методологической составляющей является понимание коммуникации в качестве основы социальности. Коммуникация обладает потенциалом управления и, в то же время, является объектом управления. Такое представление о коммуникации делает возможным многомерный анализ социальных процессов информационного общества, доминирующим принципом организации которого является сетевой принцип.

¹ Луман Н. Введение в системную теорию. – Москва, 2007. – С. 38-39

В качестве общих выводов первой главы диссертационного исследования можно выделить следующие положения:

1. Социальность как феномен имеет продолжительную историю своего осмысления, восходящую к представлениям античной философской традиции о природе космоса. Основные пути дальнейших исследований социальности были заложены в двух магистральных тенденциях интерпретации общества представителями античной философии: общество мыслилось либо как результат действия космических сил, либо как искусственное явление, обязанное своим существованием человеческим или божественным установлениям. Дальнейшая философская рефлексия поддерживала тенденцию рассмотрения социальности как феномена двойственной природы, в той или иной форме.

2. Современная социально-философская рефлексия находится в ситуации методологической неопределенности относительно самого понятия социальности, его содержания, его онтологического статуса. Дискуссии о природе социального размывают теоретический горизонт и проблемное поле исследуемого феномена, что ведет к появлению социально-философских тенденций отрицания социальности как таковой.

3. Принцип социальности в формулировке Э.Дюркгейма, представляющий собой выражение классической теоретической социологии холистского направления, не может быть в неизменном виде применен к анализу социальности информационного общества. Требуется концептуальная трансформация, способная конституировать адекватный условиям экспансии информационных технологий в жизнь общества принцип социальности.

4. Наибольшую важность в такой концептуальной трансформации приобретают исследования социальной коммуникации, способные раскрыть внутренние процессы информационного общества и продемонстрировать новые возможности осмысления социальности. Подобные работы способны воссоздать позитивный теоретический горизонт проблемы социальности.

5. Наиболее перспективными и применимыми к решению поставленных задач исследования социальной коммуникации в условиях информационного общества, представляются достижения системной теории общества в ее версии, выдвинутой Н. Луманом. Объединение теоретических интуиций системной теории и концепции сетевого общества с их последующей модификацией, является важным теоретико-методологическим шагом в анализе трансформации социальности в информационном обществе.

6. Для адекватного социальной реальности информационного общества исследования социальности необходимо отказаться от эссенциалистской теоретической оптики, предполагающей рассмотрение социального, институтов и индивидов как особых сущностей. В этом отношении, для дальнейших исследований социальности представляется перспективной разработка проблематики сетевого подхода, предполагающего концентрацию исследовательского внимания на вопросах наблюдения и самонаблюдения сетевых инстанций.

7. Основными аспектами социальности являются синхронизация, дифференциация и иерархия. Введение этих аспектов связывает социальность со структурой коммуникации и предоставляет перспективы для интеграции социальной мысли на новом уровне, адекватном степени комплексности процессов, происходящих в информационном обществе.

8. Социальность является системным свойством коммуникации, обладающим фрактальной природой и актуализирующимся при достижении синхронизацией, иерархией и дифференциацией системы/сети таких значений, при которых становится возможной самоподдерживающаяся коммуникация.

9. Анализ процессов информационного общества, основывающийся на данной теоретической модели, предполагает рассмотрение всех социальных коммуникаций в рамках коммуникационных циклов, представляющих собой последовательные актуализации аспектов социальности, направленные на решение конкретных задач социальной коммуникации.

ГЛАВА II

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ СОЦИАЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

§1. Сущность процесса трансформации социальности с точки зрения социальной дифференциации

Для информационного общества характерна высокая подвижность и вариативность границ коммуникации, которая позволяет достичь очень высоких показателей дифференциации во всех сферах: «Все вместе – дислокация, отсутствие телесности и прозрачность сетевой коммуникации, может привести к высокой степени анонимности и текучести в социальном конструировании нас самих, а также может воплотить концепцию идентичности постмодерна»¹. При этом наиболее важным обстоятельством здесь является не деконструкция субъекта, но те возможности, которые сетевая коммуникация предоставляет для нового уровня социальной дифференциации.

В информационном обществе (которое было бы правильнее называть обществом с развитой технически опосредованной коммуникацией) не утрачивает своей актуальности связь между структурой производства и характеристиками социальной дифференциации. Как отмечает М. Кастельс: «Существует системная взаимосвязь между информационным капитализмом, капиталистическим ограничением тенденций в сфере производственных отношений и новыми отношениями распределения. Или, в двух словах, между процессами сетевого общества, неравенством и социальной эксклюзией»².

¹ Castels M. The power of identity – Oxford, 1997. – P.152

² Castells M. End of Millenium – Oxford, 2004. – P. 73

Две тенденции, характерные для современных общественно-политических процессов играют решающую роль в трансформации социальности в аспекте дифференциации. Во-первых, это очевидная тенденция возрастания степени специализации во всех сферах общества от науки до искусства, от производства материальных ценностей до политики. Во-вторых, это тенденция к глобализации (по крайней мере, в производственно-экономическом отношении), унифицирующая пространство, в котором идут процессы увеличения специализации. На пересечении этих тенденций возникает то, что М. Кастельс называет «информационализмом», информационным капитализмом, который замещает собой индустриализм: «Информационализм на самом деле создает четкое разделение между ценными и не ценными местами и территориями. Глобализация происходит селективно, включая и исключая сегменты экономик и обществ в сети информации, богатства и власти, которое характеризуют новую доминирующую систему»¹. Здесь проявляется та особенность информационного общества, которую можно обозначить как полицентризм, оборотной стороной которого является наличие множественных периферий или полупериферий (И.Валлерстайн). Центры влияния и аккумуляции ресурсов рассредоточиваются и соседствуют с областями крайнего упадка, областями частично или полностью исключенными из распределения общественного продукта. Информационное общество, таким образом, является полидифференцированным. Социальная дифференциация, воплощенная в каждом из конкретных проявлений этих динамик, имеет два аспекта, и, с этой точки зрения, можно говорить о двух видах информационного общества. Первый вид – это реализация облагороженного образа постиндустриального информационного общества, в котором воплощено все лучшее из прогнозов Д. Бэлла, Э. Тоффлера и др.

¹ Castells M. End of Millenium – Oxford, 2004. – P. 165

Информационный плюрализм, всеобщий и легкий доступ к информации, преобладание сферы услуг, децентрализация управления и рост демократических составляющих общественной сферы.

Второй вид информационного общества – периферия, по отношению к которой первый вид выступает как headquarters, администрация. Для периферии характерно не уменьшение, а увеличение индустриализации (конечно, в ее новых формах, предполагающих активное использование информационных технологий), внедрение жестких производственных стандартов (тэйлоризм), высокая механизация труда и работника, стирание границ между работой за компьютером (ассоциировавшейся ранее с управлением) и работой у станка. Главная «креативная», дизайнерская работа остается в пределах Центра, спускаясь на периферию в виде конкретных технических заданий, выполнение которых требует максимально четкого следования инструкциям. Таким образом, рост специализации в информационном обществе сознательно стимулируется доминирующими производственными системами, желающими видеть своих работников максимально соответствующими конкретным задачам. Здесь стоит вновь привести мнение, которое об этой динамике высказывает К. Кумар: «Тэйлоризм стал узловым пунктом новой технократической идеологии, которая не остановилась в рамках завода или офиса, но вышла на мировую арену. Завоевав производство, она обратила свой взор на потребление. В пределе, требуется научный менеджмент спроса, желаний, фантазий, а также их реконструкция в товарной форме»¹. То есть, второй ключевой особенностью, характерной для трансформации социальности в аспекте дифференциации в информационном обществе, является проекция сферы производства на сферу потребления.

Потребитель, являясь важным участником экономического цикла, должен потреблять именно столько, сколько требуется и именно то, на производство чего рассчитаны соответствующие промышленные линии.

¹Kumar K. From Post-industrial to Post-modern Society – Oxford, 2005. – P.58

Таким образом, с точки зрения дифференциации, происходит двоякий процесс. С одной стороны, центр и периферия жестко разделяются по инициативе центра, а с другой стороны, и в центре и на периферии имеет место проекция сферы производства на сферу потребления. В этом заключаются две принципиальные характеристики информационного общества, с точки зрения дифференциации как одного из ключевых аспектов социальности.

Третьей ключевой особенностью информационного общества в аспекте дифференциации является сетевой паттерн социальности: «...технологии цифровой коммуникации являются совершенным инструментом того что Wellman (2001) обозначил как «сетевой индивидуализм» – социальности основанной на высоко динамичных, пространственно рассредоточенных, вложенных друг в друга сетях социальных связей, сконструированных через индивидуальный выбор и обслуживающихся коммуникацией»¹. Следствием такого положения является особая структура «ткани социальности», предполагающая значительно больший динамизм в дифференциации, который не был характерен для предшествующих социальных систем. Коллективы, рабочие группы и различные сообщества, благодаря сетевому паттерну социальности, возникают со значительно большей легкостью и скоростью. Становится возможным быстрое создание группы, ориентированной на решение конкретной задачи, то есть имеющей в качестве причины своего существования единственную цель, выполнение которой может означать прекращение существования данной группы или ее переход на новый качественный уровень. Функциональная дифференциация (как инструмент и ресурс) становится доступной для всех участников крупной сетевой структуры. Являться узлом сети – значит иметь доступ к ресурсам всей сети. Спорадическая функциональная дифференциация может быть запущена в разных участках сети разными ее узлами. Результатом таких

¹ Barney D. The Vanishing Table, or Community in a World that is No World // Topia. – 2004. – №11. – P. 55

непредсказуемых дифференциаций, инициируемых элементами сети, является масштабная трансляция социальности в область виртуального и ее активное укоренение в ней: «В противоположность мнениям многих критиков виртуального сообщества, эти социальные ресурсы легко найти с помощью Интернет, потому что этот посредник устраняет многие из конкретных трудностей, которые делают практику сообщества в реальном мире настолько сложной»¹.

Таким образом, информационное общество делает возможным новое измерение социальности, в котором социальные ресурсы дифференциации, нацеленные на решение какой-либо общественной задачи, являются в гораздо большей степени доступными отдельному человеку. Дифференциация как степень, в которой процесс интерпретации сообщения соответствует качественным и количественным характеристикам структуры конкретной сети, получает в информационном обществе мощный ресурс повышения своей эффективности. Вследствие множественности эффективно объединенных информационными технологиями инициаторов функциональных дифференциаций, усилия которых часто направлены на решение одной задачи, возрастает вероятность решения этой задачи за минимальное время. Тестирование областей реальности и сопутствующих этим областям проблем и противоречий посредством выработки значительного массива функциональных стратегий (который появляется благодаря множественности и легкости соответствующих функциональных дифференциаций) становится значительно более эффективным.

Оборотной стороной трансформации социальности в аспекте дифференциации является упоминавшаяся выше проблема постоянного роста специализации и эксплуатирующий эту динамику производственный (и

¹ Barney D. The Vanishing Table, or Community in a World that is No World // Topia. – 2004. – №11. – P. 63

потребительский) тэйлоризм. Этой магистральной динамике сопутствует несколько социальных эффектов. Процессы быстрого возникновения и распада коллективов приводят к тому, что гораздо более легким и гораздо менее энергозатратным путем является, скорее, создание временных сетевых рабочих групп и сообществ для выполнения определенной задачи, нежели поддержание и обслуживание долгосрочной социальности традиционного, «стационарного» коллектива. Ресурсный потенциал сетевых структур делает возможной «номадическую» стратегию решения стоящих перед кем-либо задач, предполагающую движение от одной ситуативной рабочей группы к другой. Становится возможным легкое создание новой рабочей группы после того, как предшествующая группа утрачивает свой потенциал, или становится обременительной.

Этот процесс приводит к падению уровня осмысления каждой конкретной проблемы, так как ее решение в рамках быстро возникающих и распадающихся сетевых сообществ, остается чисто оперативным и прикладным. Глубокое изучение и сущностное понимание различных областей реальности, возможное в рамках долговременных, накопивших методологический потенциал структур, уступает место коллективам и решениям *ad hoc*, позитивный потенциал которых может быть выделен только на большом масштабе, предполагающем создание множественных стратегий дифференциации и последующее обобщение полученного опыта. Такое обобщение, в свою очередь, возможно только в рамках более крупной и более стабильной структуры, а как раз такие структуры в рамках информационного общества демонстрируют тенденцию к дезинтеграции и замещению массивами более мелких сетевых структур, оперативно приспособляемых к решению конкретных задач. Так, в информационном пространстве Интернет крупные сайты были, по большей части, вытеснены децентрализованными социальными сетями, содержащими в себе тематические сообщества.

Также важно отметить, что новые информационные технологии вносят существенный вклад в интенсификацию процессов формирования социальной среды, а это формирование, согласно не потерявшему своей актуальности замечанию А.М. Коршунова, является основополагающей характеристикой человеческой деятельности: «В ходе творческой материально-производственной деятельности, преобразуя природную среду, люди создают и специфически социальную среду, в рамках которой реализуется эта производственная и всякая иная деятельность»¹. С точки зрения социальной дифференциации, это означает, что социальность становится в большей степени доступной для свободного конструирования с использованием сетевой архитектуры. Возникая по случаю, цепочки социальности могут быть легко переформатированы, дополнены, оборваны, соединены вновь. Такая механика социальности отличает информационное общество от традиционного общества, в котором формирование социальных институтов и механизмов представляло собой долгий процесс с множеством дополнительных аспектов, обладающий большой инерцией. Социальность традиционных обществ не начиналась на пустом месте, ей должны были предшествовать исторические, политические, экономические, культурные предпосылки, формирование которых занимало продолжительное время. Но эта социальность не могла и моментально исчезнуть, так как процессы ее дезинтеграции и распада были обусловлены изменением тех же самых факторов, реализующихся в реальном историческом времени. Факторы возникновения сетевой социальности информационного общества реализуются в виртуальном времени и не зависят (в операциональном отношении) ни от истории, ни от культуры, ни от экономики. Они зависят от текущей «коммуникационной конъюнктуры» и от стабильности поддерживающих эту социальность технических интерфейсов. В этом и преимущество, и недостаток нового режима воспроизведения социальной

¹ Коршунов А.М. Диалектика социального познания – Москва, 1988. – С. 33.

дифференциации. Обладая большой подвижностью и оперативностью, позволяющими быстро создавать функционально необходимые для решения текущих задач социальные структуры, механизм новой социальности весьма эффективен. Однако этот механизм не приспособлен для решения долгосрочных задач, требующих глубокого погружения в изучаемую область реальности, а также, он в высшей степени зависим от поддерживающих технические решения инстанций.

Немаловажную роль в режиме воспроизведения дифференциации, характерном для социальности информационного общества, играет динамика, отмеченная И.В. Красавиным: «Сеть выстраивается лишь при наличии в комбинации условий иерархических признаков. Элементы двух разных иерархий могут взаимодействовать между собой (в качестве участников) только в пределах третьей. Сеть из одной иерархии не может быть переведена в пространство другой иерархии или установить с ней равные отношения. Поэтому любые упорядоченные отношения отличаются консервативностью, а их участники пассивны в отношениях с участниками других иерархий. При попытке прямого взаимодействия между иерархиями они не стыкуются напрямую, заимствуя содержания друг друга, а создают промежуточные иерархии, с локализованными содержаниями. Таким образом, в процессе дифференциации размножаются иерархии, а сети — инструмент размножения упорядоченных структур»¹.

Подобные «промежуточные иерархии», создаваемые в процессе взаимодействия и дифференциации сетей, являются теми звеньями цепочек социальности, которые могут вести себя разнообразными способами. Они могут исчезнуть по прекращению взаимодействия сетей. Они также могут стать самостоятельными сетевыми структурами. Или же, что является характерной для информационного общества чертой, места людей в этих цепочках социальности могут быть заняты машинами, способными взять на

¹ Красавин И. В. Концепция дифференциальной социальности // Известия Уральского государственного университета. – 2011. – № 2(91). – С. 28

себя функции по обслуживанию тех или иных потребностей. Так, взаимодействие библиотеки и ее читателей или банка и его клиентов осуществляется не напрямую, а через промежуточные иерархии библиотечарских или банковских работников. При изменении в структуре какой-либо из взаимодействующих сторон (переезд, расширение, сокращение штата, сокращение клиентской базы, усиление конкуренции) происходят изменения в промежуточной иерархии. Ее части могут просто исчезнуть, т.е. работники могут быть уволены, они могут создать самостоятельное предприятие или книжный клуб, или же их места в цепочках социальности могут быть заняты машинами (терминал, банкомат, электронный каталог и т.п.) Последний процесс ведет к созданию огромных информационных ландшафтов, образовавшихся в результате замещения традиционной социальности ее машинным вариантом. Эти информационные ландшафты являются продуктами трансформации социальности информационного общества в аспекте дифференциации и представляют собой огромные области разнородных данных, в которых отсутствуют какие-либо проводники и ориентиры, кроме магистральных ориентиров, проложенных конкретным интерфейсом, предоставляющим доступ к этим областям. Так, при работе с электронным каталогом или терминалом банковского обслуживания у человека имеется ограниченное количество возможностей взаимодействия с этим информационным полем, предоставляемых архитектурой того или иного технического решения. Выход за их пределы не предусмотрен.

Такое положение вещей является приемлемым, когда речь идет о решении типовых задач, не требующих глубокого изучения или переосмысления основ. Это именно те задачи, на решение которых направлены спорадически дифференцирующиеся из общей ткани социальности сетевые рабочие группы. Но когда необходимо решить комплексную задачу, включающую в себя пересмотр базовых установок в той или иной области, здесь уже нельзя обойтись без специалистов,

способных провести по безлюдным информационным ландшафтам. Чаще всего, в информационном обществе эту роль берут на себя IT-специалисты, способные модифицировать то или иное техническое решение для того, чтобы оно соответствовало решаемым задачам.

Казалось бы, это вполне приемлемая схема реализации социальной дифференциации в информационном обществе. Однако в ней кроется существенный недостаток. В отличие от описанных выше моментов, которые являются, скорее, «побочными эффектами» трансформации социальной реальности под эгидой информационных технологий, этот недостаток является принципиальным, поскольку создает структурную уязвимость такой социальной системы.

Речь идет о том, что передавая важные области социального в область технически опосредованной коммуникации, информационное общество подвергает риску качество и саму возможность их функционирования. Это связано с тем, что машинная социальность, осуществляющаяся в рамках заранее заданных технических решений, воплощенных в конкретных интерфейсах, по определению уступает «реальной» социальности человеческого коллектива, не связанного жестким алгоритмом реализации того или иного взаимодействия и обладающего, таким образом, большим разнообразием состояний.

Дифференциация как приспособление сетевой рабочей группы к решению типовой задачи посредством типового интерфейса, ставит себя в зависимость от инженеров и конструкторов данного интерфейса, способных решать нетиповые задачи и вносить коррективы в реализацию решения типовых задач. В условиях отстранения этих представителей технической элиты от обеспечения стабильности функционирования воплощенных в социальной реальности технических решений, осуществление социальности (уже сейчас все в большей степени возлагающееся на информационно-технологические решения) окажется под угрозой.

Эта проблема, предполагающая возможность распада социальности вследствие отказа или отстранения технической элиты от поддержания определенного уровня комплексности и целостности в реализации социальности через информационно-технологические интерфейсы, отсылает к базовой парадигме общественного договора: «Когда теоретики естественного права закладывают в основу Государства два последовательных договора: договор ассоциации (объединения) и договор подчинения – они выдают неспособность современного ума синтетически воспринять иерархическую модель группы, потребность ума разложить ее на два элемента: эгалитаристский элемент ассоциации и элемент, посредством которого эта ассоциация подчиняется личности или сущности – другими словами его неспособность исходить из ситуации, когда уже не группа, а индивид воспринимается как реальное существо, и исчезает иерархия, и вместе с ней – непосредственное наделение авторитетом проводника власти. У нас остается лишь некое собрание индивидов и формирование властного органа, стоящего над ними может быть оправдано только в том случае, если предположить общее согласие членов объединения. Этим внутренне достигается некоторая удовлетворенность, но реально подобные действия ведут к потерям, ибо в человеческих группах наличествуют предводители независимо от формальных консенсусов, ибо их структурирование является условием их существования как целостностей»¹. С этой точки зрения, в аспекте социальной дифференциации в информационном обществе возникает ситуация, когда «структурирование, являющееся условием существования как целостности», то есть структурирование, от которого зависит функционирование социальности, все в большей степени возлагается на возможности техносферы, к внутренним процессам, к генезису техники (В.Фрике) которой, большинство не имеет доступа, вверяя

¹ Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. – Дубна, 1997. – С.99

себя и свои права, связанные с осуществлением коммуникации новому коллективному «Техно-Суверену».

Что касается причин такого смещения механизмов дифференциации в информационном обществе, то, помимо всего прочего, представляется перспективной разработка представления о существовании особых режимов монополизации познания, выраженная в работе Д. Барни: «Общества с монополизмом познания ориентированным на время – как правило, древние общества, имели склонность к скромности масштаба; к локализованному вниманию; к децентрализованному личностному политическому авторитету; к персональным отношениям обмена; к религиозности; к празднествам; к традициям и обычаям как живым инструментам коллективной памяти; к отсутствию специализации; к общинности. Общества с монополиями познания ориентированными на пространство, имеют склонность к большим масштабам; к рассредоточению; к космополитическому вниманию; к централизации; к рационально-бюрократическому политическому авторитету; не к персональным, но к основанным на абстрактных денежных и товарных формах отношениям обмена; к секуляризму; к спектаклю и потреблению; специализации; к индивидуальной свободе и автономии»¹.

С этой точки зрения, представляется возможным осмыслить процессы дифференциации в информационном обществе как своеобразную акселерацию пространственно ориентированной монополизации познания, катализатором которой выступает создание виртуального пространства.

Виртуальное пространство не находится в пространстве физическом, у него нет определенного «места». Это позволяет виртуальному находиться одновременно везде. Время в таком пространстве определяется интенсивностью коммуникаций, поскольку коммуникация – это единственное, что «происходит» в этом пространстве. Наиболее же важным представляется то, что реальное и виртуальное пространство все в большей

¹ Barney D. The Vanishing Table, or Community in a World that is No World // Topia. – 2004. – №11. – P. 53

степени становятся объединенными механизмом обратной связи. Реальное, физическое время начинает соизмеряться со временем интенсивности коммуникации. Изменение виртуального пространства приводит к изменению физического (и социального) пространства. С этой точки зрения, можно говорить не о пространственно-ориентированной монополизации познания, но о пространственно-ориентированной монополизации социальности. При этом важно понимать, что эта пространственная ориентация предполагает в качестве своего ориентира именно виртуальное пространство сетевой социальности, обеспечиваемое конкретными техническими решениями и интерфейсами.

С чем же можно связать перспективу дальнейшего изучения социальности информационного общества в аспекте дифференциации? Представляется актуальной постановка проблемы дифференциации в контексте отчуждения коммуникации как фундамента социальности от самой социальности. Как отмечает Ж. Бодрийяр: «Не является ли успех коммуникации и информатизации результатом того, что социальные отношения не могут выйти за свои пределы, будучи отчужденными? За неимением этого они возрастают в процессе коммуникации, множатся во всем многообразии сетей, натываясь на их безразличие. Коммуникация предстает перед нами, как нечто наиболее социальное, это – сверхотношения, социальность, приводимая в движение техникой социального. Социальное же по своей сути есть нечто иное. Это была мечта, миф, утопия, форма, которой присущи конфликты, противоречия, страстность, во всяком случае, явление неровное и особенное. Коммуникация же, упрощая «интерфейс», ведет социальную форму к безразличию. Вот почему не существует утопии коммуникации. Утопия коммуникационного общества лишена смысла, потому что коммуникация является результатом неспособности общества преодолеть свои границы и устремиться к иным целям. Это относится и к информации: избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим.

Интерфейс подключает собеседников друг к другу, как штекер к электрической розетке. Коммуникация осуществляется путем единого мгновенного цикла, и для того, чтобы все шло хорошо, необходим темп – времени для тишины не остается»¹. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация, в которой информационные технологии, разработанные для эффективной трансляции индивидуального и общественно-значимого смысла, искажают и узурпируют саму суть коммуникации как основы социальности, способствуя «бессмысленному рассеянию информации» по поверхности общественных отношений. Дифференциация начинает осуществляться исходя не из интересов человека, но из логики технического решения, призванного поддерживать коммуникацию.

С этой точки зрения, можно предположить, что позитивной стратегией в сложившейся ситуации является приложение усилий к поддержанию того, что Н. Луман называет оперативной закрытостью системы. Аутопойесис, самовоспроизведение системы через присоединение последующей системной операции к предыдущей операции того же типа – является основой эмерджентности, то есть системного качества, несводимого к сумме составляющих. Таким образом, для того, чтобы системное качество было воплощено так, как запланировано, необходимо, чтобы в операции системы не вмешивалось внешнее окружение, система должна быть оперативно закрытой. Так, говоря о самоподдерживающемся функционировании систем, Н. Луман отмечает: «Аутопойесис – это принцип, который может быть реализован только в живых клетках, и только в форме жизни, и хотя он отображается в химических описаниях, он не может быть объяснен в своей репродуктивной автономии. Если допустить, что данная теория верна, то применительно к вопросу об эмерджентности это означает, что

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла – Москва, 2000. – С. 20-21

эмерджентность возможна только за счет абсолютного отмежевания от энергетических и материальных или биологических и психологических условий, которые на другом уровне приводят к формированию систем. Мы имеем дело с совершенным отделением, исключением проникающих воздействий, которые, если бы они появились, имели бы разрушительные последствия. Если бы мы действительно привнесли в коммуникацию состояния сознания, то это было бы крайне сложно, и почти неизбежно разрушило бы коммуникацию»¹. Иными словами, если условия осуществления системных операций вторгаются в содержание самих системных операций – это приводит к искажению и разрушению системного свойства, по крайней мере, в том виде, в каком оно изначально предполагалось.

Именно такая угроза становится актуальной для социальности информационного общества. Технически опосредованная коммуникация, являющаяся основой для возникновения социальности как системного свойства, через предоставление инфраструктуры и контроль коммуникации вторгается в сам социальный процесс. Коммуникация отчуждается от социальности, частично переходя на сторону интересов «информационализма» (М. Кастельс), на сторону интересов определенного способа производства, предполагающего проекцию производственной сферы на сферу потребления.

При этом социальность в качестве самоподдерживающейся коммуникации может быть зафиксирована и в таком, отчужденном состоянии. С этой точки зрения нельзя согласиться с Ж. Бодрийяром, усматривающим в социальности нечто утопическое, нечто общинное, связанное с идеями просвещения и гражданской ответственностью. Перспектива выбора состоит здесь в том, будет ли социальность аутентичной коммуникацией индивидов, исходящей из интересов самой

¹ Луман Н. Введение в системную теорию. – Москва, 2007. – С.272-273

социальной системы, или же технически опосредованная коммуникация, подчиненная посторонним инструментальным интересам, будет диктовать условия осуществлению социальности, в том числе и в аспекте социальной дифференциации.

Таким образом, актуальной задачей социальной философии становится выработка таких теоретико-методологических и практических подходов, которые обеспечили бы независимость процессов социальной дифференциации от негативных влияний внешнего окружения, использующих в качестве своего медиатора технически опосредованную коммуникацию.

Подводя промежуточные итоги данного параграфа диссертационного исследования, можно констатировать следующее:

1. Ключевыми для понимания процессов трансформации социальности характеристиками информационного общества являются: разделение на центры планирования и производственные периферии, проекция сферы производства на сферу потребления, а также сетевой паттерн социальности, реализующийся с помощью технически опосредованной коммуникации.

2. Все большее значение для процессов социальной дифференциации приобретают технические решения, внедряемые в социальную реальность и берущие на себя те или иные функции, осуществлявшиеся ранее без участия машины.

3. Процессы функциональной дифференциации в информационном обществе становятся зависимыми от возможностей тех интерфейсов и сетей, в которых реализуется социальная коммуникация. Это приводит к преобладанию такого типа дифференциации, который направлен на быстрое создание рабочих групп, способных решить ту или иную задачу и прекратить свое существование, что вносит существенный вклад в инструментализацию социальности.

4. Роль виртуального пространства в режиме воспроизведения социальности, характерном для информационного общества, становится все

более значительной. Виртуальное пространство используется как проводник политических и коммерческих интересов, что приводит к проблеме отчуждения коммуникации от социальности.

5. Процесс отчуждения коммуникации от социальности является истоком представлений о «конце социального» и может быть осмыслен как нарушение оперативной закрытости в рамках модели Н.Лумана. Сущность противоречия между коммуникацией и социальностью состоит в принципиальной возможности использования системообразующей операции социальной системы (коммуникации) в целях модификации самой социальности.

§2. Социальная синхронизация как магистральная динамика информационного общества

Социальная синхронизация является наиболее существенной составляющей процессов трансформации социальности информационного общества, поскольку в фокусе технологий, конституирующих информационное общество, находится проблема согласования (синхронизации) переданной и принятой информации. Причем, как отмечает А.Д. Чандлер, предпосылки такого положения вещей, при котором вопросы передачи информации в масштабах общества стали основополагающими, начали формироваться задолго до возникновения самой концепции информационного общества: «...предыстория современной Информационной эпохи опережает изобретение компьютера на полтора столетия, и, фактически, превосходит по возрасту Соединенные штаты. Вопросы, связанные с информацией всегда отчетливым образом фигурировали в американской жизни. Они стали актуальными в 1760-х годах с появлением организованной оппозиции Короне, и вышли на первый план в 1790-х годах с расширением почтовой сети»¹. Стремление к большей степени социальной синхронизации имплицитно содержится во всех крупных общественных начинаниях, так как оно отвечает интересам уменьшения неупорядоченности внутри социальных целостностей любого уровня и масштаба.

Ключевой характер социальной синхронизации для социогенеза как такового становится очевидным, если рассматривать социальное пространство как пространство обмена смыслами, происходящего в результате социальной коммуникации. Как отмечает А.С. Кравец: «Не теоретизируя пространно, можно сказать, что социум есть постоянно возобновляющаяся и обогащающаяся система обмена деятельностью между

¹ Chandler A. D. A Nation Transformed by Information. – New York, 2000. – P. 103

людьми, социальными субъектами. Но всякая социальная деятельность основана на смысле. Следовательно, социум есть некоторый конкретно-исторический способ обмена деятельностями и смыслами между людьми. Из всех способов обмена в обществе (барана на зерно, шкуры на вино, товара на деньги) обмен смыслами является наиболее древним и универсальным. Общество, как и общественный человек, может появиться только тогда, когда появляется эта особая смысловая интерактивная форма связи индивида с обществом, с другими людьми, которая отличает социальную связь от всех других видов коллективных связей в животных сообществах»¹. Очевидно, что эффективная деятельность по обмену смыслами между членами общества может осуществляться только при наличии определенных посредников в виде языка как символической системы и коммуникационных технологий как инструментов интенсификации коммуникации. Эти два важнейших фактора коммуникации и формируют основы социальной синхронизации.

При этом эксплицитная динамика формирования нового режима социальной синхронизации неразрывно связана с характерным для западной цивилизации масштабным социальным процессом, на который указывает К. Кумар: «Идея информационного общества развивалась на протяжении того периода, когда широкомасштабной динамикой стал упадок жизненности общественной сферы. Членство в добровольных общественных организациях сократилось; уменьшилось участие в местной и национальной политике. Во всех западных обществах появляется искренний цинизм и отчуждение от общественной жизни. <...> Публичная сфера была колонизирована коммерческими массмедиа и политическими технологиями. Это процесс, который, предположительно, продолжается и на протяжении большей части нашей эпохи»². Таким образом, появление новых модусов социальной синхронизации, предоставляемых структурами информационного общества,

¹ Кравец А.С. Понимание смысла социальной деятельности : монография. – Воронеж, 2008. – С. 97

² Kumar K. From Post-industrial to Post-modern Society. – Oxford, 2005. – P. 179

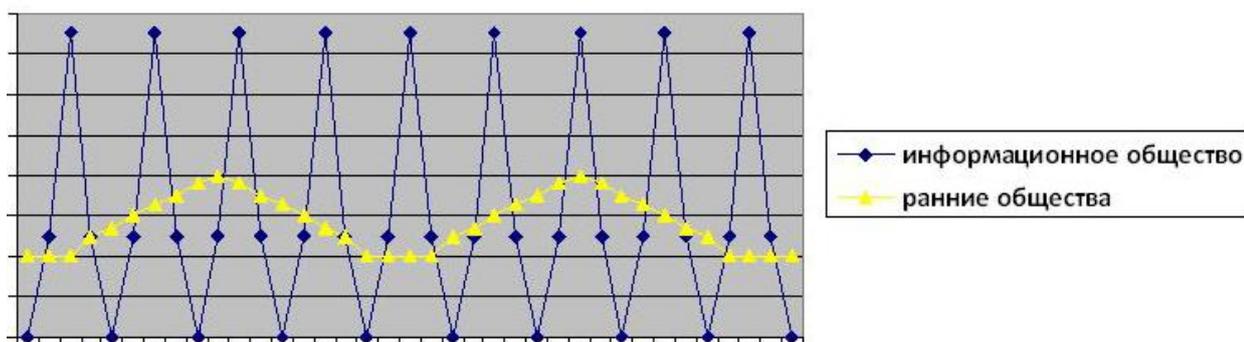
вносит свой вклад в решение этой проблемы. Переходя в информационное сетевое пространство, общественная жизнь становится более доступной, чем традиционные практики общественных объединений. Доступность отдельных индивидов и целых коллективов возрастает. Эта доступность возрастает сразу в двух аспектах. В пространственном аспекте до глобальных масштабов расширяются возможности технически опосредованной коммуникации, связывающие индивидов по всему земному шару многочисленными и многоуровневыми сетевыми связями. Доступность возрастает также и во временном аспекте.

Во-первых, время необходимое для осуществления отдельной коммуникации сокращается практически до нуля. Становится возможным общение в реальном времени с участниками коммуникации находящимися на любом удалении, при условии, что между участниками коммуникации существует промежуточное звено (интерфейс), обеспечиваемое информационными технологиями.

Во-вторых, доступность во времени возрастает из-за того, что участники коммуникации могут практически все время находиться онлайн, так как постоянное присутствие возле «коммуникационных терминалов» с распространением мобильных устройств становится необязательным. Как отмечают в этой связи А. Ауриджи, и Ф. Де Чиндио: «Исследование распространенности мобильных телефонов в Корее, проведенное Хисанг Ли, говорит о том, что существование в публичной или частной сферах может также зависеть, скорее, от возможности подключения к этим сферам через включенный телефон, чем от физического присутствия. Подключение и отключение – и желание быть подключенным или отключенным – становятся важными аспектами нашей способности населять пространство и определяют качество этого состояния»¹.

¹ Aurigi A. De Cindio F. Augmented urban spaces : articulating the physical and electronic city. – Hampshire, 2008. – P. 6

Эти факторы весьма существенно обуславливают увеличение потенциала социальной синхронизации в информационном обществе. Они же приводят к тому, что структура коммуникационных циклов информационного общества, характеризующих специфический для этого общества режим воспроизведения социальности, трансформируется. Интенсивность коммуникации возрастает, число коммуникационных циклов в единицу времени может быть несравнимо большим, чем это могли позволить коммуникационные технологии предшествующих эпох. Общую картину трансформации коммуникационных циклов в информационном обществе можно представить с помощью графика:

Где по горизонтальной оси отсчитывается время, а по вертикальной — степень актуализации трех аспектов социальности, которая связана с количеством коммуникационных циклов. При этом, -микро циклы, то есть отдельные коммуникации, при увеличении масштаба составляют -макро циклы, образующие синусоиды разной частоты и амплитуды. Макро циклы, как раз и характеризуют режим воспроизведения социальности, характерный для того или иного общества. Специфика макро цикла заключается в том, что в его начале все три аспекта социальности (дифференциация, иерархия, синхронизация) находятся на минимальном (не нулевом) уровне. Это ситуация начала решения какой-либо общественной задачи. Но затем, с ходом времени, аспекты начинают актуализироваться, то есть выстраиваются необходимые иерархии, достигается нужная степень синхронизации между участниками коммуникации, происходят функционально необходимые дифференциации. Вместе с этим, с учетом увеличившихся возможностей

социальной инфраструктуры, возрастает количество коммуникационных циклов, направленных на решение конкретной задачи. После того как задача решена, значение актуализации аспектов социальности падает, количество коммуникационных циклов уменьшается до своего исходного уровня, закрепленного в структуре социальной системы, находящейся в состоянии покоя. Происходят только те коммуникации, которые обслуживают существование системы во времени. С появлением новой общественно-значимой задачи макро цикл актуализации социальности повторяется.

С этой точки зрения, становится понятным, почему теоретики конца социальности (Ж. Бодрийар, Ф. Гиренек) констатируют крах социального пространства. Структура макро циклов социальности в информационном обществе такова, что со стороны она действительно производит впечатление постоянного распада и, в итоге, отсутствия социальности как длящегося феномена. В отличие от традиционных обществ, основанных на сильных, имеющих прочное основание и скрепленных традицией иерархических структурах, информационное общество, на первый взгляд, представляет собой хаос сложно переплетенных между собой коммуникационных сетей. Единый иерархический центр в таких сетях чаще всего отсутствует или не является настолько ярко выраженным, как это было в традиционных обществах. Следовательно, начальный, фоновый уровень актуализации аспектов социальности в традиционных обществах будет по определению выше (что показано на графике), так как традиция и ритуализация многих социальных практик служат поддержанию социальности на определенном уровне. В информационном обществе, для которого характерна более высокая скорость образования и распада сетевых структур, направленных на решение конкретных задач, уровень актуализации аспектов социальности между макро циклами может падать почти до нуля. Социальность возникает спорадически на тех участках сетей, где в ней есть необходимость. Социальность приобретает более инструментальный, стратегический характер и функциональную направленность. Будучи осмысленной в своей

сущности как инструмент, социальность начинает совершенствоваться (и эксплуатироваться) в этом качестве.

Средством такого совершенствования выступают информационные технологии, с помощью которых становится возможным достижение большей степени социальной синхронизации, и соответственно, большей степени актуализации аспектов социальности в целом (что показано на графике более высокими пиковыми значениями коммуникационных циклов информационного общества). На пиках данных циклов значения актуализации аспектов социальности становятся наибольшими. Исходя из этого, можно констатировать, что как инструмент решения конкретных задач социальность информационного общества более эффективна, чем предшествующие режимы воспроизведения социальности. Но стороннему наблюдателю действительно кажется, что социальность исчезает, так как она концентрируется на пиках коммуникационных циклов информационного общества, быстро сменяющих друг друга.

Высокий фоновый уровень социальности, обеспечивавшийся ранее традицией и ритуализацией, в информационном обществе не поддерживается. Можно говорить о том, что социальность традиционных обществ обладала большей инерцией, ее было трудно актуализировать, вследствие многочисленных системно-иерархических препятствий, но ее было также трудно прекратить, вследствие активности традиции. Социальность информационного общества практически лишена какой бы то ни было инерции. При посредстве информационных технологий, объединяющих участников коммуникации в сетевые структуры, коммуникационные циклы могут быть легко инициированы и легко остановлены. С этой точки зрения становится более ясным следующее замечание Ж. Бодрийара: «Поскольку социальное, по-видимому, сложено из абстрактных инстанций, возникающих одна за другой на развалинах предшествующих символических и ритуальных обществ, эти институции его – шаг за шагом – производят. Но они работают именно на нее –

ненасытную абстракцию, питающуюся, возможно, «самой сутью» социального. И в этом плане по мере развития своих институций социальное не укрепляется, а регрессирует».¹ Социальное действительно регрессирует в том смысле, что его фоновый уровень, проявлявшийся ранее и создававший представление о целостном социуме, снижается и становится почти неразличимым.

Однако новый режим воспроизведения социальности сложен не из «абстрактных инстанций», а из конкретных сетевых структур, с высокой степенью эффективности актуализирующих аспекты социальности в своих стратегиях наблюдения внешнего, по отношению к этим структурам, мира. Следовательно, «конец социального» можно осмыслить как трансформацию социальности из деонтологических, абстрактных коллективных представлений в эмерджентное, системное свойство коммуникации, актуализирующееся в рамках технологически опосредованных сетевых структур.

Остается не до конца проясненной специфика носителей социальности в ее привычном понимании. Можем ли мы говорить о действительно устойчивом режиме воспроизведения социальности? Здесь встает закономерно поставленный Ж. Бодрийаром вопрос: «Перспективному пространству социального приходит конец. Рациональная социальность договора, социальность диалектическая (распространяющаяся на государство и гражданское общество, публичное и частное, социальное и индивидуальное) уступает место социальности контакта, множества временных связей, в которые вступают миллионы молекулярных образований и частиц, удерживаемых вместе зоной неустойчивой гравитации и намагничиваемых и электризуемых пронизывающим их непрекращающимся движением. Но можно ли в данном случае по-

¹ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург. 2000. – С. 73

прежнему говорить о социуме?»¹ Представляется, что в эпоху активного развития и внедрения информационных технологий в социальную реальность, действительно нельзя больше говорить о социуме как единой социальной реальности. Но невозможно говорить и о реальности тотальной дисперсии. Вместо этого следует вести речь о социумах, как множественных реальностях, имеющих во все большем числе случаев сетевую структуру. Социальность здесь является инструментом наращивания системного/сетевого разнообразия и сокращения энтропии. Постоянно повышающийся потенциал социальной синхронизации, обеспечиваемый совершенствованием коммуникационных технологий, позволяет этим социумам поддерживать степень актуализации аспектов социальности на достаточном для упорядоченной общественной жизни уровне.

Таким образом, социальная синхронизация информационного общества представляет собой феномен двоякой природы. С одной стороны, она увеличивает общий потенциал эффективного социального взаимодействия, предоставляя инструменты для преодоления пространственных и временных ограничений коммуникации. С другой стороны, синхронизация стимулирует возникновение таких носителей социальности, которые более не заинтересованы в практике долгосрочной традиционной социальности иерархических структур. Для таких носителей социальности более приемлемыми являются «номадические» стратегии действия в социальном пространстве. Это приводит к упадку и постепенному исчезновению «большого социума». На первый план выдвигаются множественные социумы сетевых структур.

Эта динамика трансформации социальности информационного общества в аспекте синхронизации предполагает новую степень инструментализации социального. Если раньше социальность могла пониматься как стратегический ресурс имплицитно и не систематически, и

¹ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург. 2000. – С. 91-92

общество представляло инструментом, назначение которого было в достижении и поддержании определенного качества самого этого инструмента, то в рамках информационного общества, инструментальность социальности приобретает эксплицитный и внешний характер.

Так, одним из главных результатов трансформации структуры коммуникационных циклов информационного общества является не только сокращение длительности каждого отдельного цикла, но также процессы упрощения и стандартизации структуры коммуникационных циклов как таковых. Эту динамику можно легко наблюдать на примере современного сетевого (в смысле принадлежности к Интернет-пространству) общения.

До появления и широкого распространения социальных сетей как доминирующего инструмента коммуникации, сетевое общение реализовывалось через электронную почту, форумы, чаты и программы-мессенджеры. Возможности общения, предоставляемые этими техническими решениями, были сведены к текстовому диалогу в реальном (кроме электронной почты) времени. Развитие коммуникационных технологий, выразившееся в улучшении каналов связи и в совершенствовании пользовательских интерфейсов, привело к расширению спектра возможностей коммуникации. Современные социальные сети предлагают еще более широкий набор коммуникационных инструментов. Фактически, сетевая коммуникация, проходящая в виртуальном пространстве, стала настолько успешной и востребованной, что само это лишенное пространственности пространство стало составлять конкуренцию реальному пространству: «Опосредованное пространство может, зачастую, быть сравнимым с такими глобальными «не-местами», как аэропорты и торговые центры. Можно предположить наличие эффекта «раз-мещения» воплощенного в цифровых технологиях, которые доставляют их пользователя «куда-то еще», то есть, на самом деле, в «не-место»,

отрицающее или соревнующееся с реальным физическим местом, в котором находится человек»¹.

Однако здесь стоит учитывать одно важное обстоятельство. Все вышеперечисленные возможности сетевой коммуникации реализуются только в рамках заранее определенных, технически обусловленных процедур, протоколов и алгоритмов. Переформатирование внутренней структуры коммуникационных посредников рядовым пользователем не допускается, или допускается в определенных пределах, также заданных конкретным техническим решением. Это ведет к стандартизации коммуникационных циклов. Их структура становится отражением структуры тех информационных технологий, через которые реализуется сетевая коммуникация.

Такая стандартизация коммуникационных циклов ведет к постепенной типизации, гомогенизации основной массы коммуникаций, что делает возможной ее механизацию. Это новый вид социальной синхронизации, при котором человеческое сознание синхронизируется с машинными алгоритмами, выступающими в качестве полноценного участника такой коммуникации. Наглядным примером таких процессов является появление в пространстве сетевой коммуникации многочисленных «ботов», программ, задачей которых является имитация диалога с человеком. В большинстве случаев такие программы легко опознаются и исключаются из коммуникации. Однако развитие исследований в области искусственного интеллекта способно обеспечить успешное прохождение такими программами теста Тьюринга, предполагающего невозможность отличить диалог с машиной от диалога с человеком. С этой точки зрения, стандартизация и упрощение коммуникационных циклов в рамках информационного общества существенно облегчают синхронизацию

¹ Aurigi A. De Cindio F. *Augmented urban spaces : articulating the physical and electronic city.* – Hampshire, 2008. – P.6

машины и человека в качестве участников практически равноправной коммуникации, трансформируя социальность в соответствующем направлении.

Возрастающий инструментальный характер социальности информационного общества в аспекте социальной синхронизации может быть проиллюстрирован на примере получивших в сетевом пространстве широкое распространение техник быстрой конструкции социальности, возникающей, в довольно точном смысле выражения, на пустом месте. Среди таких техник можно выделить флэшмоб и псевдо-дискуссию.

Суть флэшмоба состоит в том, что в сетевом пространстве, на важных информационных узлах, обладающих большим количеством сетевых связей, размещается некая управляющая информация, предлагающая или предписывающая участникам коммуникации совершить те или иные действия в определенное время (или на протяжении определенного времени) в определенном пространстве, реальном или виртуальном. Некоторый процент участников коммуникации реагирует на эту информацию, принимает участие в событии. Участники флэшмоба могут действовать организовано и скоординировано, даже не зная друг друга. Таким образом, возникает инструментальная, оперативная социальность в виде самоподдерживающейся коммуникации между совершенно разрозненными до этого момента членами общества. При минимальных энергетических затратах становится возможным создание высокоэффективных рабочих групп для решения конкретных задач. С этой точки зрения виртуальность становится инструментом управления процессами реальности.

Суть псевдо-дискуссии, как другой техники конструкции инструментальной социальности заключается в том, что общественный интерес или деятельность в каком-либо направлении могут быть инициированы посредством симуляции социальности. К примеру, если на определенном рынке наблюдается недостаток интереса к определенному виду продукции, в сетевом пространстве (форумы, социальные сети и т.п.)

могут появиться участники коммуникации, активно интересующиеся данным видом продукции и являющиеся агентами коммерческой структуры, заинтересованной в повышении интереса к своему товару. Спрашивая совета, делясь рекомендациями и впечатлениями, вступая друг с другом в споры, эти участники коммуникации постепенно создают информационный фон, достаточный для того, чтобы в данную коммуникацию начали вступать реальные участники, привлеченные количеством упоминаний этой темы на новостных сайтах, в новостных лентах и в рейтингах поисковых систем. В какой-то момент процесс коммуникации выходит на качественно иной уровень, когда основными участниками становятся уже просто заинтересованные люди, привлечение и включение которых в эту самоподдерживающуюся коммуникацию и было целью псевдо-дискуссии. Агенты коммерческой структуры теперь выступают лишь в качестве корректировщиков данной коммуникации, направляя ее в то или иное русло через ввод новой управляющей информации. Применение данных техник облегчается заранее выстроенными коммуникационными интерфейсами, стандартизирующими коммуникационные циклы.

Такие процессы трансформации социальности информационного общества становятся возможными в силу определенного обстоятельства. Машина достигает успехов в социальной коммуникации и в замещении мест в цепочках социальности не за счет ее приспособления к человеческой реальности. Дело обстоит противоположным образом: человеческая реальность коммуникации через посредство информационных технологий приспособливается к реальности машины. Происходит машинизация коммуникативного субъекта. Потенциальное негативное влияние этой динамики связано с тем, что сетевые интерфейсы информационного общества вторгаются в процесс формирования общественно значимых смыслов. Как отмечает А.С. Кравец: «Конечно, личностные смыслы существуют, и они могут стимулироваться глубокими личностными переживаниями. Эти смыслы могут отличаться глубокой индивидуальностью,

неповторимостью, в своей экспликации, своей развернутостью и богатством содержания, как например, мой смысл пережитой войны, разлуки с любимым человеком, смерти близкого мне друга и т.д. И все же эти экспликации состоят из общезначимых смысловых опор (концептов). Эти личностные смысловые образования можно сравнить с плетением кружев, которые неповторимы в рукодельном творчестве того или иного мастера, но обязательно включают нити и узлы. Концепты, из которых строятся смыслы, можно сравнить с узлами в кружевах, а скрепляющие их нити – с общезначимыми законами образования смысла (смысловыми согласованиями)¹. С этой точки зрения, можно говорить о том, что машина вторгается в оба принципиальных пункта общества, основанного на сетевом принципе. Сетевые узлы, как инстанции, генерирующие общезначимые смыслы, в рамках информационного общества становятся все более зависимыми от технических интерфейсов (нитей), обеспечивающих коммуникацию. Сами же эти нити могут быть использованы для трансформации законов образования смысла в рамках тех или иных сетевых инстанций.

Доминирование в информационном обществе сетевого паттерна социализации приводит к появлению того, что М. Ганди описывает как «распределенное познание»: «...новые формы «распределенного познания» создают более интегрированную, чем индивидуализированную систему чувственного восприятия, которая напрямую подвергает испытанию траекторию современного сознания и опыта»². «Распределенное познание» можно понимать как прямое выражение «дивидизации индивидуума» (см. выше), трансформации человеческой субъективности, ее фрагментации. Один фрагмент субъекта как участника определенного сетевого сообщества

¹ Кравец А.С. Понимание смысла социальной деятельности : монография. – Воронеж, 2008. – С.82

² Gandy M. Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research 2005.- Volume 29.1. – P.33

локализован в информационной структуре одного сообщества, другой фрагмент локализован в структуре другого сообщества, и т.д. И речь здесь идет не о социальных ролях, которые не противоречат сохранению целостности субъективности. Речь идет о том, что в структуру субъективности, в структуру принятия человеком решений встраиваются разнообразные интерфейсы. Для того чтобы осуществить себя в качестве субъекта, человеку требуется согласовать свои действия с определенными инстанциями машинной социальности, требуется доверить исполнение своей воли машинам (ближайший пример - поисковые системы), требуется консультироваться с машинами по разнообразным вопросам и основывать свои суждения на машинной экспертной оценке. Все эти аспекты фрагментируют человеческую субъективность и распределяют ее фрагменты по различным сетевым инстанциям. Эта динамика вносит свои коррективы в фундаментальные гносеологические процессы: «Возрастающее значение нечеловеческого принятия решений отмечает радикальное технологическое вторжение в те сферы человеческого познания, которые стремились отстоять франкфуртская школа и хайдеггерианская философская традиция. С появлением распределенного познания, пространство города не только стало частью человеческого тела, но также начало влиять на сам процесс мысли»¹.

Последнее процитированное положение говорит о том, что этот процесс затрагивает не только гносеологическую плоскость. Важной динамикой здесь является и процесс интеграции субъекта и пространства современного города, которое является материальным выражением трансформации социальности информационного общества. Как отмечает М.Ганди: «Стирание границ между телом и городом создает сложности в отношении нашего понимания человеческого субъекта и меняющихся характеристик человеческой деятельности. Расширенная концепция

¹ Gandy M. Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research 2005. – Volume 29. – №1. – P. 34

человеческой деятельности могла бы, например, включать роль биофизических процессов и социокультурных технологических систем, которые воздействуют на производство пространства»¹.

Социальная синхронизация информационного общества достигает успехов в деле согласования сетевых коммуникаций в силу того, что сами эти коммуникации оказываются жестко вписанными в заранее заданные структуры и отформатированными в соответствии с их требованиями. Главной характеристикой процессов социальной синхронизации становится курс на широкомасштабную интеграцию технологической и человеческой реальностей. Различные векторы синхронизации, ведущей составляющей которых является развитие технологически опосредованной коммуникации, ведут к новому уровню интеграции, в отношении которого принято употреблять термин «киборг»: «Появление компьютеров и последующее накопление неисчислимых данных привело к появлению новой системы памяти и мысли. Пересечения реальности киборга и реальности городского пространства размывают грань между «живым» и «неживым» через автономные и самоорганизующиеся характеристики технических сетей. Мы сталкиваемся с напряженностью между технофильскими интерпретациями возникающей связи между телом и технологией с одной стороны, и более скептическими и критическими позициями, которые подвергают сомнению социальные и политические последствия возрастающей роли технологических сетей в повседневной жизни»². Излагаемая в данном исследовании интерпретация описанных выше интеграционных процессов не является технофильской, но утверждает безусловную значимость и активное воздействие последствий описываемых процессов на структуру социальной реальности.

¹ Gandy M. Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research. – 2005. – Volume 29.1. – P.33

² Bridge G. Watson S. Landscape and Infrastructure in the Late - Modern Metropolis: The New Blackwell Companion to the City. – Oxford, 2011. – P. 59

В связи с этим, в вопросах социальной синхронизации на первый план выходят процессы «био-политики» (М.Фуко, Д. Агамбен), предполагающие включение частной жизни и биологической жизни в сферу внимания политических инстанций. Ключевой точкой, в которой сходятся эти интенции, является связь между физическим телом и городской инфраструктурой информационного общества: «Развитие сетевого города означает одну из ключевых технологических медиаций городского пространства; появление динамики, которая соединяет человеческое тело и город, и, в то же время, реорганизует различие между личной и общественной сферами»¹. Различие между личной и общественной сферами действительно тотально реорганизуется, поскольку личное, благодаря социальным сетям, как никогда становится интегрированным в общественное, понимаемое не как традиционная общинность, но как совокупность сетевых пространств. Такие пространства, являясь, по сути, весьма свободными, иерархически не централизованными, всецело обязаны своим существованием предоставляемым интерфейсам. Соответственно, сила, контролирующая генезис этих интерфейсов, их структурные особенности и связанные с ними практики, обретает контроль над функционированием сетевых структур.

Таким образом, био-политика получает новый носитель – информационные технологии, которые также являются эффективным инструментом «менеджмента» социальности: «Био-политика, таким образом, может быть охарактеризована как постепенная колонизация или «политизация» «голой жизни» существенно увеличившей свою сложность совокупностью институциональных структур и отношений, которые находят

¹ Bridge G. Watson S. Landscape and Infrastructure in the Late - Modern Metropolis The New Blackwell Companion to the City. – Oxford, 2011. – P. 59

свое аксиоматическое выражение в «законе» и в различных манифестациях «суверенной власти»¹.

Таким образом, тело становится объектом колонизации, интеграции, политизации. Находясь в фокусе информационных технологий, тело становится информационной, символической реальностью, а точнее интерпретируется социальностью информационного общества именно так: «Если мы хотим понять смысл современного города и его постиндустриальных, модернистских и постмодернистских трансформаций – нам необходимо заняться телом как местом материального взаимодействия с физическим пространством города, и как символическим полем, в котором разыгрываются различные аспекты легитимации современных обществ»². Имплицитная опасность такого поворота процессов социальной синхронизации состоит в том, что использование различными силами возросшего потенциала современных информационных технологий может приводить к масштабным деформациям коммуникации и социальной реальности. Интеграция большей части общества в сетевое информационное пространство делает запуск социально-инструментальных проектов посредством трансформации информационных потоков виртуального пространства значительно более легким. Концу социального, представлявшемуся Ж. Бодрийару в виде угасания гражданского сознания, в виде смерти, которую социальное находит в феномене массы, противопоставлено активно разрабатываемая (внешними по отношению к социальной коммуникации инстанциями) и успешно реализуемая в рамках информационного общества перспектива «гальванизации» масс, встроенных

¹ Gandy M. Zones of indistinction: bio-political contestations in the urban arena // Cultural geographies. – 2006. – №13. – P. 500

² Ibid P. 497

в сетевое пространство, определенными информационными потоками. «Мертвая» социальность гальванизированных подобным образом масс оказывается эффективной для реализации определенных инструментальных задач внешних инстанций.

Это проблемное поле, возникающее перед социальной философией, исследующей информационное общество, может быть охарактеризовано и с другой теоретической позиции. Г. Бридж и С. Уатсон осмысливают складывающийся в рамках информационного общества комплекс проблем и противоречий как результат ставших возможными вследствие трансформации механизмов социальной синхронизации пересечений ландшафта (природного аспекта, куда включается и органическое тело) и инфраструктуры (как выражения развития технологий в целом). Совокупность проблем, возникающих вследствие таких пересечений, обладает комплексным характером: «Материальные и концептуальные пересечения между ландшафтом и инфраструктурой ставят ряд проблем, которые пересекают дисциплинарные границы. Неразрешенные противоречия включают статус человеческого субъекта в современном городе; необходимость навигации между реальностью индивидуального опыта и накоплением коллективной памяти; идеологическое использование природы в условиях современного процесса капиталистической урбанизации. Более того, эти темы остаются крайне политизированными: выбор специфических концептов или метафор по отношению к городскому пространству содержит в себе возможности их применения, как в отношении деятельности, так и в отношении мышления»¹.

Таким образом, ресурсы социальной синхронизации, которые предоставляет информационное общество, обладают серьезным, потенциально дестабилизирующим, а также репрессивным потенциалом по отношению к тем формам коммуникации, которые не вписываются в формат

¹ Bridge G. Watson S. Landscape and Infrastructure in the Late - Modern Metropolis: The New Blackwell Companion to the City. – Oxford, 2011. – P. 63

доминирующих сетевых структур, находящихся под контролем тех или иных сил. При этом сам процесс, на который опирается «био-политика», а именно вторжение инфраструктуры в ландшафт, является вполне объективным и обусловлен неизбежным в ходе истории совершенствованием технологий: «Био-политические процессы современного города происходят из расширяющейся связи гибридных отношений между телом, природой и городским пространством, так что структура города склоняется к киборгическому синтезу между физиологическими потребностями человеческого тела и физической инфраструктурой города»¹. Главный вопрос здесь заключается в том, будет ли такой синтез исходить из приоритета потребностей человека, или же он будет исходить из приоритета потребностей инфраструктуры. Тенденции, характерные для трансформации социальности информационного общества, описанные выше, свидетельствуют, скорее, о приоритете потребностей инфраструктуры.

Экономический аспект этой проблемы связан с тем, что в условиях проекции сферы производства на сферу потребления, сообщества людей и человек как таковой начинают совершенно открыто рассматриваться как *human resources*, то есть, либо как полезный узел механизма, либо как расходный материал. Современные коммерческие структуры наблюдают человека именно таким образом, имея в своем штате *HR manager*, специалиста по подбору и управлению человеческими ресурсами. Эти стратегии взаимодействия коммерческих структур с человеческой реальностью и представляют собой один из примеров захвата ландшафта инфраструктурой.

Здесь также необходимо принять во внимание то обстоятельство, что в ландшафт вторгается не старая индустриальная инфраструктура, что было характерно для XX века. Новый «постиндустриализм», делая акцент на сфере услуг, отменяет многие процессы, характерные для индустрии прошлого. Но,

¹ Gandy M. Zones of indistinction: bio-political contestations in the urban arena // *Cultural geographies*. – 2006. – №13. – P. 504

одновременно с этим, «постиндустриализм» включает сферу потребления и «менеджмент потребления» (см. выше) в производственный цикл, и является, по сути, гипериндустриализмом, где услуги превращаются в массово выпускаемую продукцию. А поскольку основными производителями услуг являются люди, то они, их тело, а также сознание – являются тем ландшафтом, куда вторгается новая инфраструктура. Экономические основы этих процессов довольно ясно выражены М.Ганди: «Классическое понятие единственного лица, или суверенной власти, обладающей контролем над обществом как целым, претерпело фундаментальные изменения, в том смысле, что общество все в большей степени контролирует себя через неисчислимыи сети наблюдения. Радикальное рассеивание власти ставит новые дилеммы в отношениях между телом и городом, в котором причина городской упорядоченности больше не связана с согласованными потребностями индустриального города, но, вместо этого, выражает роль городов как соревнующихся узлов глобальной экономики»¹.

Все описанные выше особенности трансформации социальности информационного общества в аспекте социальной синхронизации способствуют формированию обоснованного мнения о крайней противоречивости и большом негативном потенциале такой синхронизации относительно гуманистического аспекта культуры. Однако возможно усмотреть и позитивную перспективу социальных исследований, способную внести свой вклад в предотвращение актуализации данного негативного потенциала.

Эту перспективу можно наметить в связи с осмыслением конструктивной роли комплексности и хаоса в процессах актуализации социальности. Так, рассуждая о формах общественного сознания современного города, М.Ганди отмечает: «Мозг или «пространство мысли» города сохраняется, но рассеивается в бесчисленных узлах и сетях. <...> С

¹ Gandy M. Zones of indistinction: bio-political contestations in the urban arena // Cultural geographies. – 2006. – №13. – P. 508

этой точки зрения роль «хаоса», к примеру, приобретает совершенно другую значимость по сравнению с той установкой, которая была характерна для города эпохи модерна. Это восприятие хаоса как поля эволюционного и радикального экспериментирования. Хаос рассматривают не как аномальное измерение городского опыта, которое нужно проблематизировать или исключить из анализа, но как широкий канал социального и пространственного взаимодействия, через который мы можем воспринять альтернативы или формы городской действительности, проходившие, до этого момента, мимо нашего внимания»¹. Теория хаоса позволяет применить к анализу общественных феноменов иные подходы, нежели те, которые были распространены до этого в социальных науках. Эссенциалистские интерпретируемые концепты субъекта и коллективных представлений, более неспособны адекватно описывать реальность информационного общества. Исследования же комплексности, применительно к новой социальной реальности, могут вывести социальную науку к новой парадигме. Излагаемая концепция социальности как феномена, обладающего фрактальной природой, может послужить междисциплинарным мостом между социальной философией и исследованиями в области комплексности. В этом видится возможный позитивный итог анализа проблемы социальной синхронизации информационного общества в рамках данного исследования.

¹ Gandy M. Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research 2005. – Volume 29. – №1. – P.31

В качестве итогов данного параграфа диссертационного исследования можно выделить следующие положения:

1. Социальная синхронизация является магистральным направлением в трансформации социальности информационного общества и обеспечивается развитием и активным внедрением сетевых интерфейсов во все значимые области социальной реальности.

2. Внедрение новых коммуникационных технологий нивелирует пространственные и временные факторы социальной коммуникации и приводит к трансформации структуры коммуникационных -макро циклов, что выражается в возможности оперативной мобилизации больших сетевых ресурсов за короткое время. Быстрая актуализация аспектов социальности, обеспечиваемая потенциалом коммуникационных технологий, иллюстрирует тезис об эмерджентном и инструментальном характере социальности информационного общества.

3. Параллельно с внедрением сетевых интерфейсов имеет место процесс стандартизации коммуникационных циклов, унифицирующий их структуру и очерчивающий возможные области их актуализации. Это приводит к упрощению синхронизации социальной коммуникации с коммуникационными возможностями и стратегиями машинной социальности.

4. Процессы синхронизации человеческого и машинного измерения социальной коммуникации демонстрируют тенденцию к доминированию интересов технологически опосредованной коммуникации над гуманистическим аспектом социальности. Технологически опосредованная коммуникация влияет на генезис общественно значимых смыслов и позволяет инициировать цепочки социальности, включающие в себя большое количество индивидов, не имеющих представления о смысле деятельности, участниками которой они являются.

5. Процессы социальной синхронизации информационного общества могут быть описаны как вторжение «инфраструктуры» в «ландшафт», что является еще одной интерпретацией нарушения оперативной закрытости, в результате которого происходит отчуждение коммуникации от социальности. Эти процессы затрагивают не только социальность в целом, но и отдельный человеческий субъект, как носитель социальности. Актуализируются тенденции «распределенного познания», для которого характерно рассредоточение человеческой субъективности по различным сетевым инстанциям.

§3. Иерархическая структура социальности в информационном обществе

Социальная иерархия, рассматриваемая как степень, в которой реакция на сообщение соответствует внутреннему коду конкретной сети, может быть также осмыслена как показатель эффективности иерархической структуры. Если реакция функционально дифференцированных инстанций сети соответствует общей системной логике этой сети, то иерархия эффективна. С этой точки зрения, информационное общество, основанное преимущественно на сетевых структурах, не демонстрирует ярко выраженных иерархических инстанций. Сети, чаще всего, не имеют единого центра или имеют несколько локальных центров. Централизованные, жестко иерархические структуры прошлого встречаются в информационном обществе все реже. Причина этого вполне объективна и заключается в том, что централизованные структуры более уязвимы и менее стабильны, так как повреждение центральной управляющей инстанции ведет к отказу всей системы. Сетевые структуры могут продолжать свое функционирование даже в условиях, когда большая часть сетевых инстанций выведена из строя. Однако это не означает, что в информационном обществе пропадает иерархия. Скорее, она переходит в другое измерение социальной реальности. Социальная иерархия информационного общества, исчезая из области эксплицитной коммуникации (распоряжение-исполнение), локализуется в коде, управляющем дифференциацией функциональных инстанций и воспроизведением сетевой структуры во времени, то есть в правилах генезиса интерфейсов. Так, в социальной сети нет прямых иерархических отношений между рядовыми пользователями и администрацией. Но администрация имеет возможности управления тем, как будет осуществляться коммуникация пользователей, какими информационными возможностями они будут обладать, куда могут быть направлены

генерируемые ими информационные потоки. С этой точки зрения, такая модель управления может быть названа не внутривидовой (при которой иерархия выстраивается через коммуникации внутри конкретной популяции), а межвидовой (при которой иерархия выстраивается через структурирование представителями одной популяции жизненного пространства другой популяции без необходимости обращения к коммуникации). Аналогия с феноменами биологического порядка не случайна. Как показало предшествующее изложение, сближение органического и технического является одной из фундаментальных динамик информационного общества.

В современных исследованиях структуры информационного общества идет процесс переосмысления старых подходов. Можно констатировать теоретическое движение в сторону отхода от анализа социальной реальности через теоретическую оптику старых иерархических моделей. Как отмечает M.Gandy: «Механическая и иерархическая модель отношений между телом и городом была вытеснена более сложным и нелинейным паттерном городского развития, отвечающим развитию новых информационных технологий»¹. Более адекватной современной социальной реальности, представляется стратегия переосмысления органической метафоры на новом, задаваемом достижениями информационных технологий, теоретическом уровне.

Так, исследователи говорят о «метаболизме города»: «Город-киборг широко воспринимается как пост-метаболический город, в котором обмен информацией вытеснил материальный обмен и стал доминирующей динамикой формирования городского пространства»². С этой точки зрения, в данном исследовании нельзя обойтись без краткой характеристики нео-

¹ Gandy M. Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research 2005. – Volume 29. – №1. – P.29

² Ibid. – P. 35

органицизма как социально философского подхода, приобретающего в современных исследованиях социальной реальности все большую актуальность. Именно этот подход становится магистральным, когда мы говорим о социальности информационного общества в ее иерархическом аспекте.

Несмотря на то, что перенесение черт организма на общество имеет весьма долгую философскую историю и является одной из самых первых теоретических интуиций, способных возникнуть у исследователя, приступающего к изучению общества, теоретическая судьба органицизма в социальных науках была неоднозначной. Она разнилась от восхищения органическими аналогиями во времена Герберта Спенсера, до пренебрежительного отбрасывания органицизма в условиях доминирования марксистской теоретической парадигмы.

Современные зарубежные исследователи после структурализма, положительно смотревшего на органическую интуицию, и после постструктурализма, ее отвергавшего (или, по крайней мере, имевшего сложные и неоднозначные связи с органическим подходом), с возрастающим интересом смотрят на теоретические возможности применения социально-философского органицизма.

Если говорить об исторических истоках теоретических интуиций органицизма, то можно указать на совершенно определенный временной промежуток, на котором фиксируется всплеск интереса к органическому, послуживший началом для последующих исследований. Как отмечает А.В. Белов: «В 18–19 вв. европейскую мысль охватила обольстительная организмомания. Она родилась из благоговейного отношения ко всему органическому вообще, которое противопоставлялось всему механическому. Противоположные понятия становления и ставшего, жизни и смерти, которые производили гипнотический эффект, превращались в универсальные понятия. Организмами стали объявлять такие элементы культуры, как общество, государство, нацию, художественное произведение, язык, миф, и

т.д. Но, если культура развивается по законам органической жизни, то ее следует понимать как организм»¹. Данное явление во многом было реакцией движения романтизма на механицизм в теоретической сфере и надвигающуюся индустриализацию общественной жизни. Феномен органического понимался по преимуществу в телеологическом аспекте, с точки зрения целей и средств природы, активно одушевляемой романтиками: «Каждая часть органического продукта природы существует благодаря остальным частям, ради других и ради целого. Поэтому органический продукт, как нечто организованное и себя само организующее <...> есть одновременно и цель природы и средство для ее достижения. Значит организм — это маленький мир, существующий сам по себе и ради самого себя»².

Но можно найти и более ранние теоретические свидетельства, касающиеся осмысления отношений общества, организма и механизма. Так, в работе Г.В.Лейбница «Монадология» можно прочесть следующее: «Таким образом, всякое органическое тело живого существа есть своего рода божественная машина, или естественный автомат, который бесконечно превосходит все автоматы искусственные, ибо машина, сооруженная искусством человека, не есть машина в каждой своей части; например, зубец латунного колеса состоит из частей, или кусков, которые уже не представляют более для нас ничего искусственного и не имеют ничего, что выказывало бы в них машину, в отношении к употреблению, к какому колесо было предназначено. Но машины в природе, т. е. живые тела, и в своих наималейших частях до бесконечности продолжают быть машинами. В этом и заключается различие между природой и искусством, т. е. между искусством божественным и нашим»³. Здесь Лейбниц не переносит черты организма на общество, но подводит к перспективной теоретической

¹ Белов А.В. Культура глазами философов органицистов. – Ростов-на-Дону, 2002. – С.41

² Там же – С.36

³ Лейбниц Г.В. Монадология [Электронный ресурс] // Философский портал Philosophy.ru, URL: <http://www.philosophy.ru/library/leibnitz/mon.html> (дата обращения 12.03.12)

интуиции: если органическое тело есть своего рода машина, каждая часть которой остается машиной при движении в сторону микромира, то таким же образом совокупность людей, образующих сообщество может быть рассмотрена как машина, образованная людьми при движении в обратную сторону по шкале масштаба.

Ключевым моментом в осмыслении органической социально-философской метафоры была ее интеграция функционалистским направлением общественной мысли: «Об этом было сказано много раз, но, возможно, стоит повторить, что функционалистский образ общества это образ организма. В самом деле, предтечи функционализма, как, например, Герберт Спенсер, часто описывали общество как организм. Общества были такими же комплексными системами взаимозависимых частей, как и организмы. И так же, как части организма выполняли некоторые ключевые функции для бытия организма, также и части общества выполняли важные функции для своего бытия»¹.

Функционализм первого поколения сделал ставку на статический компонент органической метафоры, полагая, что наиболее ценным в органицизме является «разметка» социальных институтов в соответствии с обобщенной органической структурой. Основателю структурного функционализма Т.Парсонсу пришлось активно работать над отражением справедливых упреков в общей статичности этой теоретической модели. Он дополняет органическую интуицию системным подходом, призванным работать с социальной динамикой: «[...]Парсонс по сути использует две метафоры для выражения его (мира — С.П.) единства. Социальный мир как органическая форма, выделившаяся из общей субстанции и социальный мир как единая система. Метафора органического видоизменения является не главной и менее им осознаваемой; метафора системы закрепляется и намеренно используется. Органическая протоплазменная дифференциация представляет собой генетику единства; механика системы представляет

¹ Sanderson S.K. The Evolution Of Human Sociality. – Boston, 2001. – P.14

собой синхроническую координацию единства. Здесь очевиден намек на Руссо: социальные системы зарождаются как организмы, но повсеместно становятся машинами»¹.

Затронутый здесь А. Голднером вопрос об отношении механического и органического в структуре общества вновь отсылает к теоретическим интуициям Лейбница. Становятся ли на самом деле социальные системы машинами, каковы причины этой динамики, и не является ли «машинное» и органическое двумя частями одного целого, находящегося на более высоком уровне абстракции – открытый вопрос, требующий отдельного исследования.

Важный вклад в осмысление потенциала социально-философского органицизма внесла критика этого подхода представителями марксистской традиции. Одно из основных возражений, выдвигаемых против применения органического подхода к анализу общества, состоит, согласно марксистам, в игнорировании качественной специфики социальной реальности, несводимой к биологическим процессам. Как отмечает А.М. Каримский: «Разумеется, в объективной реальности все сферы так или иначе взаимосвязаны, однако связь между внутриклеточными и общественными процессами не такова, чтобы первые могли выступать моделью объяснения вторых, и чтобы при этом не извращалась их природа. Достаточно сказать, что любой из [...] видов социального поведения опосредован ценностными критериями, т.е. оно сознательно и ответственно, в то время как физиологические и биохимические реакции осуществляются без участия сознания»².

Это весьма важное замечание, заставляющее задуматься о специфике общественного бытия и том его уровне, к которому применяется та или иная теоретическая стратегия. Для этого необходимо определить, какую смысловую нагрузку несет понятие «сознание» (производными которого в данном случае являются «ценности» и «ответственность»). Согласно

¹ Голднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. – Санкт-Петербург, 2003. – С.248

² Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. – Москва, 1984. – С.

марксистскому подходу сознание есть способность высокоорганизованной материи отражать объективную реальность и фиксировать содержание отражения в качестве предмета в формах языка. Человек же представляет собой совокупность общественных отношений, то есть функцию от способа производства. Значит, в сознании отдельного человека или в общественном сознании не может быть ничего, кроме отражения объективных материальных структур. Это, конечно, ставит проблему возможности «ответственности», поскольку человек оказывается в рамках детерминистской онтологии, но это отдельный вопрос. Более важным является то, что при таком понимании сознания оно становится принципиально неотличимым от способности клетки отражать объективную реальность внешних факторов и собственных процессов путем изменения генетических последовательностей ДНК, и делать содержание отражения предметом, фиксируя его в клеточной структуре следующих поколений, обновляя их генетические последовательности.

Для большей наглядности параллелизма генетических и языковых феноменов можно привести следующую цитату Ю.В. Чернявской: «В 50–е годы в молекулярной биологии и семиотике был обнаружен структурный изоморфизм генетического кода и языка. Обнаружилось, что наследственность соответствует сообщению, «записанному» вдоль хромосом с помощью определенного вида химического «алфавита». В качестве «букв» этого алфавита выступают четыре химических радикала, которые, комбинируясь друг с другом в бесконечных линейных последовательностях нуклеиновых кислот, создают что-то вроде химического текста генетической информации»¹.

Таким образом, можно сказать, что язык является генетическим кодом исторического процесса, делая содержания отражений объективной реальности предметными, и закрепляя их в структуре будущих поколений.

¹ Чернявская Ю.В. Народная культура и национальные традиции. [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/11.php (Дата обращения 30.03.12)

Здесь, конечно речь идет не о словах языка, а о философских и технических текстах, выполняющих роль генетических последовательностей, программирующих дальнейшее функционирование общества и цивилизации.

Иными словами, если на микроуровне социальной реальности рассмотренный нами выше аргумент еще может быть применим для отстаивания сознательного поведения и ответственности индивида (хотя о проблемах с ответственностью в рамках сознания-отражения также было упомянуто), то на уровне общественных институтов и социума в целом – это скорее аргумент в пользу органицизма.

С этой же позиции можно рассмотреть и следующий аргумент: «Игнорирование целей, намерений, идеалов облегчает введение принципа биологического детерминизма для объяснения человеческих поступков и действий, поскольку их побудительным мотивом и причиной являются не идеальные или предвосхищаемые состояния дел, а лишь заложенные в биологической памяти механизмы действия, стимулируемые внешними раздражителями»¹. Здесь остается непонятным, чем биологический детерминизм отличается от материально-экономического, в рамках которого «идеальные или предвосхищаемые состояния дел» являются фиксированными в формах языка содержаниями отражений объективной материально-производственной реальности, тогда как «заложенные в биологической памяти механизмы действия, стимулируемые внешними раздражителями» являются фиксированными в генетическом коде содержаниями отражений объективной биохимической реальности. Даже акцент на том, что эти механизмы действия заложены в памяти, а человеческие действия могут носить творческий характер, свидетельствует об отличии не в принципе действия механизмов отражения, а в их скорости. Для биохимического творчества также есть специальный термин – эволюция.

¹ Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. – Москва, 1984. – С. 17

Еще один важный аргумент относится к критике биологического редукционизма: «Биологическое существование целиком обеспечивается посредством социального [...] Даже важнейшие морфофизиологические черты человека (скелет и степени свободы кисти руки, прямохождение и универсальная обзорность, мозг и мышление, гортань и речь) детерминированы производственной деятельностью и базирующейся на ней социальной формой жизни»¹. С этим можно согласиться, и сказать, что социальная жизнь действительно не сводится к биологическим процессам, а представляет из себя гораздо более многообразное целое, предполагающее как прямые, так и обратные взаимосвязи между биологическим и социальным. Однако нужно констатировать тот факт, что это положение поддерживает органицизм, а не опровергает его, так как позволяет провести прямую связь между изменением биологической структуры человека под воздействием производственной деятельности (т.е. посредством закрепления содержания отражений в предметных формах объективной реальности через посредство языка), и изменением биологической структуры клетки под воздействием функционирования самой клетки (закрепления содержания отражений в формах биологической реальности через посредство ДНК).

Важным теоретико-методологическим следствием, которое можно вывести из марксистской критики органического подхода является, то, что сам по себе органицизм не утверждает возможности редукции социальных феноменов к биологическим, говоря лишь о структурном параллелизме, тогда как марксизм утверждает вариант экономического редукционизма, сводящий социальные отношения к производственным. Неразрешенными в обоих подходах остаются вопросы о свободе и природе сознания, исследовательская работа над которыми крайне актуальна.

В связи с этим, в теоретическом пространстве возникает важнейшая проблема. Современное информационное общество, опирающееся на

¹ Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. – Москва, 1984. – С. 33

совокупность новых технологий, предоставляет ранее не встречавшиеся возможности для социального конструирования. С точки зрения органицистской интуиции, происходит перенос фундаментальных органических динамик в жизнь общества. Кроме того, что органические процессы переносятся в информационное пространство, они испытывают и обратное воздействие со стороны этого пространства, изменяя, таким образом, саму структуру социальности.

Однако при переходе к информационному обществу меняется и сам органицистский подход: «Акцент на городе, как на независимом теле или машине был смещен в сторону гибридной концепции пространства как системы технических устройств, которые увеличивают производственные и творческие возможности человека. Метафора киборга не только переосмысливает озабоченность индустриального города XIX века метаболизмом, но и расширяется до современного корпуса идей, которые можно обозначить как «нео-органицизм» с позиций применения биофизических метафор для интерпретации социальной и пространственной комплексности»¹.

Таким образом, эта теоретическая установка движется параллельно внедрению информационных технологий в жизнь общества. С этой точки зрения, является наиболее важным то, что в своей теоретической эволюции органическая метафора вплотную подошла к вопросу концептуального отражения реальности сетевых структур, не похожих на организмы с дифференцированными системами и подсистемами. Концептуализация сетевых структур в рамках нео-органицизма имеет прямое отношение к проблеме трансформации социальности информационного общества в ее иерархическом аспекте: «Если связь тело-город концептуализирована как мыслящая машина, тогда аналитический фокус смещается к идентификации тех критически важных сетей или «нейронов», которые поддерживают

¹ Gandy M. Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research 2005. – Volume 29. – №1. – P.29

взаимоотношения между телом и городом»¹.

Поддержание взаимоотношений между «телом и городом» может быть осмысленно как поддержание взаимоотношений между ландшафтом и инфраструктурой, между участниками коммуникации и сетевыми интерфейсами. При этом основным элементом, участвующим в социальной иерархии является уже не самостоятельный субъект эпохи модерна, но киборг, руководствующийся стратегиями «распределенного познания»: «Акцент киборга на материальном интерфейсе между телом и городом, возможно, наиболее ярко выражен в физической инфраструктуре, которая подключает человеческое тело к огромным технологическим сетям. Если мы понимаем киборга как кибернетическое создание, гибрид машины и организма, тогда городская инфраструктура может быть концептуализирована как серия взаимосвязанных систем жизнеобеспечения»².

Таким образом, социальность информационного общества конституирует новое поле иерархических отношений, где основные иерархические процессы разворачиваются между сетевыми структурами и их интерфейсами с одной стороны, и осмысливаемыми в нео-органицистском ключе участниками коммуникации, с другой. При этом процессы закрепления иерархических инстанций в виртуальном пространстве планомерно поддерживаются и закрепляются, по замечанию Д. Барни, процессами либерального капитализма: «Цифровая технология, поскольку она развивается в контексте современного либерального капитализма, обеспечивает материальные условия, в которых конкретность общего мира вещей систематически ускользает, и, таким образом, ассоциируется, скорее, с товарностью, чем с общиной»³. Современные социальные сети активно

¹ Gandy M. Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research 2005. – Volume 29. – №1. = P.30

² Ibid. – P.28

³ Barney D. The Vanishing Table, or Community in a World that is No World // Topia. – 2004. – №11. – P. 50

обучаются превращению самой коммуникации в товар, который может быть продан как самим участникам коммуникации (в виде возможностей привилегированных видов коммуникаций, недоступных без оплаты), так и другим сетевым структурам (в виде прав на рекламу, которую увидит миллионная аудитория той или иной сети). С этой точки зрения, социальная иерархия может в одном из своих аспектов определяться местом того или иного участника коммуникации в этих товарно-денежных цепочках, а также эффективностью монетизации тех или иных видов коммуникации.

Еще одной специфической характеристикой социальной иерархии, которая требует упоминания, является ее корреляция с актуальностью информации, которая циркулирует между участниками коммуникации. Как отмечает Л.А. Василенко: «Скоростные коммуникации создают материальные предпосылки для ускорения всех процессов, для настолько высокой динамики стохастических социокультурных событий, что теряется связь с прошлым в том смысле, что использование прошлого опыта становится бессмысленным. Мы все чаще останавливаемся для выбора следующего направления развития, понимая, что старое знание не поможет...»¹ Актуальность информации, таким образом, выступает как фактор социальной иерархии. Если человек не обладает необходимой информацией (будь-то знания, умения, квалификации), скорость устаревания которой постоянно увеличивается вследствие развития информационных технологий, то его позиция в сетях, где эта информация признается ценной, будет ниже позиций тех, кто данной информацией обладает и поддерживает ее актуальность. А возможность поддержания актуальности социально значимой информации, в свою очередь, зависит от наличия подключения к

¹ Василенко Л.А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. – Москва, 2009. – С.614

определенным сетевым интерфейсам. Таким образом, сетевые интерфейсы вновь оказываются ключевым пунктом, с которым связана социальная иерархия информационного общества.

В качестве другого фактора, влияющего на трансформацию социальной иерархии информационного общества, исследователи выделяют проблемы коммунитарности, связанные с сетевой социальностью: «Миллионы людей, в настоящий момент подключенных к Интернет, могут разделять некоторое чувство участия в новом захватывающем предприятии, но их вовлеченность не приносит чувства реальной общинности, нового *gemeinschaft*»¹. Действительно, старое представление о *gemeinschaft* как цельности и общинности, базовых и наиболее желательных характеристиках традиционно понимаемого коллектива, в информационном обществе более не актуально, вследствие трансформации структуры коммуникационных циклов, описанной выше. Однако здесь стоит учитывать два обстоятельства.

Во-первых, данное суждение К. Кумара было опубликовано в работе 2005 года, в эпоху, когда социальные сети еще не стали активными участниками глобального сетевого пространства.

Во-вторых, их появление и последующее доминирование в информационном пространстве стало предзнаменованием нового, нео-органицистского *gemeinschaft*, воплощающего в себе все те процессы социальной иерархии, о которых было упомянуто выше. Кризис старого типа коммунитарности приводит к появлению ее нового функционального аналога, основанного не на «общем духе», а на общем интерфейсе, подключение к которому открывает доступ к социальности. Отключение расценивается как девиация. При этом пространство технически опосредованной коммуникации демонстрирует потенциал самоорганизации, ведущий к выстраиванию информационных иерархических отношений по образцу органических: «...блогосфера развивалась в соответствии с

¹ Kumar K. From Post-industrial to Post-modern Society. – Oxford, 2005. – P. 178

иерархической структурой, то есть читатели и традиционные журналисты, по большей части, концентрировали свое внимание на небольшом числе известных блогов»¹. Возникает закономерный вопрос: как эта динамика согласуется с общей предрасположенностью сетевых структур к отсутствию единого центра?

Эту связь можно считать диалектической. Отсутствие жесткой централизации и ярко выраженной иерархии на базовых уровнях сетевых структур информационного общества диалектически приводит к появлению ярко выраженных иерархий на высших уровнях сетевой коммуникации, включающих в себя взаимодействие огромного количества информационных потоков. В качестве антитезиса децентрализованной инфраструктуре здесь выступает все еще централизованный (в силу своей биологической природы) ландшафт, то есть люди. Синтезом и является тот режим воспроизведения социальности в ее иерархическом аспекте, который характерен для информационного общества.

С теоретико-методологической точки зрения, все вышеперечисленные соображения свидетельствуют о необходимости выработки нового подхода к анализу иерархической структуры социальности информационного общества. Этот подход может быть основан на положениях системной теории, и должен учитывать специфику технически опосредованной коммуникации.

Построение такого подхода представляется перспективным начать с осмысления иерархической структуры информационного общества в терминах «медиума», одного из ключевых понятий системной теории общества. Как отмечает К. Маурер: «Луман предлагает очень простой путь для понимания того, чем может быть медиум: медиум это любое слабо сопряженное отношение элементов, которым можно придать форму. Медиум

¹ Maratea R. The e-Rise and Fall of Social Problems: The Blogosphere as a Public Arena // Social Problems . – 2008. – № 55. – P.140

не представляет собой материальную субстанцию, которая может принимать различные формы, скорее медиум это сформированные возможности, благодаря которым возможны формы. Конкретный пример: воздух и свет служат как медиумы для восприятия. Медиум не нужно мыслить как независимое единство, но скорее, в его отношении к форме. Далее, отношение к форме не представляет собой замкнутого или гармонического единства. Медиум должен быть понят как различие формы - будучи связанным формой, медиум должен сохраняться в качестве медиума, даже тогда, когда он «деформирован» формой»¹.

Иными словами, медиум является той средой, в которой распространяются иерархические импульсы. В случае социальных систем этот медиум - язык, на котором проходят коммуникации.

Принципиальным положением является то, что в обществе с развитой технически опосредованной коммуникацией происходит трансформация медиума. Это происходит вследствие усилившейся роли интерфейса, то есть самой системы технического опосредования, в социальной коммуникации информационного общества.

В рамках предшествующих социальных систем, основанных на централизованной иерархии, медиум использовался как средство управления через создание требуемой каузальности. Иерархия поддерживалась напрямую, формулировкой распоряжений, то есть степень, в которой реакция на сообщение соответствует внутреннему коду (что и понимается в данной работе как иерархия), контролировалась направленно и каузально. Иерархические инстанции создавали конкретные наборы причин и ожидали ответной реакции в виде конкретного набора эффектов. Однако для общества с развитой технически опосредованной коммуникацией такой принцип

¹ Maurer K. Communication and Language in Niklas Luhmann's Systems-Theory [Электронный ресурс] URL: http://publikationen.ub.uni-frankfurt.de/files/26178/01_Maurer_Communication_and_Language_in_Luhmanns_System-Theory.pdf. (дата обращения 25.10.2013)

управления больше не может оставаться центральным. Глобальное коммуникационное пространство слишком комплексно с точки зрения своей каузальности. Одной причине может соответствовать множество эффектов, а один эффект может обладать бесчисленным разнообразием причин.

В данной ситуации и выходит на первый план роль интерфейса как нового средства управления. Главным отличием этого средства является другой способ использования медиума как среды распространения иерархических импульсов. Интерфейс не формирует из медиума иерархические направленные послания, способные привести к созданию желаемой каузальности. Вместо этого, через модерацию и обслуживание технически опосредованной коммуникации интерфейс формирует сам медиум так, чтобы высказывания, осуществляемые с его помощью, были выражением нужной иерархической модели. В пределе - цель такого процесса может состоять в создании положения, при котором высказывание, противоречащее внутреннему коду сети, будет технически неосуществимо. Такая ситуация может сложиться в результате создания новых языковых моделей, отвечающих логике той или иной сети, и в результате трансформации концептосферы информационного общества.

На современном этапе развития этих процессов новые иерархические модели информационного общества действуют в ограниченном диапазоне возможностей. Интерфейсы модерируют коммуникацию, не затрагивая ее основного содержания. Примерами такой модерации могут служить: частичные присвоения пользовательской идентичности приложениями в социальных сетях, контекстная реклама, основанная на анализе пользовательских предпочтений и переписки, рекомендации социальных контактов, фильтрация поисковых запросов, вирусное распространение контента, организация флешмобов и псевдодискуссий, таргетированный маркетинг.

Таким образом, интерфейс начинает выполнять функции, характерные для иерархических инстанций предшествующих социальных систем. Он

организует структуру коммуникации. По сути, интерфейс может претендовать на место социальных норм, выполняя постоянное сопровождение технически опосредованной коммуникации, выходящей в современном обществе на первый план. Потенциально интерфейс может дать гарантии общественной стабильности, взяв на себя функцию всеобщей цензуры и сопровождения всех значимых социальных транзакций. Однако такая стабильность может быть достигнута только редукцией индивидуального человеческого сознания к положению направляемого извне комплекса детерминированных потребностей.

В этой связи, для анализа описанных выше процессов необходимо перейти от каузальной модели иерархии, к распределенной и структурной модели. Шаги, предпринятые в этом направлении западными исследователями, такими как М. Фуко с его концепцией власти¹, должны быть дополнены конкретными подходами к изучению иерархической структуры, применимыми в теоретической и практической социологии и в социальной философии. С этой точки зрения представляется актуальным пересмотр понятия функции, характерный для современного неофункционализма: «Луман считает, что главный недостаток этого (функционального - С.П.) метода состоит в самой попытке найти функциональные зависимости (инварианты отношений) между конкретной причиной и конкретным эффектом. Для него задача или цель функционального метода это не открытие инварианта, или более или менее вероятного отношения между конкретными причинами и конкретными эффектами, а скорее установление функциональной эквивалентности между несколькими возможными причинами с точки зрения проблематического эффекта. Таким образом, происходит изменение концепции функции. Она рассматривается не как эффект, который должен быть вызван, но, скорее,

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать – Москва, 1999

как регулятивная смысловая схема, которая организует сравнение эквивалентных возможностей деятельности»¹.

С этой точки зрения следует говорить также о том, что функция это не специфический вид причинно-следственного отношения, но причинно-следственное отношение = специфический вид функции. Интеграция данной теоретико-методологической установки в современную социальную философию может открыть новые перспективы изучения рассмотренных выше процессов. На таком основании представляется возможным построение адекватного иерархической структуре информационного общества исследовательского подхода, способного выявлять специфику современной социальной реальности и предлагать пути достижения актуальных общественных целей.

Позитивную перспективу дальнейших исследований социальности информационного общества в ее иерархическом аспекте можно связать с продолжением изучения взаимосвязей между трансформацией структуры коммуникационных циклов, внедрением новых сетевых интерфейсов и сопутствующих изменений в иерархической структуре сообществ. Препятствием на пути таких исследований является важный фактор, отмеченный Л.А. Василенко: «В информационном обществе изменение социальных отношений в значительной мере определяется сложностью и интенсивностью информационных процессов. Особую роль информационные процессы играют не столько в период постепенных линейных эволюционных изменений, сколько в век бифуркаций, периоды нелинейных процессов перехода социальной системы в качественно новое состояние. Нелинейность связана, во-первых, с усложнением свойств глобальной информационной среды за счет взаимодействия различных информационных сред. Применительно к социальным системам тема

¹ Bednarz J. Functional method and phenomenology: The View Of Niklas Luhmann // Human Studies. – 1984. – №7. – P. 347

нелинейности становится особенно острой»¹. Основной методологической рекомендацией по преодолению данного препятствия является установка на интеграцию социально-философских моделей информационного общества под эгидой такого теоретико-методологического и экспериментального инструментария, который внес бы существенный вклад в теоретическую и практическую экспликацию нелинейности и фрактальности как фундаментальных свойств социальной реальности информационного общества.

В качестве основных выводов второй главы диссертационного исследования можно выделить следующие положения:

1. Ведущими факторами информационного общества, обуславливающими новый режим воспроизведения социальной дифференциации являются: разделение на центры разработки проектов и на производственную периферию; проекция сферы производства на сферу потребления, менеджмент спроса и мотивации; сетевой паттерн социальности, подразумевающий замещение централизованных иерархических структур сетевыми структурами.

2. Функциональная социальная дифференциация в информационном обществе становится более доступной и более эффективной в качестве инструмента для решения конкретных задач. Это происходит за счет развития коммуникационных технологий, обеспечивающих новые возможности коммуникации, связанные с потенциалом социальных сетей.

3. Технология и машина становятся важнейшими факторами и участниками процессов социальной дифференциации в информационном обществе. Все больший круг социальных задач, связанных с принятием решений, отбором, классификацией, входит в компетенцию разных видов

¹ Василенко Л.А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. – Москва, 2009. – С.613

машин, приспособленных для встраивания в цепочки социальности, места в которых могли ранее занимать только люди.

4. Социальная значимость виртуального пространства многократно возрастает в ходе перенесения социальной коммуникации в сферу действия сетевых интерфейсов. Функциональная дифференциация сетевых инстанций начинает происходить с учетом характеристик и возможностей, предоставляемых технически опосредованной коммуникацией.

5. Появляется тенденция к отчуждению коммуникации от социальности, что может быть осмыслено как нарушение оперативной закрытости в рамках концепции Н. Лумана. Основанием данной тенденции является использование технически опосредованной коммуникации в качестве инструмента для решения коммерческих или политических задач через модификацию социальной реальности.

6. Трансформация социальной синхронизации в информационном обществе происходит через изменение структуры макро циклов коммуникации. Социальность концентрируется на пиках циклов коммуникаций, направленных на решение конкретных задач тех или иных сетевых структур, что создает впечатление «конца социального» и упадка социальной сферы как таковой.

7. Стандартизация коммуникационных циклов, осуществляемая в рамках активного внедрения сетевых интерфейсов в жизнь общества, приводит к облегчению синхронизации машины и человека в качестве равнозначных участников технически опосредованной коммуникации.

8. В ходе процессов социальной синхронизации информационного общества возникает противоречие между «инфраструктурой» и «ландшафтом», заключающееся в том, что гуманистический аспект социальности, оказывающийся в положении «ландшафта», начинает активно колонизироваться «инфраструктурой», представленной сетевыми интерфейсами, организующими пространство социальной коммуникации.

9. Процессы социальной иерархии в информационном обществе трансформируются из контроля исполнения функций в контроль правил производства и воспроизведения интерфейсов. Массовое распространение сетевых структур не позволяет осуществлять эффективный контроль прежнего типа, способный реализоваться только в рамках централизованной иерархической структуры. С другой стороны, через контроль коммуникационного пространства и качества информации, получаемой теми или иными участниками социальной коммуникации, возможно получение тех же результатов, которые достигались с помощью иерархической модели прежних централизованных социальных структур.

10. Иерархические процессы информационного общества могут быть описаны в рамках нео-органицистской социально-философской парадигмы, подразумевающей теоретическое сближение биологической реальности и реальности современного города. В рамках данного сближения человеческое сознание, тело, городское пространство и коммуникационные технологии, объединяющие все эти реальности, предстают как единое синтетическое целое, обладающее органическими связями и эмерджентными характеристиками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реальность информационного общества многопланова и противоречива. Феномен социального, воплощаясь в структурах информационного общества, трансформируется самым существенным образом. Данное исследование было направлено на выработку такого теоретико-методологического видения социальности, которое позволило бы социально-философским исследованиям информационного общества разрабатывать подходы, способные адекватно отражать специфику конституирующих это общество процессов.

Как показало данное исследование, социальное, понимаемое различными социально-философскими концепциями, представленными в истории социальной мысли по-разному, всегда оставалось феноменом, интерпретируемым в эссенциалистском ключе. В социальном видели либо сущность, предшествующую в своем существовании появляющимся обществам, либо сущность, постфактум редуцируемую к обуславливающему ее виду реальности. Данное исследование развивает теоретическую перспективу такого видения социальности, при котором она понимается как самостоятельный эмерджентный феномен, не сводимый к порождающим его характеристикам коммуникации.

Выработка приемлемой социально-философской модели социальности, способной отражать различные тенденции информационного общества, предполагает необходимость отказа от традиционных подходов к пониманию социальной реальности, развивавшихся в социальных условиях, далеких от тех реалий, описание которых являлось в данной работе одной из главных теоретических задач.

Являясь системным свойством коммуникации, несводимым к изначальным коммуникационным условиям, социальность информационного общества оказывается вынужденной отстаивать свою самостоятельность и независимость от коммуникационных технологий, демонстрирующих серьезный потенциал влияния на аспекты социальности.

Информационное общество, таким образом, оказывается не просто полезной надстройкой над социальной реальностью, но мощным фактором трансформации этой реальности. Как было показано в данном исследовании, магистральной динамикой информационного общества по отношению к социальности является процесс вторжения инфраструктуры в ландшафт. Главными характеристиками информационного общества, в этом отношении, являются не преобладание сферы услуг над сферой производства и не развитие возможностей массовой коммуникации как таковое. Для трансформации социальности являются наиболее важными такие особенности информационного общества как разделение на командный центр и на сверхиндустриальную исполнительскую периферию, проекция сферы производства на сферу потребления, а также сетевой паттерн социализации.

В этих условиях коммуникация становится колонизированной представителями сетевых структур, стремящихся через использование коммуникационных технологий модифицировать социальность информационного общества в соответствии с кодом своих сетей. На ведущую роль в этом процессе могут претендовать любые сетевые структуры, обнаружившие потенциал трансформации социальности, который предоставляют информационные технологии.

Трансформирующаяся структура социальности, опосредованной сетевыми интерфейсами, позволяет с невиданной легкостью инициировать процессы самоподдерживающейся коммуникации, которые могут быть использованы как для решения значимых общественных проблем, так и для воплощения сомнительных проектов.

Находясь в контексте современной рыночной экономики, социальность информационного общества становится подверженной всем характерным для этой экономики негативным процессам, усиленным достижениями информационных технологий. Наиболее тревожной динамикой с этой точки зрения является тенденция к выстраиванию нового *gemeinschaft*, воплощающего в себе нео-органицистский подход к пониманию взаимоотношений инфраструктуры и ландшафта. По сути, такой подход предполагает дальнейшую «дивидизацию» индивида, его «киборгизацию», его монтирование в структуру сетевых интерфейсов, отключение от которых означает исключение из социального пространства.

Учитывая то, что основные рычаги управления генезисом техники и генезисом информационных технологий находятся не в руках общества (теперь уже понимаемого не как целостность, но как совокупность сетей, заинтересованных в сохранении гуманистического аспекта социальной реальности), а в руках специфических сетевых структур, можно говорить о формировании предпосылок для пересмотра основ социальной реальности как таковой. Становится реалистичной перспектива «информационного средневековья», для которого будет характерна феодальная раздробленность сетевых структур социальности, монополизированное в догматическом ключе различными видами информационного контента массовое сознание, доминирование в общем поле социальности закрытых структур, имеющих доступ к генезису техники, а также являющихся носителями специализированных знаний.

С учетом такой перспективы становится крайне актуальной задача отстаивания независимости социальности от вторжений со стороны технически опосредованной коммуникации, как практическое выражение принципа социальности. Ключевым фактором в этом процессе может явиться противопоставление закрытым структурам, являющимся агентами «информационного средневековья», открытых социальных иерархий, использующих позитивный потенциал информационных технологий для

установления такого режима воспроизведения социальности, в котором гуманистический аспект будет доминирующим, а не инструментальным. Иными словами, обслуживание гуманистического аспекта социальности постольку, поскольку он является условием извлечения выгоды из широких масс участников коммуникации, может уступить место приоритету самостоятельной, в самой себе имеющей смысл и ценность социальности.

Дальнейшее расхождение между социальностью, укорененной в биологических и психических особенностях человека, и потому «медленной», и развитием технологически опосредованной коммуникации, во всех отношениях являющейся «быстрой», может привести к тотальной зависимости социальной реальности от генезиса техники, и, следовательно, от контролирующих этот генезис инстанций. Инфраструктура может полностью переработать ландшафт и вместо пейзажей привычной социальности человек, в лучшем случае, может оказаться наблюдателем гипериндустриальных пустошей. Данное исследование было направлено также на то, чтобы внести вклад в предотвращение реализации такой перспективы.

Дальнейшее проведение исследований в этой области может быть связано с несколькими ключевыми пунктами:

1. Является перспективной разработка междисциплинарных связей между социальной философией, социологией и исследованиями в теории хаоса, способными эксплицировать фрактальность и нелинейность социальности на новом уровне, как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

2. Подлежит дальнейшему осмыслению теоретическое наследие Н. Лумана, социально-философская теория которого представляется наиболее перспективной в аспекте ее применения к анализу процессов информационного общества.

3. Становится актуальным выявление экономических оснований информационного общества, а также установление связи между этими основаниями и процессами трансформации социальности.

4. Требуется концептуальная разработка проблемы отстаивания независимости социальности по отношению к технически опосредованной коммуникации.

5. Представляется перспективным создание комплексного теоретико-методологического подхода к проблемам информационного общества, обладающего адекватным для отражения исследуемой реальности инструментарием, а также высокой степенью теоретической гибкости, способной обеспечить коэволюцию трансформирующейся с высокой скоростью реальности информационного общества и описывающей ее социальной теории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – Москва : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Авдулов А.Н. Контуры информационного общества / А.Н. Авдулов. – Москва : ИНИОН РАН, 2005. – 162 с.
3. Августин Блаженный. О граде Божием : в 4 т. - Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. - Т. 3. - 283 с.
4. Адорно Т. В. Негативная диалектика / Т. В. Адорно.– Москва : Научный мир, 2003. – 374 с.
5. Алексухин С. И. Формирование новых коммуникативных сообществ / С. И. Алексухин // Исследовано в России : электрон. многопредметный науч. журн. – 2003. – Т. 6. – С. 1503–1516.
6. Американская социологическая мысль: Тексты. – Москва: Норма, 1994. – 424 с.
7. Аристотель. Политика // Соч. в 4 т.– Москва : Мысль, 1983. – Т.4.
8. Афанасьев В. Г. Социальная информация / В. Г. Афанасьев. – Москва : Наука, 1994. – 200 с.
9. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. В.Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2002. – 324 с.
10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт соц. прогнозирования / Д. Белл. – Москва : Academia, 2004. – 783 с.
11. Белл Д. Эпоха разобщенности : размышления о мире XXI века / Д. Белл. – Москва : Свободная мысль : Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 303 с.
12. Белов А.В. Культура глазами философов органицистов. / А.В. Белов.– Ростов–на–Дону : СКНЦ ВШ, 2002. – 174 с.
13. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 336 с.

14. Бергер П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / П. Бергер.– Москва: АспектПресс, 1996. – 168 с.
15. Бергер П. Капиталистическая революция : 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / П. Бергер ; пер. А.С. Смироновой. – Москва: Прогресс. – 314 с.
16. Блумер Г. Общество как символическая интеракция / Г. Блумер // Современная зарубежная социальная психология. Тексты – Москва: Изд-во МГУ, 1984.– С. 173–179.
17. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийяр // Поэтика политики. Альманах Российско-французского центра социологии и философии института социологии РАН. – Москва : Институт экспериментальной социологии, 1999. – С. 193–226.
18. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – Москва: Добросвет, 2000. – 257 с.
19. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2000. – 150 с.
20. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва : Добросвет, 2000. – 387 с.
21. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – Москва : Библион ; Русская кн., 2003. – 272 с.
22. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – 360 с.
23. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ / С. В. Бондаренко ; Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. ун-та, 2004. – 319 с.
24. Боргош Ю. Фома Аквинский / Ю. Боргош.– Москва: Мысль, 1975. – 183 с.
25. Борчиков С. А. Метафизика виртуальности / С. А. Борчиков // Тр. лаборатории виртуалистики. – Москва, 2000. – Вып. 8. – 49 с.

26. Бриллюэн Л. Наука и теория информации / Л. Бриллюэн ; пер. с англ. А. А. Харкевича. – Москва : Физматгиз, 1969. – 392 с.
27. Бурдье П. Начала / П. Бурдье. – Москва : Socio–Logos, 1994. – 287 с.
28. Бурдье П. Социология социального пространства / П. Бурдье ; пер. с фр. ; общ. ред. Н. А. Шматко. – Москва ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 288 с.
29. Валерстайн Э. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Э. Валерстайн ; пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2003. – 368 с.
30. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI в. / И. Валлерстайн. – Москва : Логос, 2003. – 355 с.
31. Валлерстайн И. После либерализма / И. Валлерстайн; пер. с англ. М.М. Гурвица. – Москва : Едиториал, УРСС, 2003. – 253 с.
32. Валлерстайн И. Миросистемный анализ : введение / И. Валлерстайн; пер. с англ. Н.Тюкиной. – Москва : Наука, 2006. – 246 с.
33. Василенко Л.А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы / Л.А. Василенко // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / ред. В.В. Василькова. – Москва: Прогресс–Традиция, 2009. – С.612–640
34. Василенко Л.А. Информационная культура в системе государственного управления / Л.А. Василенко. – Москва : Изд–во РАГС, 2004. – 147 с.
35. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер: пер. с нем. М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппова. Москва : РОССПЭН, 2006. – 648 с.
36. Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер ; пер. с нем. К.С. Ивонина. Москва : Юрист, 1994. – 702 с.
37. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; пер. и сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. – Москва : Прогресс, 1990. – 804 с.

38. Веселовский В. Н. Философские основы информационной парадигмы. Краткий очерк гипотезы / В. Н. Веселовский. – Арзамас : Изд-во АГПИ, 1997. – 77 с.
39. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.
40. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс.– Москва: Академический Проект, 2003. – 528 с.
41. Гидденс Э. Ускользящий мир : как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс ; пер. А.Е. Смоляна.– Москва : Весь мир, 2004. – 365 с.
42. Гиренок Ф.И. Хвост ускользящей субъективности. [Электронный ресурс] // Независимая газета URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2008-07-31/4_science.html (дата обращения 12.10.12)
43. Голднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. / А.У. Голднер.– Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 574 с.
44. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии / А. Б. Гофман. – Москва : Книжный дом «Университет», 2001. – 320 с.
45. Голдман С. Теория информации / С. Голдман.– Москва : Иностранная литература, 1957. – 446 с.
46. Гофман И. Порядок взаимодействия / И. Гофман // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – Москва: Книжный дом «Университет», 2002. – 432 с.
47. Гуревич П.С. Основы философии: учеб. Пособие / П.С. Гуревич. – Москва: Гардарики, 2000. – 438 с.
48. Гуревич П.С. Проблема целостности человека / П.С. Гуревич.– Москва : ИФ РАН, 2004. – 176 с.
49. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт ; пер. П.А. Алябьев. – Москва : Эксмо, 2008. – 256 с.
50. Дагаев А.А. Экономика знаний в информационном обществе / А.А. Дагаев // Информационное общество. 2008. – №6. – С.40–52.

51. Доватур А. Политика и политики Аристотеля / А. Доватур.– Москва : Наука, 1965. – 388с.
52. Дука С.И. Информационное общество : социогуманитарные аспекты / С.И. Дука.– Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 168 с.
53. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме / Л. Дюмон. – Дубна: Феникс, 1997. – 304 с.
54. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки / Э. Дюркгейм // Теоретическая социология. – Москва : Университет, 2002. – Т. 1. – С. 2–31.
55. Дюркгейм Э. Метод социологии / Э. Дюркгейм // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. – Москва : Издательство: Междунар.ун-т бизнеса и упр, 1996. – С. 256–309.
56. Дюркгейм Э. Социология, ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – Москва: Камин, 1995. – 346 с.
57. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. [Электронный ресурс] // Центр корпоративного предпринимательства URL: http://www.ckp.ru/biblio/d/dur_labour.htm (дата обращения 02.02.13)
58. Дятлов С. А. Принципы информационного общества / С. А. Дятлов // Информац. об-во. – 2000. – № 2. – С. 77–85.
59. Епифанова Т.В. Человек, общество и государство в историко–религиозном учении Августина блаженного / Т.В. Епифанова Автореф. Канд дисс.– Н.Новгород, 2002. – 18 с.
60. Ершова Т.В. Информационное общество это мы! / Т.В. Ершова. – Москва : Институт развития информационного общества, 2008. –510 с.
61. Землянова Л. М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура / Л. М. Землянова // Вест. Моск. гос. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1999. – № 2. – С. 58–69.
62. Зиммель, Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования / Г. Зиммель // Г. Зиммель. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. Москва: Юрист, 1996. – С. 301–466.

63. Зомбарт В. Социология / В. Зомбарт. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 144 с.
64. Иванов Д. В. Императив виртуализации / Д. В. Иванов – Санкт-Петербург. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. – 211 с.
65. Иванов Д. В. Общество как виртуальная реальность / Д. В. Иванов // Информационное общество : сб. – Санкт-Петербург. ; Москва: АСТ, 2000. – С. 355–442.
66. Иванов Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. – Санкт-Петербург : Центр «Петербург. Востоковедение», 2002. – 213 с.
67. Иванов Д.В. Постиндустриализм и виртуализация экономики / Д.В. Иванов // Социология и социальная антропология. – 1998. – №1. – С.41–52.
68. История теоретической социологии. Социология второй половины XX – начала XXI века: Учебное пособие для вузов. – Изд. 3–е, перераб. И доп. – Москва : Академический Проект; Гаудеамус, 2010. – 526 с.
69. Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. / А.М. Каримский. – Москва : Мысль, 1984. – 208с.
70. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс.– Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
71. Моисеев, Н. Н. Информационное общество как этап новейшей истории / Н. Н. Моисеев. // Свободная мысль. – 1996. – № 1. – С. 39–56.
72. Моисеев Н. Н. Информационное общество: возможность и реальность / Н. Н. Моисеев. // Полис.– 1993. – № 3. – С. 12–34.
73. Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 3. – Москва : Наука, 1994. – 784 с.
74. Кастлер Г. Возникновение биологической организации / Г. Кастлер ; пер.с англ. Н. А. Райской ; под ред. Л. А. Блюменфельда. – Москва : Мир, 1967. – 90 с.
75. Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности / В. Е. Кемеров // Вопр. философии. – 1999. – № 7. – С. 3–13.

76. Кессиди. Ф. Гераклит / Ф. Кессиди, отв. Ред А.Е. Зимбули. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2004. – 217 с.
77. Киссель М.А. Гегель и современный мир / М.А. Киссель.– Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1982. – 151 с.
78. Коган В. З. Теория информационного взаимодействия : филос.–социол. очерки / В. З. Коган. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991. – 319 с.
79. Конт О. Дух позитивной философии / пер. И.А. Шапиро - Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 256 с.
80. Копосов Н. Е. Дюркгейм и кризис социальных наук / Н. Е. Копосов // Социол. журн. –1998.– № 1–2. С. 63. 22.
81. Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек. Критика социальных наук. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 28–39.
82. Кошелев А. В. Эволюция представлений о социальном – важное условие уточнения предмета социологии / А. В. Кошелев // Социологические исследования.– № 8.– Москва, 2009. – С. 134–139
83. Коршунов А.М. Диалектика социального познания / А.М. Коршунов. – Москва : Политиздат, 1988. – 382, [2] с.
84. Кравец А.С. Понимание смысла социальной деятельности : монография / А.С. Кравец. – Воронеж: Издательско–полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – 302 с.
85. Кравец А. С. Социальная феноменология в поисках смысла // Вестник ВГУ. Серия: Философия 2011.- №1.– С. 52–73
86. Кравченко С. А. Социология и вызовы современной социокультурной динамики / С. А. Кравченко, В. Л. Романов // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 3–11.
87. Красавин И.В. Концепция дифференциальной социальности. / И. В. Красавин // Известия Уральского государственного университета. – 2011. – № 2(91). – С. 27–40.

88. Круглов А. Что такое социальность, или социальность рациональная и зоологическая . [Электронный ресурс] // Психологос: Энциклопедия практической психологии. URL:
http://www.psychologos.ru/articles/view/что_такое_socialnost_ili_socialnost_racionalnaya_i_zoologicheskaya (дата обращения 12.10.12)
89. Кукарников Д. Г. Теория общества в XX веке: от Парсонса до Гидденса: монография / Д.Г. Кукарников. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. Ун-та, 2006. – 240 с.
90. Лейбин В.М. Глобалистика, информатизация, системные исследования / В.М. Лейбин. – Москва : URSS, 2008. – 275 с.
91. Лейбниц Г.В. Монадология [Электронный ресурс] // Философский портал Philosophy.ru .– URL:
<http://www.philosophy.ru/library/leibnitz/mon.html> (Дата обращения:12.03.13)
92. Лессиг Л. Код и другие законы киберпространства / Л. Лессиг. – Москва: Мысль. – 1999. – 225 с.
93. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. – Москва, Санкт-Петербург : «Алетейя», 1998. – 278 С.
94. Лисичкин, В.А. Формирование информационного общества / В.А. Лисичкин, М.М. Вирин. – Москва : ИСПИ РАН, 2008. – 271 с.
95. Лобье П. Социологическая альтернатива: Аристотель – Маркс / П. Лобье.– Москва: Российск. Гос. Гуманит. Ун-т, 2000. – 153 с.
96. Луман Н. Введение в системную теорию / Н. Луман . – Москва: Логос, 2007. – 360 с.
97. Луман Н. Власть / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – Москва : Праксис, 2001. – 250 с.
98. Луман Н. Глоссарий / Н. Луман // Социолог. журн. – 1995. – № 3. – С. 125– 128.
99. Луман Н. Медиа коммуникации / Н. Луман, А. Глухов, О. Ники-форов ; пер. с нем. – Москва : Логос, 2005. – 256 с.

100. Луман Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – Москва : Логос, 2004. – 250 с.
101. Луман Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–125.
102. Луман Н. Эволюция / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – Москва : Логос, 2005. – 256 с.
103. Мальковская И. А. Многоликий Янус открытого общества: опыт практического осмысления ликов общества в эпоху глобализации / И. А. Мальковская. – Москва : URSS, 2005. – 268 с.
104. Маковельский А. Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Ч1. До элеатовский период. – Казань: Издательство книжного магазина М.А. Голубева, 1914. – 230 с.
105. Маркс К. Экономическо–философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – Москва : Госполитиздат, 1956. – 690 с.
106. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И.С. Мелюхин. – Москва : Изд–во Московского Ун–та, 1999. – 208 с.
107. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество / Н.Н. Моисеев. – Москва : Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
108. Негодаев И. А. На путях к информационному обществу / И. А. Негодаев. –Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. – 399 с.
109. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. / А. Моль. – Москва : Мир, 1966. – 351 с.
110. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль.– Москва : Прогресс, 1973. – 406 с.
111. Момджян К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян. – Москва : Кн. дом. «Университет»; Высш. шк., 1997. – 445 с.
112. Момджян К. Х. Социум. Общество. История / К. Х. Момджян.– Москва : Наука, 1994. – 239 с.

113. Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / П. Монсон. – Москва: Нотабене, 1992. – 445 с.
114. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика / И.Н. Панарин. Москва : Поколение, 2006. – 553 с.
115. Новая постиндустриальная волна на Западе. – Москва : Академия, 1999. – 631 с.
116. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; пер. с англ. ; под общ. ред. В. Б. Чесноковой, С. А. Белоновского. – Москва : Академ. проект, 2000. – 879 с.
117. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // Социология : хрестоматия / сост. Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая. – Москва : Гардарики, 2003. – С. 92–123.
118. Пигров К. С. Социальная философия: учеб. для гуманитар. вузов / К. С. Пигров. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 295 с.
119. Платон. Законы // Диалоги. – Москва: Мысль, 1998. – 605 с.
120. Платон. Государство // Диалоги. – Москва: Мысль, 1998. – 605 с.
121. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук, 2001. – 656 с.
122. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс.– Москва : Мысль, 1986. – 558 с.
123. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: социальная системология / Ю.М. Резник. – Москва : Наука, 2003. – 525 с.
124. Рейман, Л. Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении / Л. Д. Рейман // Вопросы философии.– 2001. – № 3. – С. 918.
125. Свечников В. С. Социальное конструирование виртуальных реальностей / В. С. Свечников.– Саратов : Изд-во СГГУ, 2003. – 195 с.
126. Седов Е. А. Эволюция и информация / Е. А. Седов. – Москва : Наука, 1976. – 232 с.

127. Семенюк Э. П. Информационный подход к познанию действительности / Э. П. Семенюк. – Киев: Наукова думка, 1988. – 240 с.
128. Серавин Л. Н. Теория информации с точки зрения биолога / Л. Н. Серавин. – Санкт-Петербург : Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. – 160 с.
129. Сивиринов Б. С. Социальная квазиреальность или виртуальная реальность / Б. С. Сивиринов // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 39–44.
130. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 406 с.
131. Сомов В.В. Социологическое знание в социальной утопии Платона / В.В. Сомов // Социологические исследования. — 1993. — № 9. — С. 120–125.
132. Социальность. [Электронный ресурс] // OnlineDics.ru URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/s/sotsialnost.html> (дата обращения 12.10.12)
133. Социальность. [Электронный ресурс] // Словарь Даля онлайн URL: <http://v-dal.ru> (дата обращения 12.10.12)
134. Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции / науч. ред. А.Б. Лебедев. - Казань: Казанский ун-т, 2011. – 612 с.
135. Стариков Е.Н. Общество–казарма от фараонов до наших дней / Е.Н. Стариков. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 420 с.
136. Стиглиц Д.Ю. Глобализация : тревожные тенденции / Д.Ю. Стиглиц. Москва : Мысль 2003. – 300 с.
137. Сыродеева А. Судьба социального субъекта в культуре XX века / А. Сыродеева // Социодинамика культуры. Вып. 2. Социокультурная дифференциация. Кн.2.– Москва : Мысль, 1991. – С. 134–140.
138. Тард Г. Личность и толпа / Г. Тард ; пер. с фр. Е.А. Предтеченский. Санкт-Петербург : Изд-во «А. Большаков и Д. Голов», 1903. –178 с.

139. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. Москва : Центр, 1999. – 368 с.
140. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
141. Трубицын Д.В. «Индустриализм как технолого–экономический детерминизм в концепции модернизации: критический анализ. / Д.В. Трубицын // Вопросы философии.– 2012.– №3.– С.59–77
142. Турен А. Рождение программированного общества / А. Турен // Возвращение человека действующего : очерк социологии. – Москва : Научный мир, 1998. – 205 с.
143. Урсул А. Д. Информация: Методологические аспекты / А.Д.Урсул. – Москва: Наука, 1971. – 295 с.
144. Урсул А. Д. Отражение и информация / А. Д. Урсул.– Москва: Мысль, 1973. – 231 с.
145. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. Философские очерки / А. Д. Урсул.– Москва: Наука, 1975. – 287 с.
146. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф.Уэбстер.– Москва: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
147. Филипов А.В. Критика Левиафана / А.В. Филипов // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2006. – 298 с.
148. Фрике В. Социология техники: становление гуманистической парадигмы / В. Фрике // Социологические исследования.– 1993.– №6.– С. 123–129
149. Фуко М. Интеллектуалы и власть : Избр. полит, ст., выступления и интервью / М. Фуко ; пер. с фр. С.Ч. Офертаса.– Москва : Праксис, 2002.–381 с.
150. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко ; пер. с фр. И.К. Стаф. – Санкт-Петербург : Книга света, 1997. – 576 с.

151. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – Москва : Ad Marginem, 1999. – 478 с.
152. Фуко М. Рождение клиники : Археология врачебного взгляда / М. Фуко пер. с фр. А.Л. Ильдаева. – Москва : Смысл, 1998. – 378 с.
153. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко.– Москва : Прогресс, 1977. – 488 с.
154. Хабермас Ю. Модерн незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – №4. – С. 40–51.
155. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. Москва : Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.
156. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно. Москва – Санкт-Петербург : Медиум, Ювента. 1997. – 311 с.
157. Чернявская Ю.В. Народная культура и национальные традиции. [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер, URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/11.php (Дата обращения: 30.03.13)
158. Черри К. Человек и информация / К. Черри. – Москва : «Связь», 1972. – 368 с.
159. Чуринов Н. М. Информационная реальность / Н. М. Чуринов. – Красноярск : САА, 1993. – 271 с.
160. Чуринов Н. М. Философские основания информологии / Н. М. Чуринов.– Красноярск : Изд–во Красноярского университета, 1990. – 233 с.
161. Шеннон К. Э. Работы по теории информации и кибернетике / К. Э. Шеннон.– Москва : Изд–во иностранной литературы, 1963. – 829 с.
162. Шеховцев А. Ю. Информационные аспекты познавательных и коммуникационных процессов / А. Ю. Шеховцев. – Саратов : Изд–во Саратовского университета, 1998. – 169 с.

163. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / К. Шмитт.– Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2006. – 298 с.
164. Щербицкий Г. И. Системный характер информации / Г. И. Щербицкий. Минск : Наука и техника, 1978. – 224 с.
165. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. — Москва : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
166. Элиас Н. Общество индивидов / Н. Элиас. Москва : Праксис, 2001. – 336 с.
167. Aurigi A. De Cindio F. Augmented urban spaces : articulating the physical and electronic city / A. Aurigi, F.De Cindio. – Hampshire : Ashgate publishing, 2008. – 367 p.
168. Aquinas Thomas. De regimine principum – I. 1 [Электронный ресурс] // Una Voce Russia [Офиц. сайт], URL: http://www.unavoce.ru/library/aquinas_ruling.html (дата обращения: 17.10.12)
169. Axel T. P. Organizing Husserl: On the Phenomenological Foundations of Luhmann's Systems Theory // Journal of Classical Sociology. – 2001. – №3 pp. 371 - 394
170. Barnes J. The presocratic philosophers / J.Barnes. – New York : Routledge, 2000. – 586 p.
171. Barney D. The Network society / D.Barney. – Cambridge : Polity Press, 2004. – 198p.
172. Barney D. The Vanishing Table, or Community in a World that is No World / D.Barney // Topia, 2004, №11. – pp. 49–66
173. Bednarz J. Functional method and phenomenology: The View Of Niklas Luhmann // Human Studies. – 1984. – №7. – pp. 343-362
174. Bertram C. Rousseau and The Social Contract / C.Bertram. – New York : Routledge, 2004. – 213 p.
175. Between state and market: Housing in the post-industrial era / Ed. B. Turner. Stockholm : Almquist & Wiksell intern, 2001. – 297 p.

176. Bichler M. The future of e–markets : Multi–dimensional market mechanisms / M. Bichler. Cambridge : Cambridge univ. press, 2004. – 248 p.
177. Boucher D. Kelly P. The Social contract from Hobbes to Rawls / D. Boucher, P.Kelly. – New York : Routledge, 2005. – 280 p.
178. Bridge G. Watson S. Landscape and Infrastructure in the Late – Modern Metropolis: The New Blackwell Companion to the City / G.Bridge, S.Watson. – Oxford: Blackwell Publishing, 2011. – 784 p.
179. Buc P. The Dangers of Ritual / P. Buc. – Princeton : Princeton university press, 2001. – 272 p.
180. Castells M. End of Millenium / M. Castells.– Oxford: Blacwell publishing, 2004. – 448 p.
181. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society / M. Castells. – Oxford : Oxford University Press. – 2001. – 304 p.
182. Castells M. The power of identity / M. Castells .– Oxford : Blackwell, 1997. – 560 p.
183. Chandler A.D. A Nation Tranformed by Information / A. D. Chandler. – NY : Oxford university press, 2000. – 380 p.
184. Cruickshank J. Knowing social reality: A Critique of Bhaskar and Archer’s Attempt to Derive a Social Ontology from Lay Knowledge / J. Cruickshank // Philosophy of the Social Sciences. – Vol. 40 (4) Dec. 2010. – pp. 579–602
185. Davis M. Actual Social Contract and Political Obligation. A Philosopher’s History Through Locke / M.Davis. – New York : The Edwin Mellen Press, 2002. – 307 p.
186. DiPrete T.A., Gelman A., McCormick T., Teitler J., Zheng T. Segregation in Social networks Based on Acquaintanceship and Trust / T.A.DiPrete, A.Gelman, T.McCormick, J.Teitler, T.Zheng //American Journal of Sociology.– 2011. Vol.116 #4. – pp. 1234–1284
187. Drucker P.F. Post–Capitalist Society / P.F. Drucker. N.Y. : Harper–Collins Publ., 1995. – 267 p.
188. Gandy M. Zones of indistinction: bio–political contestations in the urban

- arena / M. Gandy // *Cultural geographies*, 2006. – №13. – pp. 497–516
189. Fuchs S. *Against Essentialism: A Theory Of Culture And Society* / S. Fuchs. – Cambridge, Massachusetts, London : Harvard University press, 2001. – 380 p.
190. Gandy M. *Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City* / M. Gandy // *International Journal of Urban and Regional Research*, 2005.– Volume 29.1. – pp.26–49
191. Giddens A. *Social theory and modern sociology* / A. Giddens. – Cambridge, 1987. –310 p.
192. *Industrial organization and the digital economy* / edited by G. Illing. – London : MIT press, 2006. – 307 p.
193. Kumar K. *From Post–industrial to Post–modern Society* / K. Kumar . – Oxford : Blackwell Publishing, 2005. – 289 p.
194. Lash S. *Critique of Information* / S. Lash. London : Sage Publications, 2002. – 234 p.
195. Leydesdorff L. *Luhmann’s Communication-Theoretical Specification of the ‘Genomena’ of Husserl’s Phenomenology* [Электронный ресурс] // сайт leydesdorff.net URL: <http://www.leydesdorff.net/coimbra/index.htm> (дата обращения 19.04.2014)
196. Luhmann N. *Social Systems.* / N.Luhmann - Stanford: Stanford University Press, 1995. – 684 p.
197. Luhmann N. *System as Difference.* / N. Luhmann // *Organization.* – 2006.– №13. – pp. 37–57
198. Masuda I. *The Information Society as Post–Industrial Society* / I. Masuda. – Washington : Society book, 2007. – 265 p.
199. Maratea R. *The e–Rise and Fall of Social Problems: The Blogosphere as a Public Arena* / R. Maratea // *Social Problems* 2008, №55. – pp. 139–159
200. Maurer, K. *Communication and Language in Niklas Luhmann’s Systems-Theory* [Электронный ресурс] // Сайт publikationen.ub, URL: <http://publikationen.ub.uni->

frankfurt.de/files/26178/01_Maurer_Communication_and_Language_in_Luhmanns_System-Theory.pdf. (Дата обращения: 27.04.2014)

201. Morrison Stumpff A. The Law is a Fractal : The Attempt to Anticipate Everything / A. Morrison Stumpff.– Loyola University Chicago Law Journal. – 2012 [Vol. 44]. – pp.649–681
202. Mumford L. The Myth of the Machine / L. Mumford. – N. Y. : Jovanovich, 2001. –271 p.
203. Nagel T.H. The Descriptive Analysis of Power / T.H. Nagel. – New Haven : Yale University Press, 2004. – 381 p.
204. Pires E. The Epistemological Meaning of Luhmann's Critique of Classical Ontology // Systems 2013. = №1. = pp. 05–20
205. Rasch W. Niklas Luhmann's modernity: paradoxes of differentiation / W. Rasch . – Stanford : Stanford University Press, 2000. – 246 p.
206. Rudel T.K. How Do People Transform landscapes? A Sociological Perspective on Suburban Sprawl and Tropical Deforestation / T.K. Rudel //American Journal of Sociology Vol.115 #1 Jul 2005. (The University of Chicago Press) pp. 129–155
207. Sanderson S.K. The Evolution Of Human Sociality / S. K. Sanderson. – Boston : Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2001.– 393 p.
208. Stichweh R. Systems Theory as an Alternative to Action Theory? The Rise of Communication as a Theoretical Option // Acta Sociologica. = 2000. = №5 Vol. 43. = pp. 5-13
209. The Industrial dynamics of the new digital economy / ed. by J. Christensen. – Cheltenham ; Northampton (Mass.) : Elgar, 2003. – 285 p.
210. Wilson J. The Information revolution and developing countries / J. Wilson. – London : MIT press, 2004. – 431 p.